

ЧЛЕН
МЕЖДУНАРОДНОГО
СОЮЗА ВЫСТАВОК
И ЯРМАРОК

VIII специализированная выставка

Образование от А до Я

28-31
марта
2006

Организаторы:

- Министерство общего и профессионального образования Свердловской области
- Управление образования Администрации г. Екатеринбурга
- Выставочный центр КОСКА «Россия»

В программе:

Конференции, консультации, презентации, семинары, «круглые столы»

Место проведения:

КОСКА «РОССИЯ»
Екатеринбург, ул. Высоцкого, 14
Тел./факс: (343) 347-45-05, 347-18-32
soclum@kcru; www.kosk.ru

Разделы выставки:

- ВУЗы, колледжи, техникумы, училища, лицеи, гимназии, школы
- Дополнительное и бизнес-образование
- Международные образовательные центры, туристические фирмы
- Информационные технологии в образовании
- Оргтехника, канцтовары
- Учебная, методическая, деловая литература, пособия
- Мебель, оборудование для образовательных учреждений
- Ярмарка вакансий

Генеральный информационный партнер:

**КУДА ПОЙТИ
УЧИТЬСЯ**

Екатеринбург

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР РЕКА ВРЕМЕНИ

ЧИТАЙТЕ В АПРЕЛЕ:

Всякое путешествие – это своего рода маленькая жизнь. Туристический поход с его тяготами тем более. Пустыковский, казалось бы, сплав по маленькой речушке Адуй, предпринятый спортсменами одного из турклубов Екатеринбурга, обернулся настоящим экстримом. Здесь было всё: разлившаяся после весенних паводков река, завалы, кусты, ручьи, болота, для преодоления которых приходилось проявлять чудеса ловкости, и прочие препятствия, сплотившие участников похода в единую команду, – команду победителей.

Открытию нового водного сезона посвящается. Не пропустите следующий номер «Уральского следопыта»!

Лет двадцать назад недалеко от Кургана, в порушенном Далматовском мужском монастыре, случилась неожиданность. Солдаты из стройбата ломали монашеский корпус и в одной из келий обнаружили замурованную нишу. В ней лежали гусли. Строгие церковные каноны учили, что в монастыре нет места музыкальным инструментам. Но, как доказывала находка, запрет все-таки нарушался. Не ради развлечения: под гусли в былые времена ставили голос, разучивали псалмы и колокольные звоны.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2006, №3 (585)

УРАЛЬСКИЙ № 3 (585), 2006
следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

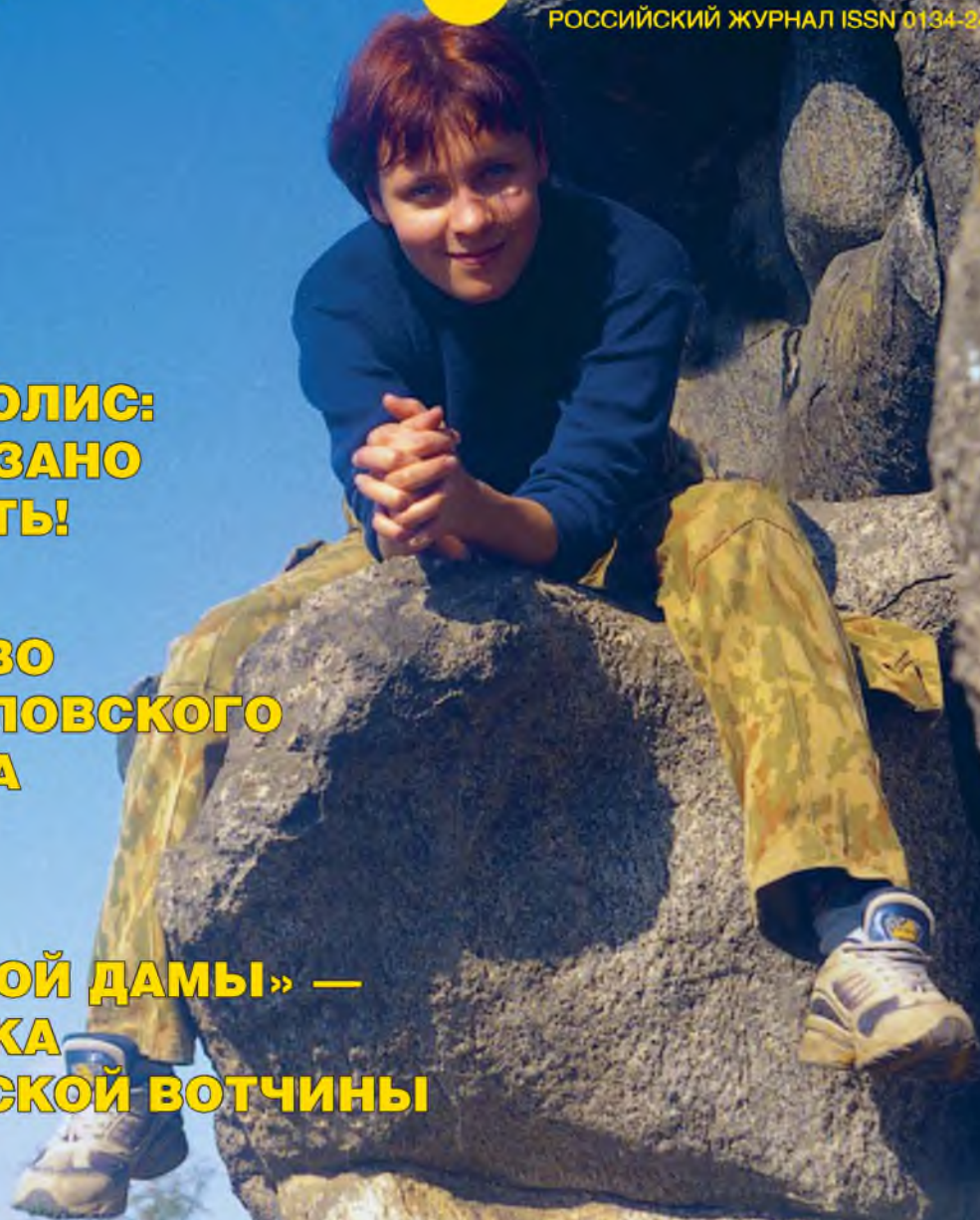
март:

**МЕГАПОЛИС:
ПРИКАЗАНО
ВЫЖИТЬ!**

**ДЕТСТВО
СВЕРДЛОВСКОГО
ЛАБУХА**

**ДОЧЬ
«ПИКОВОЙ ДАМЫ» —
ХОЗЯЙКА
УРАЛЬСКОЙ ВОТЧИНЫ**

**ВЕСЕННЕЕ
НАСТУПЛЕНИЕ**

Маршруты Уральского следопыта

«Нургуш, хребет между озером Зюраткуль и рекой Юрюзань у села Тюлюк. Поперечная долина делит его на две части: северную — Большой Нургуш и южную — Малый Нургуш. Наиболее высокая вершина (1406 м) находится в северной части хребта. Местное башкирское население связывает с нур — «луч», «сияние» и кош — «птица»..., то есть в переводе «Лучезарная птица». Перед нами роскошная метафора, или народная этимология, при помощи которой осваивается какое-то древнее, может быть, добашкирское название.

Зигальга, один из самых высоких и красивых хребтов Южного Урала, находящийся на левобережье Юрюзани, между хребтами Нургуш и Нары. Длина — более 40 км... На хребте много островершинных гор и скал. Наиболее значительные вершины: в северной части хребта — Поперечная — 1389 м, в центральной — Мерзлый Утес, или Мерзлая — 1237 м, в южной — гора Большой Шолом — 1425 м».

Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. — Челябинск, 1990.

ЧЛЕН
МЕЖДУНАРОДНОГО
СОЮЗА ВЫСТАВОК
И ЯРМАРОК

ОХОТА. РЫБАЛКА

III межрегиональная выставка-ярмарка

23–25 апреля 2006

ОРГАНИЗАТОРЫ:

- Союз охотников и рыболовов Свердловской области
- Екатеринбургское городское общество охотников и рыболовов
- КОСК «Россия» Выставочный центр

ПОДДЕРЖКА:

- Министерство по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области

РАЗДЕЛЫ ВЫСТАВКИ:

- Рыболовно-охотничье снаряжение
- Рыболовные снасти
- Оружие, оптика, техника
- Охотничье-рыболовные туры

В ПРОГРАММЕ:

- Презентация экспозиции охотничьих трофеев, работ художников-таксидермистов, фотохудожников
- Шоу-показ «Полет сокола на вабило»
- Областная выставка собак «Борзые и лабрадоры»

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

КОСК «Россия»

Екатеринбург, ул. Высоцкого, 14

Тел. (343) 347-48-07, 347-18-32

www.kosk.ru

Главный редактор — Максим Фирсов
Редакторы разделов — Юний Горбунов,
 Елена Минкаова,
 Андрей Беспутин

Худ. редактор, верстка — Юлия Ульянова

Художник — Ирина Овсянникова

Набор — Валентина Кадочникова

Корректор — Татьяна Сергеевко

Интернет-версия — Андрей Ключников

На 1-й полосе обложки — фото
 Сергея Полякова

Учредитель — общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»

Издатель — ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин,

Сергей Казанцев,

Борис Стругацкий,

Геннадий Пращкевич,

Олег Поскребышев,

Юрий Казарин,

Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет —

Евгений Виноградский,

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко,

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор,

заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке
**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт». № 3, 2006
 Издается с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

**Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР**

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом
 на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт,
 по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице. Каждая
 страница рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе;
 указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректорскую и редакционную правки.

В первую очередь рассматриваются рукописи, дополнен-
 ные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТEMA.

Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

**По вопросам приобретения журнала
 обращаться по тел. (343) 257-10-74.**

Подписано к печати 04.03.2006 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

ООО ПТЦ «ЯСА»

г.Красноуральск, ул. Чкалова, 4

Заказ № 1932

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

март 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Екатеринбургские тайны

И. ГЛАДКОВА

Курс на полуостров, или
 Многослойный пирог Большеконного ... 6

Портреты

Е. МИНАКОВА

Староста тюменского космоса 1 0

М. НЕМЧЕНКО

«Горка крута, да миновать нельзя...».

Повествование о судьбе Бажова 23

Дочь «Пиковой дамы» 63

Н. АКИФЬЕВА

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Писательницы России..... 9

Музеи

Л. РУСАКОВ

С голубого родника
 начинается река 14

В мире прекрасного

О. КАРЯКИНА

«Костер рябины» на подносе 2 0

А. МОЛЧАНОВ

Последний аккорд Валерия Бириха ... 66

Легенды и были

О. ОЖГИБЕСОВА

Чудо явленных икон 37

Б. ГАЛЯЗИМОВ

Двойник великого старца 5 7

Клуб собирателей

А. МАКУРИН

Уральские наследники Наполеона 49

Фотовернисаж

Е. МИНАКОВА

Маленькие новеллы о Севере 60

Занимательная нумизматика

В. ПУРОНЕН

С монетой не в кармане,
 а на груди 68

АЭЛИТА

Современная проза

Т. ГОГОЛЕВИЧ

Первый рассвет 3 9

Красные яблоки в холодных садах .. 4 4

Детство свердловского лабуха 7 5

В. КОСТЮКОВ

Современная поэзия

В. КОЗЛОВ

Стихи..... 4 7

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Экспедиция

С. ПОГОРЕЛОВ

В холодной северной ночи 2

Записки очевидца

Г. МАКСИМОВ

Быль о медведях 1 1

С. ГОЛОВИНА

Штурмуем Уральские горы..... 8 5

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ

По дороге к Сказу 1 8

Путешествие

А. ЛОЖКИНА

На крыльях лучезарной птицы 5 4

Фотоконкурс

Заповедные земли

..... 5 6

Советы специалиста

Г. ЧЕУРИН

Самоспасение в городе 72

В ХОЛОДНОЙ СЕВЕРНОЙ НОЧИ

НОВЕЛЛЫ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Местное руководство вело себя странно. У них спрашивают: «Где у вас здесь шаманят?» Ответ: «У нас не шаманят. Эти пережитки ушли в прошлое». В какое прошлое?

Долго крутили мозги режиссеру и директрисе. Понятно, что у кочевого народа, до которого непросто доходит влияние цивилизации, не могут не сохраниться вековые традиции. Да и сами мы видели и снимали, как живет этот народ. Поневоле зашаманишь.

Шесталов клялся, что устроит нам пару ритуальных праздников. Уж он-то знает, что есть и чего нет у его соплеменников, которых он воспеваает своим творчеством. Местное начальство, может, не знало его как поэта, но как представителя верховной власти знало хорошо. В самом щекотливом вопросе — показе ритуальных шаманских действий на киноэкране — они решили спрятаться за спину настырного депутата. Как автор сценария, он изложил свои требования о содействии съемочной группе на красивом внушительном бланке с печатью. Прекрасно! В случае скандала в верхах виноват депутат Шесталов.

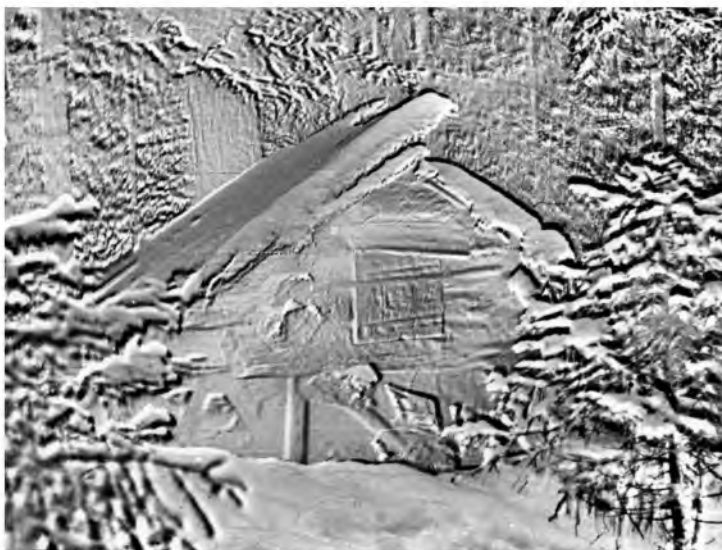
В разные концы березовского края полетели депешки с просьбами помочь организовать «праздник семи богатырей» и «медвежьих пляски». Молчание. Как говорится, нашли дураков. Кто признается, что шаманит?

Все хорошо помнят, как советская власть искореняла чуждые идеологии. Нас убеждали: есть клубы и дворцы культуры. Есть фольклорные ансамбли. Они профессионально хранят традиции, в хорошо пошитых костюмах, под ярким светом юпитеров. Поезжайте в Ханты-Мансийск, как-никак — столица автономии. Там и шаманский бубен найдете, и в музее, как в натуре, все снимете. Как раз этого режиссер и избегал.

Шесталов познакомил нас с мансийским уникамом — горбуном Шешкиным. Действительно уникальный человек. Скульптор, режет по дереву от миниатюр до крупных композиций на темы о своем народе. Пишет, сочиняет музыку. Как сам говорит, написал две мансийских оперы! Наконец, он подпольный шаман. У него в

роду все шаманили. Такого подарка мы не ожидали. Когда мы увидели его, единодушно отметили — шаман. Низенький, кривые ноги, горб на спине, сморщенное личико, колючие глазки. Умный. Именно Шешкин подсказал нам, где мы можем снять «праздник семи богатырей». Деревенька Вежакоры на берегу Оби. «Далеко отсюда, однако».

Ми-4 сделал разворот над Березово, и мы попилили в очередную тьмутаракань. На-конец-то с нами Шесталов. Поэт решил размяться и, может быть, самому поучаствовать в шаманском действе. Срок возвращения, конечно, обговорили. Вдобавок нас успокоили, сказав, что в Вежакорах есть телефон (?!). С трудом верилось, так как пилоты долго искали этот населенный пункт на карте.

Продолжение. Начало в № 2, 2006.

Долго вертелись в предполагаемом районе. Наконец нашли. Сверху видны только четыре старых избы. Ни души. Пилоты заметили приткнувшуюся у одной избы лошадь. Раз есть живая лошадь, значит, есть живые люди, рассудили они. Не касаясь сугроба, вертолет завис, и мы, как бывалые десантники, высыпали за борт.

Разумеется, нас никто не встречал. Юван в прекрасной заморской дубленке, с золотыми очками на мансийском лице, по пояс в снегу выглядел весьма экзотично. Он неуклюже барахтался, пытаясь двигаться вперед, к домам. Ровной цепочкой вслед за ним барахтались все остальные. Замыкала шествие, чертыхаясь на всю шаманскую округу, Нина Николаевна.

На оперативном просторе вокруг изб снег утопан. Мы постучались в ближайшую, у которой стояла лошадь. Тишина. Хотели пойти к другой избе, как скрипнула дверь и на крыльцо вышел заспанный парень. Наш герой, сразу видно!

— Здравствуйте. Мы к вам... — выступила вперед Нина Николаевна, приготовив очаровательную улыбку. Шесталов слегка оттеснил её и повёл разговор на родном языке. Мы почтительно молчали, пытаясь угадать интонации. Чужая нетерпение, Юван перевел: «Его зовут Иван. В

этом доме его жена и дети. Отец в соседней избе, тоже с семейством. Еще в одной избе живет русский лесник, но его сейчас нет, обещал к вечеру вернуться. Четвертая изба нежилая. Нам предлагает идти в дом лесника». Юван еще поговорил с Иваном и перевел нам: «О наших делах нужно разговаривать с отцом. Сейчас он спит».

Отец проснулся, когда мы перевезли всю аппаратуру, расположились в тесноватом домике лесника и уже приступили закусывать. Зайти к нам он не пожелал. Встреча состоялась на нейтральной территории, на улице между домами. Поэт опять взял на себя роль переговорщика. По отрицательным жестам отца поняли: переговоры идут туго. Наконец узнали: он не шаманит, все это враки, зря прилетели, он — благопристойный рыбак.

Нина Николаевна принесла початую бутылку водки. Папа выпить не отказался. После второй рюмочки разговор пошел веселее. Третья рюмка сделала свое дело: папа попросил бутылку для женщин и ушел, спрятав ее за пазуху, сказав на прощание, что ему надо подумать, посоветоваться.

Мы стали судить-рядить, что бы все это значило?

Приехал лесник Николай Петрович. Русский мужик. В

больших годах, но крепкий. До революции, юношей, отбывал ссылку в Надыме, южнее по Оби, рядом со Сталиным и Свердловым. В разгар революции разошелся с большевиками и сам себя пожизненно сослал на ту же Обь, только намного севернее. Служил по телефонной части. Потом стал лесником.

А вот и телефон! Мы не заметили его за тряпками. В углу на кухоньке висел старый, николаевских времен, телефонный аппарат, у которого надо было крутить ручку, чтобы куда-нибудь дозвониться. Музейная редкость! Мы по очереди вертели ручку и кричали в трубку: «Барышня! Барышня!» Никто не отвечал, но что-то в трубке тихо-тихо шелестело. Казалось, это эфирное эхо давным-давно умерших разговоров. Линия не работала уже много лет. Где-то срезали дореволюционные ещё провода или просто завалились столбы.

Николай Петрович подтвердил: сосед-рыбак шаманит. Его знает вся мансийская округа. К нему часто приезжают для исполнения обрядов.

Юван взял отца-шамана в оборот, вдалбливая ему, что мы хорошие люди, снимаем кино, которое прославит весь мансийский народ и что дело всего в одном ритуальном празднике. То, что Юван говорил на его родном языке, что он знает Шешкина и разбирается в истории мансийского народа, у шамана вызывало уважение. Но упрям и хитёр был старик. Выяснилось: завтра приезжают его братья. Может быть, они согласятся участвовать в священных плясках. Для братьев понадобятся две бутылки водки, иначе разговора не будет.

Братья появились в этот же день к вечеру. Трое. На двух оленьих упряжках. Шаман пришел за обещанной жидкостью. До следующего вечера мы никого не видели.

Потерянные дни начали нас беспокоить. Волынка, затеянная папашей, могла нам дорого обойтись. Проблемы вскрыва-

лись постепенно. Оказывается, нужен жертвенный петух. Дело в том, что по ходу действия петуху отрубают голову, он, крутясь в агонии, на снегу разбрызгивает кровь, и по кровавому рисунку шаман предсказывает нечто... Поторговавшись с режиссером и с Ниной Николаевной, отец отправил сына куда-то за петухом. Тот вернулся с кукарекующей птицей только к вечеру следующего дня. Договорились о съемках на завтра. В ритуальных плясках будут задействованы шесть человек: отец, сын Иван, три брата и депутат Верховного Совета СССР Юван Шесталов.

Утром новая неприятность. Без огненной воды праздник не проводится. А у нас кончилась огненная вода! Все выпили.

Скандал на глухом берегу Оби. Шаман отказывается шаманить. Нина близка к истерике. Шесталов беспомощно машет руками и забыл родной язык. Режиссер панически схватился за голову. Братья-шаманы понуро сидят на запряженных нартах. Звукооператор сматывает микрофонную удочку. Где-то кукарекает помиллованный петух.

На помощь приходит Иван: «За чем дело? В сорока километрах вверх по реке есть поселок с магазином. Могу съездить. К вечеру вернусь». Наступил момент тяжелых раздумий. Быть или не быть? С Иваном снарядили в дорогу меня с двумя рюкзаками.

Вернулись мы только на следующие сутки. Нас встречали, как зимовщики в Антарктиде встречают первый корабль. К ночи все напилось.

Утром долгожданного съёмочного дня все долго собирались. Уже совсем было тронулись, вспомнили — забыли петуха. Долго решали, в каких санях его везти. Пришли к выводу, что удобнее везти на последних санях, где были аппаратура, я и Шесталов. Укутали петуха в тряпки и положили поверх ящиков. Наконец караван из четырех повозок тронулся. Впереди шаман с сыном, за ними режиссер и оператор с камерой наизготовку, звукооператор и Нина Николаевна. В третьей повозке ехали не совсем протрезвевшие братья. Замыкали цепочку мы с Юваном.

Пересекли Обь. Въехали в густой лес, в котором, казалось, саням не развернуться. Петляем, петляем и все глубже втягиваемся в реликтовую тайгу. Крайностища! Если случайно задеть какую-нибудь низкую ветку, со всего дерева рухнет лавина сухого чистого снега, создавая искрящуюся на солнце белую занавесь из холодной пыли. Нос забьется, швыркнешь в себя, и в глазах целебное просветление.

Неожиданно Шесталов дико взвизгнул и соскочил с саней. Лошадь от испуга дернулась и остановилась. «Волки», — вздрогнул я. «Петух!» — заорал поэт и принялся разгребать тряпки.

Зрелище открылось нерадостное. Петух, кажется, сдох. И виноват в его смерти знаменитый мансийский поэт. Он все время сидел на нем. Мы оба испугались. По ритуальному протоколу петух должен быть только живой.

Мы медленно тронулись, как на похоронах.

— Где вы шляетесь?! — сердито закричала Нина Николаевна, когда мы появились на неожиданно открывшемся свободном пространстве. — Сколько можно

волноваться за тебя? (Это мне). Юван, почему вы так плохо выглядите? Что с вами?

— Ничего.

— Пить меньше надо, — директор картины сделала выговор депутату Верховного Совета.

— Может быть, — покорно согласился Юван.

Я не слушал их дальнейшую перебранку. Оператор уже снимал. Моя задача — помогать ему. Мотался за Герой с кассетником, где надо — подставлял плечо, спину, колени. И себя не забывал (на мне висел фотоаппарат). Было что снимать.

Перед нами — две древние избушки, крепко стоявшие на высоких пеньках. Дверцы закрыты деревянными щеколдами. После съемок я увидел скрытые лучные самострелы, которые заново взводились.

Поведение людей напоминало хорошо организованную съемочную площадку, только на фоне реально существующей сказки. Режиссер уточнял с шаманом нюансы и последовательность ритуальных действий. Братья почти протрезвели, разожгли костерок и рвались в бой. Оператор намечал точки съемок, и мы заранее протапывали в глубоком снегу проходы. Звукооператор налаживал магнитофон и длинную удочку с микрофоном. Директор картины поощряла всех светской улыбкой.

Сначала открыли одну избушку. Шаман достал из нее деревянные, украшенные таинственными

резными знаками, мечи и бронзовые украшения. Братья, увидев наследие предков, почтительно пали ниц. Властный окрик старшего заставил их подняться.

Открыли второй лабаз. Какое ритуальное одеяние извлекалось на свет! Мантии из оленьих шкур, полысевшие от времени, головные уборы, напоминавшие средневековые конусообразные колпаки с лошадиными хвостами на макушке, пояса с колокольчиками. Появились бубен, колотушка и еще что-то незнакомое, непонятное.

Наконец оделись, обвесились амуницией, взяли в руки мечи, шаман ударил в бубен. И началось...

Дикие вопли и завывания! Тревожный гул бубна. Хаотичное мотание хвостами и схлестывание ими! Мечи мелькали, но не соприкасались! На стволах деревьев гримасничали березовые маски. Вот им-то и доставалось от мечей. Вся воинственность «богатырей» была направлена против злых сил. Рисунок танца уловить невозможно. Может быть, именно так мансийский народ в тяжелые моменты призывал на помощь добрых духов. Сверху падала густая снежная пыль, создавая дополнительный театральный эффект.

Взмывленный оператор часто падал, прыгая, как лось по сугробам. Режиссер, замороженный спектаклем, смотрел, ни во что не вмешиваясь. Нина Николаевна в страхе спряталась за дерево,

чтобы ее ненароком не задела и чтобы случайно не попасть в кадр. Умного звуकारя вообще не видно было, где он сидел — черт его знает.

Неожиданно шаман взревел: «Петух! Где петух?»

Я подсунил Борису Григорьевичу дохлую птицу. Он, находясь в гипнотическом состоянии, ничего не заметил и кинул ее шаману. Шаман поймал петуха за горло и в ужасе отбросил его:

— Что это? Почему петух дохлый? Где живой? — он вытащил топорик и кинулся на режиссера, скинув колпак.

— Не знаю, — растерянно бормотал Борис Григорьевич, ища глазами директрису. Та тоже ничего не понимала. Был петух живой, а теперь дохлый.

Шаманские вопли на всю тайгу. Один из братьев подхватил бубен и, еще находясь в трансе, устроил такой грохот... Депутат скинул с себя лошадиный колпак и кинулся выручать режиссера. Мешая мансийский и русский языки, он доказывал, что петух не выдержал низкой температуры и замерз! Нельзя же из-за этого останавливать творческий процесс! Надо искать выход! Выход нашла Нина Николаевна, поднеся шаману стакан водки. Тот выпил и мгновенно вернулся в реальный мир.

— Однако надо заканчивать.

Борис Григорьевич совершил профессиональный подвиг: порезал себе палец. Снег окропили режиссерской кровью. Мертвому петуху отрубили голову. Потом стали крутить безголовую птицу, имитируя предсмертные судороги. Как это делалось — кинематографическая тайна. На экране, благодаря операторскому мастерству, все выглядело натурально.

Злых духов изгнали. Все сняли. С облегчением выпили по стакану водки, повеселели и поехали домой.

Где всё происходило? Мне никогда не найти это святое место. Да и опасно.

(Окончание следует.)

Инна ГЛАДКОВА

Курс на полуостров,

или

Многослойный пирог Большеконного

Это — не путешествие, это будет скорее прогулка. Если говорить о расстоянии, то надо отойти от исходной точки по морским меркам всего на восемь кабельтовых, то есть миль на пять. Но нам предстоит заплыв в ушедшее время, которое живет в подкорках человеческой памяти, а значит, оно, как и «мысль», абсолютно материально. И здесь всегда есть место неожиданным открытиям.

Итак, мы движется по берегу водохранилища в начале XVIII столетия, причем в то конкретное место, где в далекую пору не на жизнь, а на смерть поссорились два известных исторических персонажа: Акинфий Демидов и Василий Татищев. Но об этом чуть позже.

Напомним: знаменитой крепости-завода на Исети еще не было. Идея о ней витала лишь в прозрачном таежном уральском воздухе и в горячих головах. А место, куда мы прибыли — полуостров Большеконный — конечная остановка трамвая одиннадцатого маршрута. Старожилы знают: это западная окраина Екатеринбурга.

По дороге, пока трамвай стучал по рельсам, взору открывались приятные глазу пейзажи. С одной стороны невысокий лесок, им покрыты многие километры торфяных болот, с другой — Верх-Исетский пруд: то самое искусственное водохранилище, и сегодня самое крупное в черте города. Это был дополнительный резервуар для накопления запаса воды, чтобы устойчиво, круглый год, мог работать огромный, тогда почти в 50 фабрик, Екатеринбургский железодельательный завод.

Часть холмистой суши во время затопления образовала, в частности, этот довольно живописный полуостров. А водная гладь отделила тот самый рудник, с которого нам уже пора наконец начать свой рассказ.

В те далекие времена, возмнив себя хозяином всего Урала, Демидов бесконтрольно самовольничал: вырубал, где приглянулся, принадлежавший казне лес. Кроме того, и это стало главным яблоком раздора, захватил богатейшее месторождение флюсов, столь необходимых в металлургических процессах. И эти флюсы еще задорого продавал казенным заводам.

Драгунский капитан Татищев, с особыми царскими полномочиями, как известно, приехавший на Урал искать руды и строить крупный завод, решил пресечь безобразия зарвавшегося заводчика. Взяв взвод солдат Тобольского полка, прибыл на Оброшинский карьер. Как и следовало, навел на

нем порядок и выставил свою охрану. А нападать на солдат было уже рискованно, это квалифицировалось как «государственное преступление». Так Демидов потерял лакомый кусок. Пришлось отступить. Но отступил он, как пишет история, застав на обидчика «черную злобу».

Название «Большеконный» ничего иного не означает, кроме как хорошее место для выгона скота. На этой некогда глухой окраине Екатеринбурга селился люд другого крупного завода, построенного тремя годами позже, то есть в 1726 году, «казенным коштом... на государственной земле, при реке Исети». Застройка его началась при Верхней плотине с трех амбаров с шестью молотовыми.

Причем в застройке Верх-Исетска (как еще называли завод с поселком) были особенности. Мастерские жили не в казармах. Им раздавали земельные участки для строительства собственных домов. В таком виде до наших дней дошли некоторые кварталы старых улиц. Те рабочие, что были позажиточнее, старались завести свое натуральное хозяйство, строили большие подворья для скота, держали лошадей: заниматься извозом стало выгодно. Подводами на завод доставляли торф — добывали его на болотах. Гужевого транспорт необходим был и для подвоза руды, флюсов и других грузов. Коней же летом в ночное подрастки выгоняли пастись на полуостров Большеконный.

Пруд — огромное зеркало неправильной формы — образовал еще несколько небольших островов. И хотя сейчас они напоминают больше свалку мусора, летом к ним все равно гребут рыбацкие лодки и просто отдыхающие. На берегах горят костры, варят уху, загорают. Рыба в Верх-Исетском водоеме, какая-никакая, еще ловится, а вот где раки зимуют — не скажет уже никто, поскольку «рак на горе в последний раз свистнул» с пуском на ВИЗе цеха холоднокатаной электротехнической стали.

Хранят эти острова множество тайн, даже — военные: в легендах Гражданской войны есть одна весьма правдивая, которая ведет нас к арсеналу. Будто бы, отступая, красные на одном из островов спрятали целый склад оружия: винтовок, пистолетов, патронов, даже пулеметы. Это позволило им потом в тылу белых вести партизанскую войну.

Надо сказать, что этот водоем в черте города еще был и судоходным. На восточной его стороне, у карьеров рудника, возникла небольшая пристань, которую почему-то называли Графской. Водную гладь бороздили не только лодки, но и пароходы.

Один из них под названием «Лебедь» был прогулочным, на нем каталась нарядная екатеринбургская знать. В середине XIX столетия на пруду красовался прогулочный пароход с надписью на борту «Надежда». Третий в этой малой флотилии был «Работник», свое имя он оправдывал делами. Это была судоходная баржа, перевозившая различные грузы на Верх-Исетский завод: руду, уголь, дрова и т. д. И трудился этот пароход вплоть до 40-х годов XX века. С ним мы с полуострова снова вернулись в начало нашего путешествия.

То есть — на трамвайное кольцо на ВИЗе. Время к полудню, захотелось перекусить. Тем более, что откуда-то идет аромат свежее испеченного хлеба. Откуда? Здесь трамваи, делая круг почета, объезжают высокое, непонятных архитектурных форм, строение. В нем оказался хлебозавод № 3. Это его булки так вкусно пахнут, но его сегодняшняя история нас все-таки не интересует.

Оказывается, на этом месте в XVIII веке построили деревянную церковь, потом ее превратили в красивый пятиглавый храм — главную вертикаль в застройке поселка и завода. Это был собор Успения Пресвятой Богородицы. В 30-х годах прошлого века, когда рушили храмы (только в Свердловске — 27), разорили и этот собор. Временем и людьми теперь он искалечен до неузнаваемости. Кресты и колокола утрачены, иконы и древние книги сожжены, росписи заштукатурены, драгоценные сосуды и серебряные оклады переплавлены. А обезображенное здание потом служило рабочей столовой, макаронным комбинатом, теперь — хлебозаводом.

Последний служитель Успенского собора Феликс Михайлович Козельский был арестован. 16 мая 1930 года суд приговорил его к пяти годам концлагеря. Далее следы этого священника вообще теряются.

Вот каким многослойным оказался «исторический бутерброд» с сегодняшней белой булкой. Мы его, можно сказать, только «надкусили», пока ждали наш трамвай одиннадцатого маршрута. К слову, это была пятая очередь трамвая в Свердловске, пущенная до Большеконного, взамен старой конки — важное связующее звено между поселком ВИЗа и тепловой электростанцией. Она и есть предмет нашего сегодняшнего путешествия.

Только вот история — будто цепная реакция. Опять зацепила еще за один интереснейший факт — за улицу, которая меняла свое название целых четыре раза. Вначале это была Первая Ключевская, затем она получила имя краскома Малышева. Но в годы бурного строительства Свердловска, когда ВИЗ наконец вошел в черту города, оказалось, что улиц имени Малышева у нас уже две, а это постоянно путало почтальонов. Тут приехал на Урал Серго Орджоникидзе, и партийная власть в одночасье приказала переименовать улицу в третий раз.

А в 1988 году бывшая Первая Ключевская — Малышева — Орджоникидзе получила еще одно

Собор Успения Пресвятой Богородицы

имя — Василия Никитича Татищева. В это время градостроители даже хотели соединить ее с улицей Ленина, чтобы это был главный, самый протяженный в городе проспект. Может, так бы оно и случилось, но путь преградило ранее построенное большое здание ОММ. С ним не знали, что делать: разрушить или под ним проложить туннель? Не найдя дешевого решения, грандиозная эта идея угасла.

Но главное все-таки произошло. Историческая справедливость, пусть даже и 265 лет спустя после основания Екатеринбурга, все-таки восторжествовала. И эта улица имени Василия Татищева — практически первый ему памятник в нашем городе, признание заслуг выдающегося государственного деятеля России. Правда, большинство домов на этой улице такие древние, что наверняка помнят еще конные инспекторские объезды самого Татищева.

Но вот наконец вагон отправляется на Большеконный. Мой сосед, мужчина в немолодых годах, Сергей Анатольевич Рожин, узнав меня по моим телевизионным «Екатеринбургским тайнам», признался, что тоже всегда интересовался краеведением, событиями прошлого именно этих мест, слышал жуткие истории, которые ходили о торфяниках. Особенно про тайные могилы.

Мы уже знаем о зловещем 12-м километре Московского тракта. Такой, пока безвестный, километр есть и на зыбких болотах, где карательные отряды НКВД уничтожили, а болотные промоины скрыли сотни безвинных жертв. Но где эти крова-

Электростанция

вые архивы? Сколько веков должно пройти, чтобы мир узнал имена злодеев? После «расстрельного тридцать седьмого» много весен таявший снег выдавал их преступления. Пробитые черепа не раз находили при земляных работах, когда в 60-х годах здесь общество рыбаков и охотников строило для себя учебный стрелковый стенд.

За разговорами проехали четыре с половиной километра — столько до конечной остановки. Справа на берегу водохранилища внушительное промышленное строение с трубами, которое старожилы называют «Рыковкой».

Кто постарше, тот еще помнит, как в советское время нам обещали светлое будущее — коммунизм. И люди верили, что даже в нашем отдельно взятом Свердловске — Екатеринбурге это может случиться очень скоро. Всего-то и надо было по плану ГО-ЭЛРО построить, в частности — на Большеконном, электростанцию мощностью 3 тысячи киловатт. Сегодня эта цифра вызывает улыбку, но по тем меркам — станция почти гигант.

Электростанцию строили ударными темпами и пустили в 1927 году. Назвали, как было принято тогда, именем одного из выдающихся деятелей партии, наркома внутренних дел Алексея Ивановича Рыкова. Но вскоре, обвинив в троцкизме, Рыкова расстреляли. Имя его из всех справочников приказано было вымарать. Это событие черной тенью накрыло здание. Правда, столь важному энергетическому объекту дали имя другого государственного деятеля — Валериана Владимировича Куйбышева.

Многое на станции было несовершенно, случались крупные неполадки. Засвидетельствовать лично те, порой, весьма драматические, события сегодня может только один человек — Антонина Константиновна Илюхина — живая история этого предприятия. Ее приняли секретарем-машинисткой в контору в 1928 году. Тепло вспоминает она весь руководящий персонал — это были очень грамотные инженеры, получившие образование еще в царской России. Среди них Остапович, Песков, Уткин. Сожалела, что не может вспомнить имя первого директора станции.

Жена главного инженера Остаповича, женщина с музыкальным образованием, руководила самодеятельностью — при станции был хороший

Веселый человек А.К. Илюхина

клуб. И молоденькая Тоня-Антонина нередко туда заглядывала, хотя в это время, как говорит, «без памяти влюбилась в оперу. Не пропускала ни одной премьеры театра». Смеясь, поведала, что постоянно пела на работе, а сейчас в бессонные ночи повторяет многие оперные партии, которые до сих пор помнит наизусть. В 2005-м ей исполнилось 97 лет, во что поверить трудно.

В 1931 году грамотную, подающую надежды девушку руководство станции направило учиться. Вернулась она сюда только в 1939-м, но тех классов специалистов — инженеров и техников — уже здесь не было. И только шепотом подружки сообщили ей некоторые подробности: мол, всех арестовали, главным образом «за вредительство». Судьба этих людей, конечно, печальна.

Антонина Константиновна, окончив техникум, получила место начальника химической лаборатории — участок сложный. Хотя полуостров еще издавна славился чистейшими источниками питьевой воды, но для нужд электростанции ее брали из пруда. А это — вода жесткая, неочищенная, она оставалась в котлах, в соединительных трубках толстый слой накипи. Сама начальница с двумя рабочими, Леонтьевым и Поповым, по несколько раз в году лазила в горячие емкости. Прочную накипь можно было сбить только зубилом.

Инженер КИП Владимир Георгиевич Маркелов (к сожалению, недавно умер) показал еще один тяжелый участок — зольный бункер в нижней части электростанции, где под каждым из восьми котлов вручную рабочий открывал тяжелые рычаги люков и раскаленная масса шлака ссыпалась в вагонетки. Огненную массу так же вручную выкатывали во двор.

Далекая от совершенства старая электростанция, ее турбинный цех, тем не менее, служили много лет еще прекрасной мини-исследовательской лабораторией студентам теплоэнергофака УПИ, где они по полной программе проводили практические занятия. В семидесятых годах надобность в мало-мощной станции отпала. Ее заменила в основном СУГРЭС.

Умерла она тихо, а с ней и целая эпоха в жизни нескольких поколений энергетиков. Она давала работу, средства к жизни. В поселке появились камен-

Инженерный корпус

ные дома. А теперь это забытая окраина. А ведь как все красиво начиналось в морозный февральский день 1927 года. Митинг, громкие речи. Коммунизм был уже на горизонте...

Тогда, к слову, родился бессмертный «ляп», вошедший в историю советской журналистики. Это были слова, которыми со смехом встречают энергетики всех начинающих корреспондентов: «Небось, напишете, что на станции повернули рукоятку, и ток тут же побежал по проводам?»

Как же родился такой афоризм? Ответ — в составленной учеными книжке-малютке «Вехи истории», где обозначена точная дата рождения новой, действовавшей на местном торфе Свердловской электростанции. Читаем приведенный из газеты текст:

«В три с половиной часа дня техник Силанов подошел к доске генерального пульта, спокойно повернул рычажок, и три тысячи вольт, бесшумно ударив в провода, полились непрерывным горячим потоком на заводы Свердловска».

Корреспондент, как видите, присутствовал при открытии станции. Это был наш известный писатель... Аркадий Гайдар!

Сегодня в некогда величественном здании, построенном по добротному проекту, с учетом даже дорогостоящих архитектурных излишеств, запустение и разруха. В нем теперь только котельная, которая обогревает поселок. А внешне эти развалины — ушедшая история. Верхний пояс, выложенный красивым орнаментом из белого камня, с большими балконами, — в крайне аварийном состоянии. Здание напоминает груды темного кирпича с торчащими из него высокими трубами. Если бы оно находилось в центре города, то могло служить украшением и достопримечательностью, а здесь, на забытой окраине, за ним следить просто некому. Хотя — это, безусловно, образец промышленного зодчества, замечательный памятник нашей энергетики и надо искать возможность его сохранить.

Только вот одна загадка: практически никто не знает, как электростанция выглядела первоначально. По какой-то мистической случайности фотографий того времени не сохранилось. Будто здание уже 78 лет и вправду укрывает чья-то черная тень.

Реставрация снимков Эдуарда Гильмана.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БАРАНЦЕВИЧ Зоя Федоровна (псевд. Баргер, 3.; 1896 — 1953), писательница, авт. воспоминаний.

Киноактриса. Авт. пьесы «Красное и черное: (Ист. молодого человека XIX столетия)» — по ром. Стендаля. Оставила воспоминания «Люди и встречи в кино». — В кн.: Кино и время. М., 1965. Вып. 4. С. 153–162. Сotr. в «Пегасе» (1916).

Масанов; ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 7367; РНБ.

БАРАТЫНСКАЯ Анна Давыдовна (урожд. кн. Абамелек-Лазарева; 1814 — 1889), поэтесса-переводчица.

Фрейлина императорского двора, одна из первых петербургских красавиц, Б. пользовалась успехом в свете и в среде литераторов. Сохранился ее альбом с посвящ. ей стихами А.С.Пушкина, И.И.Козлова, П.А.Вяземского, С.Н.Глинки и др. Близко знакомая с М.Ю.Лермонтовым, она хранит список стихотв. «Смерть поэта». В истории литературы Б. известна как популяризатор русской поэзии за рубежом. Она переводила широкий круг поэтов: Ф.Н.Глинка, М.Ю.Лермонтов, Ф.И.Тютчев, Н.А.Некрасов, А.К.Толстой, А.Н.Апхутин и др. Наиболее удачны переводы из Пушкина. Одновременно Б. переводит на русский яз. немецких, франц. и англ. поэтов. Особенно активно — Гейне. См. «Переводы немецких, английских и французских стихотворений». Изд. 2-е. Штутгарт, 1882 — А.Д.Б.

Русские писатели (портр.); Смирнов-Сокольский.

БАРАТЫНСКАЯ Екатерина Ивановна (ок. 1860 — 1920), журналистка и переводчица.

Авт. пьесы «Борьба за существование» (М., 1889); «Что говорил Наполеон на острове св. Елены» — «Ист. вест.», 1899. № 6 (Е.И.Б.).

Масанов; Венгеров. Источ.

БАРАТЫНСКАЯ Н.Д.

Авт. кн. «Друзьям на память. Стихотв. Н.Д.Баратынской». Казань, 1904 (портр.).

Розанов; РНБ.

БАРАЧ-МИШЛЕ Софья Петровна (1854 —), авт. популярных книжек.

Врач. Авт. кн.: «Гигиена. С необходимыми сведениями о строении и отправлениях человеческого организма». СПб., 1899; «Уход за здоровым и больным ребенком. Книга для матерей и воспитательниц». СПб., [1901].

Венгеров. Источ.; РНБ.

БАРВЕНКОВА Т.

(См. Бекарюкова-Гизетти Н.Д.).

(Продолжение на стр.48)

Староста ТЮМЕНСКОГО КОСМОСА

Тюменский Север. Кто только о нем не писал?! Художнику Михаилу Рогожневу удалось поднять «рекламу Севера» до уровня искусства. Так говорят о нем те, с кем он идет плечом к плечу вот уже более чем полвека. В этом художнике всегда жил дух творчества, и он в числе первых обратился к сибирской теме. Объездил на оленьей упряжке всю тундру. Месил грязь, пропадал в болотах, в комариных далях, чтобы сделать натурный набросок. Был летописцем, первопроходцем Севера... А ныне почти забыт, задвинут в уголки

памяти и, можно сказать, в тяжелейшем оказался положении.

Но, очевидно, так уж мы устроены: не ценим заслуг, не всегда готовы признаться в любви к человеку при его жизни.

А родился Михаил Степанович в 1924 году и по сей день живет в Тюмени. Профессионального образования не получил, зато сформировался как самородок и закончил тюменскую изостудию А. Митинского при Доме народного творчества. Школа Митинского — золотой фонд, она воспитала целую плеяду мастеров, в течение многих лет определявших художественную жизнь Тюмени. Когда началось повальное увлечение линогравюрой, Рогожнев побывал на многих творческих дачах «союзного» уровня и, как никто другой, освоил тонкости этой графики.

В письмах тех лет и Александр Митинский и Евгений Крол্লাу (основатель Тюменской областной художественной галереи, ее главный хранитель в 1950-е годы, подвижник-искусствовед с мировым именем) очень высоко оценивали творчество Рогожнева. С 1949-го по 1951-й он еще «учился», а уже в 1956-м участвовал в областной выставке (динамика роста!). Крол্লাу не скупился на похвалы — называл графику народного художника красивой, выстроенной и почти космической. И действительно, почерк Рогожнева ажурен (очень редкое для графики свойство), восхищает мастерским «диалогом» двух цветов — черного и белого...

Тюменский музей изобразительных искусств приобрел огромное количество его работ. Когда-то он был «очень нужен» и городу, и краю, а сейчас дела его не ахти. «Здоровышко подводит», — сочувственно говорит о нем его же брат — художник. Анатолий Седов, старейшина сибирских живописцев, роняет грустно: «Плохи его дела, потому что сейчас для нас важна нормальность. Вот я нормальный — водку пью... А он водку не пьет», — шутка, но почему-то смеяться над ней не хочется. Еще не так давно художник участвовал в коллективных выставках, а в последних каталогах работ его имени уже не находишь. Безусловно, этот человек, как и многие яркие представители его поколения, заслуживает боль-

шего. Он — живая легенда, «староста» Тюмени. Мастер, каких поискать, — со своим языком, оригинальной манерой: работает с природы — «натурщик», но, как никто другой, умеет создать обобщенный образ (что очень важно для графики).

Прошел войну, имеет награды, членский билет Союза художников России. На протяжении нескольких десятилетий — в 60–70–80-е — определял художественную жизнь края. И ни разу не изменил себе, не метался, как многие, сохранил цельность творчества... С 1957-го — он неизменный участник всесоюзных выставок.

В общем, человек-эпоха.

Геннадий МАКСИМОВ,
турклуб «Уралмаш»

Быль о медведях

В России каждый с детства слышал массу баек-небылиц о медведях. Об их свирепости и непредсказуемости до сих пор ходят легенды. Расскажу, что видел сам и что рассказывали другие очевидцы. Путешествуя, мы встречали не менее ста особей (включая медвежат). Конечно, были разные встречи.

Медведь, как туристы, по натуре бродяга, за сутки делает переходы в 30–40 км. При своём огромном весе питается он в основном ягодами, листьями и разными муравьями. Ему приходится искать всё новые плантации. Как и волка, медведя тоже кормят ноги.

Если взять человека-гиганта, страдающего плоско-стопием, с длинными когтями, то на песке отпечатается след, похожий на медвежий. Только медведь сказал бы: «У, косолапый!» По следам можно судить о величине медведя. Конечно, среди гигантов найдётся ещё больший гигант. След такого медведя составляет около 40 см (у меня

подошва ботинка всего 28 см). Ну, а шкура с такого будет метра три с половиной. О таких фантастических экземплярах писали Олег Куваев и Фарли Моуэт.

В берлинский зоопарк был доставлен медведь весом более тонны. Дразнить такого я бы не советовал. Если дать медведю ружьё, то он точно был бы в тайге хозяин. У него, считается, врагов нет. Он ведь

один из самых крупных хищников на земле. Хотя известны случаи и другого рода.

Писатель-биолог из Магадана С.М. Олефир пишет, что две росомахи (одна раненая) в клочья разодрали медведя, а на Колыме тоже приличные медведи.

У медведя прекрасный слух и нюх. Муравейники он чует за 100 метров и, копаясь в них, видит всё, как в микроскоп. Зато далеко он не видит.

В позапрошлом году я встретился с медведем на расстоянии 6 метров. Он не видел меня, но сразу сел на пятую точку и долго водил носом. Так было минут пять. Я не двигался и хорошо его разглядел. Уши и морда чёрные, лапы тоже, и огромные когти на передних лапах — могут достигать подуге 13 см, но они меньше, чем на задних лапах. Тут подошел Витя Шулятьев. Я ему: «Тихо! Тут мишка!» И мишка дал дёру...

Канадец Роберт Лесли на природе воспитал трех медвежат и, конечно, изучил их повадки. В случае опасности медведь всегда становится на задние лапы, как суслик, оценивая обстановку. Если лапы опущены вниз и вывернуты от себя, значит, он пошел в атаку. Об этом я как-то рассказал перед сном в палатке. С нами был Сергей Усталов, мастер спорта по туризму из города Кировграда. Одет он был тоже по-мастерски — костюм крикливый, как у фазана. На другой день Серёга бросает раз за разом спиннинг на галечной косе. По высокому берегу к нему идет почти кремовый медведь. Остановился против Сереги и водит мордой туда-сюда, то ли на жерлицу, то ли на его костюм. Мы кричим ему, а перекаст заглушает. Сергей не слышит. Мы давай камнями отгонять медведя. Он встал с вывернутыми лапами и рывкнул. Серёга сразу вспомнил мой рассказ и ретировался.

Медведь силен — он может заломать дерево диаметром в 15 см. На Дальнем Востоке живёт гималайский медведь. Он чёрный, с белой бабочкой на шее и весит всего 150 кг. Известен случай, когда медведь схватился с тигром, победил медведь, хотя тигр его смертельно ранил. Обычно они избегают друг друга, хотя тот и другой могут уничтожить потомство соперника. Исследователь А.Н. Фармозов описывает, как тигр докопался с другой стороны в берлогу к медведице. Вытащил её за лапу,

клыками сломал ей шейные позвонки и задавил двух медвежат.

Даже у самых крупных медведей детёныши рождаются весом всего 500 граммов. Умная природа всё сделала как надо. Если на свет появятся сразу четыре медвежонка, мамаше тяжело будет их прокормить. Если год урожайный и родился всего один медвежонок, то этот медвежонок будет крупным зверем. Он быстро набирает вес, до 3 кг в сутки. Если бы человек так прибавлял в весе, то взрослый бы он тянул на две тонны.

Медведь опасен во время гона (июнь) или как «штатун», который не лёг в берлогу. В тайге встречали рослого мужика, с которого медведица сняла скальп. Местные старожилы рассказывали, как медведь задрал 19-летнюю студентку.

Самое больное место у медведя — нос. Шестнадцатилетний охотник, зная это, ткнул ножом в нос зверю (ружьё медведь отобрал). Тот взревел, отскочил метра на три. Парень сбросил анорак, приготовился к смерти, решил напоследок закурить папиросу. Руки у него тряслись, и папиросы лопались. Он чихнул. Медведь от чиха убежал.

Осенью медведь сыт и не агрессивен. Но медведица своих медвежат не оставит. Как-то вечером, когда солнце садилось, я собирался почистить зубы перед сном. Ребята «паслись» на голубичнике. Их было восемь человек, а на поляне я заметил десять. Штормовки серые, такой же цвет у медвежат — их никто не заметил. Кричу ребятам, чтобы их отогнали, потому что мамаша всё равно вернётся за ними. Медвежата любопытные,

уходить не хотят. Медведица еле их увела. Всё оборачивалась и рычала.

Однажды в узком увале мы столкнулись с медведицей. Она со страху убежала, оставив медвежат. Мы посмеялись, стали ждать её возвращения. Конечно, пришла.

Медведь ловок. Малыши запросто лазают по деревьям (взрослым не позволяет вес). Один геолог рассказывал, как они с товарищем потерпели крушение на реке, пришлось добираться до базы голодными и мокрыми. Увидели на другом берегу — медведь ловит рыбу. Улов его был пять штук лососей по 2–3 кг. Пугнули его камнями. Медведь одной лапой сгрёб все пять штук и был таков. Попробуй, дорогой читатель, утащить одной

рукой пять свежих рыбин. Нужна сноровка.

Видели, как медведь катался на снежнике. На брюхе и задом вниз. Мы похлопали, как в цирке. Медведь второй раз съехал — артист, да и только!

Медведи отличные рыбаки. Календаря у них нет, но они прекрасно знают, когда идет лосось на нерест. У каждой рыбы — кеты, горбуши, кижуча, сёмги, чавычи — свой график, и медведи не пропускают рыбалку. Для этого они собираются в большую компанию, занимая место по рангу. Василий Песков четыре раза бывал на Аляске, описал эту рыбалку. На специально оборудованных площадках для осмотра можно увидеть сразу 80 — максимум и 40 — минимум медведей. Мы их тоже немало

видели, ну, не сорок, а по четыре видели.

Как-то спустились мы с хребта к реке Палана. Серега Симцов уже сбегал к реке и говорит: «Нина! Ты еще не видела медведей, иди, посмотри, там двое купаются!» Все пошли, я последний. Иду наперерез, чтобы догнать ребят, натолкнулся на медведя. Здоровый, светлого окраса, лежит на спине и чешет брюхо. Я кричу Лазареву: «Олег! Медведь-то вот, пусть чешется, не тронь его». Олег был бы не Олег, если б не поднял его. И вот этот исполин встал, лапы вверх. Да, такого громилу так близко я ещё не видел. На реке ещё два молодых резвятся в воде. И ещё один, черный, наверное, мамаша.

Моё дежурство. Сделали два костра (рыба и грибы). Я натаскал воды, чтоб больше не ходить к реке. Перекат на реке мелкий, с черными камнями с мохом. Утром снова с ковшом и ведром к реке, озираюсь, как бы мохнатые не подкараулили. За спиной резкий всплеск, я отскочил. Оказалось, это из протоки огромная рыбина выскочила. Перекат мелкий, она передвигается прыжками. Я тоже в два прыжка догнал её и — ковшом по голове. Она перевернулась и — в яму. В яме всё забито рыбой, но нам уже не нужно. Надо собираться.

Есть ещё «музыкальные» медведи. Медведь медведю на ухо не наступит. Мой шури-геолог рассказывал. В колымской тайге, где он работал, в одно и то же время он по рации выходил в эфир. Как позывные, играла постоянно одна и та же мелодия. Почувствовал, что кто-то стоит за спиной (напарник уехал). Оглянулся — медведь. Машинально выключил музыку. Медведь рывкнул и ушёл. Он, видимо, и раньше приходил, потому как здесь были его свежие следы на одном и том же месте.

Вот такие они, медведи. Что было, то было. Был всегда интересней сказки. 🐻

С голубого родника начинается река...

В самом центре старинного уральского села Коптелово из земной толщи вырывается на поверхность чистойшей воды родник. Играя в солнечных лучах, он спешит на встречу с рекой Реж. Удивительный источник утоления жажды, но жажды не только физической, но и духовной. Именно в устье этого родника в середине XVII века крестьянин Иван Коптелов срубил себе первую избу, а затем — и своим сыновьям. С этого родника начинается славная история села. Более тридцати лет назад в десятке метров от родника возник сельский музей, который не только собирает и бережно хранит историю, но и постоянно ищет новые формы ее популяризации.

Инициатором музея в селе был А.Г. Потоскуев, профессионал ветеринарной службы, краевед и знаток крестьянской культуры. Александр Григорьевич — ровесник минувшего века, родился 1 декабря

1903 года в деревне Сарафаново Шогринской волости, Ирбитского уезда, Пермской губернии. Закончив три класса церковноприходской школы, помогал отцу по хозяйству, пока не призвали на воинскую службу. Служил в особом отделе ОГПУ на Лубянке в Москве. А после службы был командирован в конную милицию столицы. Но очень хотелось учиться, и, пройдя много инстанций, он осуществил свою мечту — два года учился в московском институте железнодорожного транспорта, потом закончил Московский зооветеринарный институт. Затем была работа в Белоруссии, война, эвакуация общественного скота в Тамбов. И направление на Урал — стране нужен был хлеб и продукты животноводства.

В 1945 году его направляют возглавлять ветеринарную службу вновь организованного

Село Коптелово

Музеи

РЕКА ВРЕМЕНИ

Коптеловского района. В фондах музея хранится его переписка с профессорами Москвы и Ленинграда по изучению развития животных, роли сапропеля в животноводческой отрасли.

Широк и разнообразен был круг его интересов: страстная любовь к лошадям, пронесенная через всю жизнь; история уральских деревень; изучение и описание революционных и фронтовых событий; наблюдения за природными явлениями; конечно же музейное дело.

Первых экскурсантов он принимал у себя дома. Надевал старинную одежду, выносил из сарая старые же сельскохозяйственные орудия — сохи, бороны, плуги — и интересно рассказывал о технологии возделывания земли, о премудростях крестьянской жизни.

Первых официальных посетителей музей принял в октябре 1969 года. Но вскоре помещение потребовалось для библиотеки, и музей выселили.

Тогда Александр Григорьевич купил у Екатерины Тимофеевны старинную крестьянскую избу, которая оказалась памятником архитектуры XVII века, была срублена топором и собрана без единого гвоздя. Чуть позднее руководство колхоза им. Ленина подарило музею старинное каменное здание, построенное в начале двадцатого века торговцем Тороповым.

В фондах музея появилась уникальная коллекция сельскохозяйственных машин и агрегатов, коллекции традиционных крестьянских ремесел и промыслов, рукописные книги по истории села, колхоза, уникальная подборка воспоминаний участ-

ников революционных событий и Гражданской войны. В числе редкостей — перепись здешних деревень за 1680 год и текст челобитной коптеловских крестьян царю Алексею Михайловичу 1663 года.

Последнюю экскурсию по музею Александр Григорьевич провел в июле 1990 года. Всего три месяца не дождал он до своего девяностолетнего юбилея.

В новый, двадцать первый век музей вступил известным не только в области, но и в стране. Начиная с 1997 года на базе музея прошли четыре Всероссийских научно-практических конференции по вопросам развития музеев в российской глубинке и особенностям музейной педагогики. Он стал не только хранителем музейных предметов, а серьезным и востребованным культурно-образовательным центром для разновозрастных групп сельского населения. Но наибольшую популярность приносят культурно-образовательные и туристические программы для иногороднего и зарубежного туриста: «Уральская старина», «Деревенские забавы», «Материальная культура крестьянства», «Мир уральской деревни», «Чтим и помним» — программа патриотического воспитания детей и подростков.

Помимо крестьянской избы как памятника архитектуры, музей имеет несколько экспозиционно-выставочных залов сельскохозяйственных орудий и агрегатов. Чего здесь только нет: сохи, сеялки, жнейка-самосборка, первые моло-

В избе бабы Кати

В музее и песни звучат

тилки, машины по обработке зерна, орудия сенокосной страды. Отдельно представлены транспортные средства и конская упряжь.

Во втором зале музейная экспозиция повествует о минеральных богатствах земли коптеловской, о дружбе крестьянина с природой. Представлены традиционные крестьянские ремесла: охота и рыболовство, обработка шкур, пимокатное производство, обработка природных материалов — бересты, лыка, мочала. В экспозиции — весь технологический цикл обработки льна и на его основе развития деревенского ткачества.

На мастеровом дворе развернута выставка традиционных мужских ремесел и промыслов: столярного, плотницкого, бондарного и кузнечного, обработки глины. Представлена и гончарная коллекция.

Однако, чтобы увидеть музей целиком, надо приехать в Коптелово.

Последним музейным объектом

стал благоустроенный два года назад родник — символ жизни, духовности и нравственной чистоты.

Издревле на Руси над родниками возводили часовни, чтобы глаз радовали. Традиция не обошла и наше село: в XVIII—XIX веках над истоком стояла скромная часовня.

Музейщики села задумали и осуществили ее возрождение. У родника застучали топоры. Пришли на помощь жители

села, кто с топором, а кто подставил свое плечо под переносимые бревна. Венец за венцом поднималась часовенка, и настал день, когда маковку ее увенчал крест. Не только жители села, но и из других деревень пришли люди поклониться святой воде, осенить себя крестом.

Как и сто лет назад, к роднику прокладывают тропинку влюбленные. Ведь здесь так хорошо помечтать о будущем, наметить пути-дорожки семейного счастья. И любви к ближнему, к родному уголку, к родительскому дому.

Фоторепортаж Виктора БАЙДУКОВА

ПО ДОРОГЕ К СКАЗУ

Из всех пещер, расположенных на Урале, Шемахинская водяная пещера (или Сказовская, по названию близлежащей станции) – является наиболее интересной и таинственной. К ней мы и направились в один из зимних дней.

Шемахинская пещера находится вблизи железной дороги в Челябинской области, в северной части которой есть станция с красивым названием Сказ. Пройдя пешком 2,5 км на юг до реки, идущей под мостом железной дороги, отсюда уже виден Бардымский хребет, прямо перед рекой налево пройти по тропе, которая через 50 метров подходит к логу, отходящему от пещеры к реке Нижняя Шемаха.

Лес стоит молчаливый, притихший, торжественный. Кругом нетронутый снег, только рядом стелется четкая лыжня. Как всегда при морозе — тишина. Ярко светит солнце, открывшаяся картина поражает богатством красок:

ослепительно-белый снег, глубокая синева неба, зелень молодых сосен и елей.

Попасть в пещеру не так просто. Вся привходная ее часть в радиусе 200–300 метров залита водой и представляет собой глубокие каналы — подземная Венеция в миниатюре! Проникнуть сюда можно только зимой, когда речка у входа промерзает. Ледяное убранство дополняют длинные грациозные сталактиты.

Посещение даже небольшой части пещеры по доступным местам очень радует и запоминается надолго.

Текст Евгения Савенко

Ольга КАРЯКИНА,
фото Эльвиры ТКАЧЕНКО

«Костер рябины» на подносе

Однажды
я осознала себя
коллекционером
тагильских подносов.
Знакомые не очень
поняли, стали
дарить жестянки
с «переводными»
картинками. Когда
дарят, не станешь
же говорить, что
это совсем не то.
Странно, думаю, — не
понимают.

Л. Кизилова

Г. Романова.
Вверху — фрагмент росписи Т. Юдиной

А подруга Оля вообще говорит: «Что это за коллекция такая — подносы? Подносы для того, чтобы ими пользоваться, а не на стенку вешать!»

Но поздно. Я уже кое-что узнала о подносах, уже по-особенному к ним относилась. Меня уже было не остановить.

Тут как раз встретилась с Зинаидой Васильев-ной Вертуновой, которая много лет проработала на тагильском заводе «Эмальпосуда» начальником ОТК. Многих художниц знала лично. Хорошо представляла весь процесс изготовления подносов и сама очень их любила. Она стала моей помощницей и «поставщиком»: привозила из Тагила не только подносы, но и заметки всякие из местных газет. Так что я была в курсе нынешних дел, а продолжительную и драматичную историю промысла узнавала из книг.

Из древнего Китая пришло искусство лаковой живописи в Европу и Россию. Но где же еще, как не на Урале, могло оно расцвести разнообразием сюжетов и красок именно на металле. Уже русский ученый и путешественник П. Паллас писал, что на Урале «бывают вещи лаком наведенные не много хуже китайских, а лучше французских, включая живописи».

Более двух с половиной веков пишут тагильские художники свой фирменный уральский букет, что ведет свою традицию от народной росписи туесов, прялок, сундуков. А ведь это народное искусство, развившееся на демидовских железоделательных заводах в первой половине XVIII века, могло исчезнуть. Был в прошлом веке период, когда казалось, что навсегда затерялся в исторических катаклизмах тагильский цветок. И если бы не кропотливый и бескорыстный интерес к нему специалистов и хранителей нашей культуры, знали бы мы сегодня только жостовскую роспись на металлических подносах*.

Очень рада я, что есть в моей коллекции подносы Агриппины Васильевны Афанасьевой, старейшей тагильской расписчицы, внесшей особый вклад в возрождение тагильской росписи. Хотя в 70-е годы прошлого века она, как и все на «Эмальпосуде», писала жостовские цветы, приемы старого уральского письма помнила, так как расписывала подносы с детства.

Сейчас у промысла тоже непростые времена. После закрытия завода «Эмальпосуда», где работал целый цех по росписи подносов, многим художницам приходится совмещать роспись с другой, основной, работой. С Ириной Смыковой, самобытной, оригинальной художницей, я встретилась в зоомагазине, где она работала продавцом. А подносы ей заказывали иностран-

* Народный художественный промысел, родившийся в деревне Жостово Мытищенского района Московской области.

И. Смыкова

цы, ведь она — уникальный мастер сюжетной росписи, персонажами которой стали русские купцы и крестьяне. Ее подносам можно отдать приз зрительских симпатий.

Постепенно появились у меня работы многих известных мастериц: В. Полевой, Л. Кизиловой, Т. Юдиной (что подарила промыслу «уральскую рябинушку»), Г. Романовой, Е. Отмаховой и др.

Прошло лет десять, и я решила, что моя коллекция созрела для выставки. Она проходила в выставочном зале библиотеки города Лесного и тоже много интересного для меня открыла. Оказалось, что жители-то наши совсем мало знают о самом близком (по расстоянию) из российских народных промыслов. О жостовских подносах даже больше слышали. И не знают толком, какой поднос у них-то дома лежит.

— Тоже есть какой-то. Надо посмотреть, может, и ручная роспись. Как же ее отличить?

— Как же ее не отличить?! — шучу я.

Пришел Олег. Он поэт.

— Не торопись, Олег, смотри внимательно. Тогда увидишь, какие они все разные, и каждый по-своему хорош...

— Что поделаешь, придется вам подарить свою находку, раз ничего в этом не смыслю.

И принес. Принес то, что надо. Вижу, подносом пользовались. Помыла его хозяйственным мылом — как новенький блестит. Традиционный букет. На обратной стороне — цена: 12-50. Вот когда еще его сделали. Здорово! Все мои — в библиотеке на выставке, а этот дома красуется. Спасибо, Олег! Прощаю, что не понимаешь.

Примерно за год до выставки сотрудница Марина как-то приносит два небольших подноса.

— Может, вам надо, — говорит, — а то валяются без надобности.

— А тебе разве не надо? Такие симпатичные!

— Да ну их, не люблю я эти цветочки.

Потом, когда выставку готовила, достаю свои «сокровища», ей показываю, а Марина все равно не вдохновляется:

Ольга Карякина

— Ну, вот рябина мне нравится, — как-то без энтузиазма говорит она.

Капля камень точит. Когда Марина увидела законченную выставку, то сказала:

— А вообще-то, все вместе красиво получилось.

И уж совсем я не ожидала, когда Марина, услышав мой рассказ об истории промысла и моих подносах, воскликнула:

— Надо же, как интересно! Мне уже и цветочки нравятся.

Следующей «жертвой» стала подруга Оля. Она страстно захотела купить набор подносов, чтобы повесить на стену.

Количество «поклонников» и «знатоков» увеличивалось с каждым днем.

«...Я стала уже отличать уральскую роспись от жостовской, чему радуюсь и немного горжусь», — поделилась в городской газете Галина Васильевна.

«Когда я смотрю на эти расписные подносы, я погружаюсь в себя и понимаю всю красоту растений и мира», — с многочисленными ошибками написала в книге отзывов маленькая, но, видимо, очень серьезная девочка.

Зрители такие разные... Один мужчина внимательно рассматривал, а потом спросил, можно ли на такой поднос горячие пельмени выложить.

— Зачем же, ведь неудобно это, — говорю, — пельмени разбегутся...

— Нормально, — отвечает, — лишь бы поднос выдержал.

— Теоретически должен выдержать, но я не пробовала. Я же ими люблюсь.

Светятся мои питомцы, будто изнутри: желтые, оранжевые, сиреневые, розовые цветы. Каким мастерством нужно владеть, чтобы создать эту удивительную подсветку?! Золотой ажурный орнамент тоже удивляет. Простой повторяется часто, а вот сложный, многоступенчатый — он на каждом подносе свой.

«Наливное яблочко», «Каменный цветок», «Костер рябины»... Поэтическая сказка на металле. Букет Тамары Юдиной завораживает благородной гармонией красок, стройностью композиции. И этот внутренний свет... «Как от иконы», — говорю я заинтересованным зрителям. А другой сравниваю с гравюрой. Какой-то похож на коврик, какой-то на скатерть... Задумаешься, глядя на голубую рябину и изумрудный цветок: фантазия или многообразие жизни?!

Было бы нечестно сказать, что на выставку сбежался весь город. Нет, конечно. Кто-то о ней даже и знать не хотел. Но кто захотел, тот увидел и красоту, и самобытность, и разнообразие «обычных» тагильских подносов.

«Какая прелесть эти подносы! Нижнему Тагилу и художникам слава!!!» — это тоже из книги отзывов.

Т. Юдина

Фрагмент экспозиции

Фото Ивана Тюфякова

«Горка крута, ДА МИНОВАТЬ НЕЛЬЗЯ...»

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СУДЬБЕ БАЖОВА

1950-й, НОЯБРЬ

Еще не вечер, но уже густеют за окном осенние сумерки, и горит под потолком люстра, высвечивая сияющую белизну палаты. Здесь, в кремлевской клинике, простые смертные не лежат, — только избранные. Потому-то такой столичной солидностью веет и от дорогих штор, и от полированного шкафа, и от широкой удобной кровати, и от фанерованной дубом тумбочки рядом с ней. Чуть в стороне небольшой круглый стол с двумя креслами, — все предусмотрено для приема посетителей. На стене в рамке — увеличенная фотография: «Ленин и Сталин в Горках», — неизменный атрибут тех лет.

В палату входят трое: Бажова в больничном халате поддерживают с одной стороны сестра, с другой — врач.

— Как, голова не кружится? — спрашивает он.

— Да нет... — Но по голосу Бажова чувствуется: силы на исходе.

Больного подводят к постели, помогают лечь. Сестра уходит. Врач садится рядом, нащупывает пульс, потом слушает сердце.

— Как, Павел Петрович, полегче дышится после процедуры?

— Вроде малость полегче...

Скрывают от Бажова настоящий диагноз, успокаивают, что все дело в «хроническом бронхите», но он-то догадывается, что это ложь во спасение. И, чуть помолчав, спрашивает:

— Доктор, а по-честному, сколько мне еще дышать-то осталось?

Врач встает. И в лице его, и в интонациях ощущается сознание своей принадлежности к медицинской элите, как бы даже некий державный статус:

— Павел Петрович, для вас, известного советского писателя, лауреата Сталинской премии, депутата Верховного Совета...

— Ох, да не надо старика уж навеличивать-то... — прерывает Бажов.

— Одно хочу сказать: у нас, в кремлевской клинике, все будет сделано для вашего лечения. И давайте надеяться на лучшее. А сейчас отдыхайте. Спать еще рано, но подремать не грех. Как вообще спится?

— Да ничего. Только вот сны косяком пошли. И быть, и небыль, — всего понамышано. К вам только попади, — время мимо тебя и побегит. Одни сны останутся...

Доктор уходит, погасив верхний свет. Темнота. Задремал больной. И в тишине раздаётся странный дрожащий звук, словно возвещающий, что нет уже ни палаты, ни больницы, что настал черед другого мира, — мира видений. В ореоле тихой музыки возникает из тьмы светящаяся женская фигура. Это она — Малахитница.

— Ты?! — Бажов пораженно приподнимается с подушки. — Вот уж не чаял... Было время: частенько являлась. А потом, — как отрезало...

— Потому и отрезало, что отошел ты от нас, — говорит Малахитница. — От меня и от Полоза, от Спюшки с ее колодцем, — ото всей земляной тайной силы.

— Отошел? Да они самые мне дорогие, те сказы!

— Знаю, — кивает Малахитница. — Да только к мастерам сказы твои повернуло, кои безо всякой тайности живинку в своем деле ищут да находят. Ну, это, ладно, — твоя воля. Да ведь еще про вождей стал писать, про то, какую складную жизнь всем ладят. А такая ли она у вас складная?

— Я душой не кривил! — вырывается у Бажова. — Писал, во что верил.

— Про немцев вот еще сказы написал, — напоминает каменная дева. — Тоже — верил?

— Война была. Ожесточенье... — Бажов на секунду замолкает, непросто ему подобрать нужные слова. — Не хотел, не лежала душа, — да ведь к Москве уж рвались! Разве б написались те сказы, если б не напали...

— Да ведь ты не о тех, кто напал, — ты о других немцах написал, — не отступает Малахитница. — Кои старые заводы ставить сноровляли да робили на них. Ну, были и воры, охлестыши, пустая порода, — да разве мало стоящих-то мастеров из немецких земель к нам приезжало? А в сказках-то все сподряд никудышники, — ни один, дескать, и в подметки нашим умельцам не годится.

— А я от тех умельцев не отрекусь! — вспыхивает Бажов. — От Иванко-Крылатко, от Василия Торокина, чье литье по всей России на славе было, от мастеровых, что помогли Аносову тайну булата раскрыть! Да мало, мало я о тех людях успел сказать, — в том и провинка моя! Намёток-то полон стол, да, видишь, сюда велено лечь... А с немцами, да, занесло тогда, — помолчав, хмуро соглашается Бажов, — не вырубил топором... Ведь нет же во мне этого и не было никогда! С немцами, с евреями, башкирами работал и дружбу водил, не нацию в каждом видел — человека! Война проклятущая подкузьмила... Но ушла она, — и пришло время те сказы перелопатить. Оно-то пришло, да моего-то времени, выдать уж, не остается...

— Ладно, чего уж там... — раздумчиво говорит Малахитница. — Время само разберется, что к чему, все по местам расставит. Как на смывке песка из дудки: легковес да крошево каменное водой унесет, — а золото останется. Вот и сказы твои, — иные, уж не

взыщи, забыть не забудут, да нечасто в них заглянут, а те лучшие, что долговеко сработаны, дорогим подарением в миру будут жить — навечно! — Растворится во тьме фигура, и, уже отдаляясь, звучат последние слова: — И не померкнет их самоцветье, пока стоит посреди России Урал и живет на нем русское слово...

Бажов встряхивается ото сна, включает лампу на тумбочке.

— И приснится же такое... Какие слова-то говорила... Господи, да не ее те слова, — внутренний это мой голос, — то, что впотай думалось...

Тут он видит входящую в палату Валентину Александровну.

— Ну, наконец-то! Что так припозднилась, Валянушка? — Поднимается, делает шаг ей навстречу, но боль стреножит, Бажов обессиленно опускается на кровать. Жена садится рядом, приобнимает его.

— Ты, папочка, сперва скажи, как себя чувствуешь?

— Дышу помаленьку, лекарства глотаю... А ты где запропала?

— В издательство ездила, сам же просил. Ну, там то да се... В общем, заверили: книга в плане будущего года. Обещают в третьем квартале... Хорошо бы к июлю подгадала, — к сорокалетью нашей свадьбы. — Знает, знает Валентина Александровна роковой диагноз, но изо всех сил старается приобдирать мужа, не выдать сдавившую душу безнадежность. — Вот был бы тебе подарочек к тому дню: еще одна «Малахитовая шкатулка», — уж не упомнить, какая по счету!..

— Книга-то, может, и подгадает, — говорит Бажов. — Да вот за себя не ручаюсь...

— А вот увидишь, папулечка, — отпразднуем! — Жена гладит его руку. — И дочерей с зятьями созовем, и внуков. До золотой-то свадьбы еще долгового, а уж тот день не упустим. — Приникает к нему. — А помнишь, как было тогда, давным-давно?

1911-й, ИЮЛЬ

Не хотелось Бажову людной свадьбы, а тем более в городе. Во-первых, и денег лишних не было, — на другое откладывал. А главное, осточертели ползущие шепотки: «Слыхано ли: учитель на ученице...» Поначалу думали с Валюшей и совсем без свадьбы обойтись. Но неловко было перед родными. И решили устроить после венчания скромное застолье в том селе Камышловского уезда, где жили Иванички, — вдовствующая мать Валентины с дочерьми. Решил-то жених, ну а невеста, конечно, согласилась: она во всем соглашалась со вчерашним своим учителем.

Солнечным выдался тот июльский день. И стол поставили во дворе дома, в тенечке от развесистой березы. Как ни скромничали, а все равно десять человек набралось: жених с невестой, их матери, две Валины сестры, да из училища Бажов пригласил троих коллег — учителя и двух учительниц. Ну, а десятым был отец Евлампий, тот, что венчал молодых в соседнем селе, — его особо позвали.

Хорошее получилось застолье. Угостились, выпили в самую меру, для настроения, молодоженов

поздравляли, пошутковали, песни попели. И величальную не забыли, как по обычаю положено:

*Стоит чаша золота,
Золота,
Полна меду налита,
Налита.
К ней наш Павел подходил,
Подходил,
Свою женку подводил,
Подводил.
Ты медку-то пригуби,
Пригуби,
Сына-сокола роди мне,
Роди.
Сына разумом в меня,
Во меня,
Дочку статью во себя,
Во себя.*

Жених с невестой встают, благодарно кланяются. Но тут с другого конца стола подает голос рыжеусый Иван Демьяныч, учитель естествознания:

— Хороша песня, — да неправильная.

— Чего это вы, сударь? — удивляется сидящая напротив него учительница. — Старинная, величальная...

— А у меня вот другое пожеланье, — не унимается подзахмелевший Иван Демьяныч. — Сколь в лесу пеньков, — столько вам сынков! Сколь в болоте кочек, — столько вам и дочек! — И под дружный смех заключает: — Вот давайте за это еще по капелюшке глотнем. Чтоб ложились-то вдвоем, а вставали-то втроем!

И снова смеются гости, поднимая рюмки.

— Ой, чо-то горькое вино-то, — слышится чей-то голос.

И подхватывают за столом: «Горько! Горько!» Молодые встают, целуются. Но вот угомонилось застолье, молодые садятся. И поднимается священник.

— Сомнение у меня: приличествует ли сие простонародное «горько» благонравию свадебки сей, тем паче учительской...

— Верно отец Евлампий глаголет, — спешит одобрить рыжеусый шутник. — А то мы молодых так целованьем притомим, что у них на ночные поцелуи и сил не останется. — И смотрит победительно, довольный, что повеселил компанию.

— Ну, гостеньки дорогие, а теперь прогуляйтесь маленько, освежитесь, — говорит мать Бажова. — А мы со сватьей у стола похлопочем, перемену сделаем.

И гости встают, переговариваясь, прохаживаются по двору.

Бажов под руку отводит невесту в сторонку, — решил наконец преподнести давно приберегаемый сюрприз:

— А знаешь, куда мы поедем после свадьбы?

— Куда?

— Держал в секрете, а теперь скажу. — И торжественно произносит: — К морю съездим, в Крым.

— В Крым?! — пораженно вырывается у Валентины.

— Для того и денегат прикупил, дорога-то дальняя.

— Господи, море! — Она по-детски радостно хлопает в ладоши. — Как в сказке! Думала, никогда его, уральская девчонка, и не увижу, только в книгах...

— А вернемся, дом начнем строить, — говорит Бажов. — На углу Болотной. Я уж сруб приличный рассмотрел, — на четыре комнаты.

— Такой большой?

— Вот мы с тобой, Валюша, и постараемся наполнить его живыми голосами, — улыбается он ее вопросу. — Согласна?

Она покраснела, потупилась, не знает, что сказать.

— Ладно, иди пройдишься с сестрами, — понимая ее смущение, уходит от деликатной материи Бажов. — А мы с отцом Евлампием маленько потолкуем. — И идет к священнику, который молча похаживает взад-вперед в отдалении от новобрачных.

Валентина направляется к сестрам, но тут к ней обращается одна из дам-учительниц:

— Ну, невестушка, счастливо вам подготовиться!

— К чему? — не улавливает подначки Валентина.

— К экзамену, — с усмешкой поясняет раскрасневшаяся от винца учительница. — Ночной-то экзамен для девушки поважнее всех дневных!

— Павел Петрович мужчина горячий... — шаловливо добавляет стоящая рядом подруга.

— Сударыня, да откуда вы знаете? — притворно удивляется первая дама.

— Слухом земля полнится... — отвечает вторая. И что-то усмешливо говорит подруге на ухо.

Зардевшаяся Валентина не отвечает на эти реплики. Сестры подхватывают ее под руки, и все трое уходят. Уходят со двора и дамы, пересмеиваясь о чем-то. Остаются тихо беседующие Бажов и священник. Да хлопочут у стола матери жениха и невесты, — чего-то уносят в дом, расставляют.

— Да, Павел Петрович, — качает головой отец Евлампий, — вот уж не думал, не гадал, что своего семинарского однокашника буду у себя в сельской церкви венчать.

— И я не чаял, — кивает Бажов. — Родня невесты тут живет, они и предложили у вас в Кашино венчаться. Рядом же.

— Оно и похвально, — говорит священник. — А то когда бы мы еще, Павел Петрович, свиделись?

— Чего нам друг друга навеличивать? Давай уж попросту, как когда-то в Перми: Павел да Евлампий, — предлагает Бажов.

— Ну, давай, — соглашается однокашник в рясе. — Не на людях-то можно... Да, поздновато ты, Павел, женишься. Моя матушка-попадья четверых уж произвела, старшему нынче в духовное училище поступать. А ты вон как себе молодость продлил: в тридцать два года — еще жених... Валентине-то сколько сравнялось?

— Девятнадцать.

— Счастливцев: такую юницу взял, стройную да пригожую. Еще и собственную ученицу. А я ведь помню: ты и семинаристом зело девицами инте-

Бажов с женой вскоре после свадьбы. Фото из архива

ресовался, — усмехается священник. — Полагаю, и в учительстве с женским полом соприкосновение имел, монахом-то, небось, не жил?

— Монахом не жил, а люблю одну Валю. Думки все были — только о ней. Время торопил: скорей бы выпуск... Видел, видел, как она на меня глядела, да все равно боялся, что не пойдет за перестарка бородатого.

— Ну, дай вам Бог счастья... А все же хочу тебя, Павел, спросить: почему церковной стезей пренебрег? Ведь по первому разряду семинарию кончил, в Духовную Академию предлагали, на полный кошт. Ты бы сейчас, небось, где-нибудь в кафедральном соборе служил, а то и повыше... Или книжки запрещенные сбили? Помню я, помню, как ты тайком их почитывал...

— Каждому — свое, — закрывает неуместную тему Бажов. — Мне, Евлампий, в университет хотелось. Да не вышло. Вот и застрял в учителях русского языка. Сперва в духовном училище. Потом не заладилось с начальством... В Сысерти забастовка была. Ну, ездил я туда, в родные свои края, с рабочими встречался, — меня и обвинили «в участии в недозволенных событиях»... В другое училище перешел — женское епархиальное. Так вот двенадцать лет и пролетело.

— И у меня не заметил, как пролетели... — вздыхает священник. — Но на судьбу не ропщу. Село наше Кашино — не из бедных. С крестьянами в ладу. Слава Богу, живем, не тужим. Так, видно, в сельских батюшках до скончания и пребуду. Житие-то оно гладкое, да день ото дня не отличишь...

— Кто знает, как еще все повернется... — Бажов

раздумчиво забирает в кулак русую бороду. — Я вот в летние свои вакалы по Уралу езжу, много чего слышать приходится. Про несправедливости всякие, про беды людские. Недоброе в миру копится.

— А чего ездешь-то?

— Урал наш охота посмотреть, в жизнь окупиться. Ну и еще есть интерес. Со стариками беседы веду, побывальщины разные, реченья, были-небыли записываю. Присловья, поговорки — тоже не упускаю. Пять больших тетрадей уже исписал, от корки до корки. Вместе сложить — чуть не книга... — Показывает пальцами толщину записанного. — Я ведь, можно сказать, пионер велосипедного движения, — на коньке своем двухколесном не одну сотню верст проехал, до Богословских заводов добирался. И везде сбор веду, ташу, как пчела к себе в улей.

— В журнал куда посылаешь или в газету какую? — спрашивает священник.

— Да нет, сам для себя. Все кажется: может, когда-нибудь пригодится, а как, когда, — и сам не знаю... — Бажов умолкает, неуверенный, что любопытны будут собеседнику его воспоминания, но желание выговориться берет верх: — У меня ведь сызмальства этот интерес. Жили мы в Полевском заводе. А там, на Думной горе, караулка была, и сторожем старик один — Хмелинин Василий Алексеич. Ну, мы-то, ребятня, по прозвищу его звали: дедушка Слышко. Изробленный уже, восьмой десяток шел, а рассказчик был, — заслушаешься. Бывало, соберемся летним вечерком у караулки, а он нам — и про старинное житье, и про Медной горы Хозяйку, про Полоза, — все сказы помнил, что от своих стариков перенял. Ну, тогда, мальцом, я об том не задумывался, — сидел да слушал, развесил уши. А теперь вот думаю: никакому писателю не сочинить, что в народе рождалось. Только глубоко те клады зарыты, не всякому под силу откопать... Старика-то давно в живых нет, — а перенял ли кто его сказы?

— Может, кто и перенял, — без особого интереса произносит священник.

— Смотря как... Я вот вроде помню его побывальщины. А попроси кто пересказать, — сам вижу, что не получится. Тут ведь через себя надо все пропустить, с его словами свои сплavit. Но нету у меня таких слов, и найду ли их когда...

— До того ли теперь будет: семейство, заботы, — возвращает Бажова к действительности собеседник.

— Так оно... — Нечего на это возразить Павлу Петровичу.

Тут слышатся голоса хлопотавших у стола женщин. «Гостеньки дорогие, милости просим, к столу!» «К столу, милости просим!» И гости возвращаются. Бажов подходит к невесте, берет ее под руку, идут и садятся на свое место. Кто-то снова заводит величальную — и все подхватывают :

*Стоит чаша золота,
Золота,
Полна медом налита,
Налита...*

ГЛАЗАМИ ВАЛЕНТИНЫ

— Съездили мы в Крым, окунулись в морскую сказку, вернулись в Екатеринбург, и потекла наша семейная жизнь — учителя с ученицей. Чем больше узнавала его, — тем ближе, родней становился. И все равно, ох как трудно было привыкать, что тот, кто совсем недавно отметки ставил, — теперь муж... Что таить, хотелось и самой в учительницы, ведь училище наше давало право в начальных классах преподавать. Мечталось об этом, да так и не получилось... В двенадцатом году родилась Ольга, через год — Лена. Тут уж — успевай управляться. Да еще дом строился, столько сил отнимал. Летом четырнадцатого наконец вселились. Радость была, да, ох, недолгая: умерла мать Павла Петровича. Сколько успевала по хозяйству, — еще бы жить да жить... И легли все домашние заботы на меня одну. Не зря, видно, говорится: пришла беда — отвори ворота. Только схоронили свекровь, — громом грянуло: война! Вздорожало сразу все. Трудно стало жить, да еще кредит за дом выплачивай... Думали-гадали и решили ехать в Камышлов. Там и жизнь дешевле, и сестры мои туда перебрались, вся родня. Как знать, может, и еще причина была. Доходило до меня, что начальство в епархиалке стало косо на Бажова смотреть за то, что на ученице женился. Так ли, нет ли, — он мне о том ни слова... Ну, в тот же год и переехали. И зажили вроде по-прежнему: Павел Петрович учителем в духовном училище, я — по дому, с детьми. Трое их у нас стало: родился Алеша. Задумаешься иной раз, и видится впереди все та же привычная колея... Да зря виделась. Полыхнуло вдруг в Питере: отречение царя, революция, Временное правительство. И стал наш тихий городок похож на разворошенный муравейник. Кадеты, эсеры, большевики, анархисты, — закипело все, загалдело, замитинговало... Знала, заранее знала, что не останется мой Павел Петрович в стороне, что не по нутру ему старая власть, — о новой России мечтает. Знала, но представить себе не могла, что станет муж будто другим человеком. С головой ушел в политику, в самое кипенье раздоров. До поздней ночи пропадал, приходил охрипший, осунувшийся. Тревожно было за него, но ни слова поперек не вымолвила. Только когда в апреле семнадцатого года сказал, что бросает учительство, не пойдет больше на уроки, — не сдержалась я...

1917-й, МАЙ

Неважное жилье досталось Бажовым в Камышлове. Бедно обставленная комната. Стол, несколько стульев. Печь с плитой. Рукомойник в углу. К стене притулился поставец для посуды. На другой стене над кроватью — старенький коврик, рядом — полка с книгами. Валентина сидит у стола, при свете керосиновой лампы штопает какую-то детскую одежду. Дверь в детскую спальню прикрыта, ребятишки уже уложены. Входит Бажов.

— Ну вот, и с училищем развязался, а домой опять поздним-позднехонько, — оторвавшись от штопки, говорит Валентина.

— С кадетами схлестнулись на митинге, — объяс-

няет Бажов. — И мне выступать пришлось. Раздраковали их перед всем честным народом. — Он загибает рукава, идет мыть руки. — А потом сидели обсуждали мой проект уездной программы «Крестьянского союза». Брошюрой издать решили.

— Кто решил?

— Организация наша. Эсеры.

Валентина идет к плите, накладывает из кастрюли кашу в тарелку. Ставит ее перед присевшим за стол мужем.

— Грела-грела, а все равно остыла...

— Ничего, я еще добавки попрошу, — откликается Бажов, уплетая за обе щеки.

— Оголодал ты у меня, — грустно смотрит на него Валентина. — Знаешь, Павел Петрович, политика политикой, но...

— Валянушка, да сколько уж говорил: оставь ты «Петровича». — Он откладывает ложку. — Мужа тебе, муж, шестой уж год! А мужа по имени зовут.

— И все равно трудно привыкнуть... Ну хорошо, — Павел. — Валентина садится рядом с ним. — Разве я против, что ты в политику окунулся? Ведь знаешь: куда ты — туда и я. Как ниточка за иголкой. Но бросать учительство, которому уж восемнадцать лет отдано — целая жизнь...

— Сам знаю: перестарок я. Тебе двадцать пять, а мне через полтора года сорок. Удивляюсь, как тебе еще не надоел... — Бажов снова принимается за кашу.

— Господи, ну зачем ты это? — Она гладит его по голове. — Нет у меня никого родней!

— Об учительстве своем плохого не скажу, было и хорошее. — Бажов отодвигает опустевшую тарелку. — Но сколько можно? Да засох бы я там! Когда кругом такое закипает... Поздно я в бурление жизни шагнул. Но лучше поздно, чем никогда. Сейчас вот только полной грудью дышу!

— Может, ты трижды прав. — И не думает возражать Валентина. — Но училище заработок давало. А политика — даст ли? Ну, мы с тобой как-нибудь перебежмся. А чем ребят кормить?

Ну, что тут скажешь? Понимает Бажов ее женскую правоту. Но ответ у него единственный:

— Меня председателем уездного Совета выдвигают, — значит, будут что-то платить. Ну, может, не сразу... Выкрутимся, Валянушка. Главное, новая жизнь начинается!

— И я за нее. Только пока людям легче жить не стало...

— Это пока. — В глазах Бажова твердая вера. — Все изменится, вот увидишь!

— И о другом еще хочу спросить, — переводит разговор Валентина. — А все тетради твои с записями, присловья да реченья, ради которых пол-Урала объездил, — тоже в отставку?

— Всему свое время, может, и им еще придет пора... — Бажов берет стакан, наливает себе из самовара чаю. — Да чего гадать, — не до того сейчас, в этой заварухе.

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— Заваруха заварухой, а стал Павел Петрович известным всему Камышлову человеком. Председатель

уездного Совета, да еще редактором газеты поставили. А в августе, — вот уж чего не ожидала, — избрали городским головой! Невелик городок, а все же лестно: градоначальник. Избрали-то от эсеров, а он все больше к большевикам клонился. Когда пришла весть об Октябрьском перевороте, к новой власти поначалу присматривался, — может, и потому еще, что потерял свое градоначальство. Были, видать, колебания, да недолгие, — твердо с большевиками пошел. Помню, сказал мне однажды: «Они одни, хоть железной хваткой, да сохраняют Россию, а не то разорвут ее на части, — вон сколько правителей кругом объявилось...» С эсерами порвал окончательно, и назначили его зимой восемнадцатого года уездным комиссаром просвещения, а потом опять же редактором. Вроде бы радоваться надо, что муж при должностях. Но какая уж радость, когда жизнь — то все труднее и тревожней. Кровь полилась, какой еще не выдвигали. Гражданская война, — господи, русские с русскими... Но не подозревала я еще, что меня ждет, чем обернется для меня тот июльский вечер...

1918—й, ИЮЛЬ

Та же комната. Вечер. Керосиновая лампа на столе. Входит Бажов. Видит приоткрытую дверь детской спальни.

— Валуша, ты где?

— Алешку укладываю, — слышится ее голос.

Бажов ходит взад-вперед по комнате. Забирает бороду в кулак, то ли сжимает, то ли поглаживает. Этот жест — признак раздумья, скрытого волнения — не раз повторится потом в жизни. Прикрыв дверь спальни, выходит из нее Валентина.

— Уложила?

— Спят уже, — и он, и девчонки, — кивает она.

— Давай присядем, Валянушка, — надо мне с тобой поговорить.

— Ну, чем обрадуешь? — Насторожившись, она садится рядом с ним.

— Рад бы, да нечем... — Трудно подбираются у Баждова слова. — Понимаешь, командируют меня в Пермь. Ценности из уездного банка вывезти. Сама знаешь: белые прут, вон уже Шадринск взят, до нас рукой подать... Вот и приходится увозить, чтоб им не досталось.. Не хотел тебя до времени беречь. А сейчас уж некуда откладывать: завтра утром едем. Вагон дают и отряд охраны.

— А о нас ты подумал?! — вскакивает со стула Валентина.

Бажов тоже встает, протягивает ей пачку:

— Вот деньги, — все, сколько дали. И паек мой будете получать...

— Что сейчас деньги, — пустые бумажки... — Она отводит руку, и пачка шлепается на стол. — А придут белые, не с пайком сюда явятся, — с обыском.

— Валянушка, пойми: не мог я отказаться. Раз уж пошел с большевиками, — назад пути нет. Отступаем пока, а все равно одолеем, — не дадим Россию на куски растащить, и старому не дадим вернуться! Если б не верил в это, — может, в учителях бы и остался.

— Ну и остался бы... — срывается у нее. — Паша,

боюсь я без тебя! С тремя-то детьми, да еще и беременная... Ну, возьми нас тогда с собой!

— Куда, ну куда брать-то? — пытается убедить он. — Тут, в Камышлове, — какой-никакой дом, сестры, родня. Помогут, если что... А куда в Перми ткнешься? Ни кола, ни двора...

— Значит, бросаешь нас?

— Да как ты могла подумать такое?! Кто у меня еще есть, кроме вас четверых?

— Считай уж, пятерых. — Валентина проводит рукой по животу. — Вон уже пошевеливается...

— Валянушка, родная моя, хорошая, — думаешь, легко мне вас оставлять? — Бажов обнимает ее, гладит. — Знаю: не будет мне покоя, изведусь, пока снова вас не увижу... Но пойми: не могу иначе!.. И другое подумай: ну, останусь я тут, дождусь беляков, — и что? Куда спрячешься в этом городишке, где меня каждая собака знает? В первый же день сцапают, — и к стенке...

— Да понимаю я, все понимаю... — Безнадежность в ее голосе. — Одного понять не могу: как угораздило в это вляпаться? В крутоверть эту кровавую...

— Валянушка, это борьба! Или мы их, — или они нас... А вспомни-ка, разве сама не говорила, как хочется новой, свободной Россию увидеть?

— Говорила... Да я слово в слово за тобой повторяла, в рот тебе глядела, как в училище за партой! — вспыхивает Валентина. — Девчонкой за тебя вышла, — ты и мужем мне был, и наставником, да все равно, что и отцом. Своего-то едва помню: крохой была, когда он помер... Господи, да поначалу так робела, — кажется, и мыслей-то своих не оставалось, — только твои в голове. Про книги мне запрещенные рассказывал, про забастовки, про то, как народ задавлен, — все впитывала, как свое. Эхом, эхом я твоим была, Павел Петрович!

— Просил же: не называй меня так.

— А я вот хочу, чтобы понял ты, как вся я в тебе растворилась! — уже не в силах сдерживаться она. — Никогда не говорила, а сейчас скажу... Да, радовалась вместе с тобой, когда кончилась эта распутищина, когда царь от престола отрекся. Думали: вот оно, начало свободы! Да разве мог кто помыслить, в какую смуту все рухнет, сколько крови хлынет...

— И я такого не мыслил, — опускает голову Бажов. — Да обратно уж не воротись...

За стеной слышится плач ребенка.

— Проснулся что-то. Поди, животик опять... — Валентина приоткрывает дверь комнатки. Раздаются голоса девочек:

— Мама, Лешка описался.

— Орет, спать не дает.

Валентина уходит в комнатку детей.

— Обходишь его, и сами ляжем, — говорит ей вслед Бажов. — В постели и договорим...

1918—й, СЕНТЯБРЬ

Затрапезное, замызганное помещение на станции Егоршино. Две скамьи, грубо сколоченный стол. За столом четверо членов полковой партиейки. У одного на боку пистолет в кобуре, три винтовки со

штыками стоят в углу. Где-то не столь далеко слышатся выстрелы, и пореже — разрывы снарядов. Под этот аккомпанемент — постепенно приближающийся — и будет проходить собрание. Входит широкий в плечах, наголо бритый усач, — это Федоров, секретарь ячейки. Он помоложе вошедшего с ним Бажова, остальные партийцы — еще моложе. Бажов садится, Федоров остается стоять.

— Что-то мало нас, товарищи партийцы, — оглядывает он собравшихся.

— Морозов убит, — напоминает коренастый красноармеец в распахнутой шинели.

— Знаю. А Устюжанин где?

— К фельдшеру пошел, на перевязку, — говорит чернявый, похожий на татарина боец. — Руку зацепило.

— Подойдет еще. Обещал, — добавляет партиец в перепоясанном ремнями френче, видать, из младших командиров.

— Ясно... Товарищи, времени в обрез, сами видите, как жмут нас. Егоршино не удержим, ночью отходим. — Разрыв снаряда где-то в стороне будто подкрепляет слова Федорова.

— Куда отходим-то? — спрашивает коренастый.

— К Алапаевску, — помедлив, отвечает Федоров. — Пришлют подкрепление, — вернемся сюда и беляков погоним.

— А не пришлют? — не удовлетворяется ответом чернявый боец.

— Будем держать оборону.

— Где? У Тагила или еще подальше? — с горьковатой усмешкой произносит тонкогубый парень. У него конопатое лицо, шрам на лбу, скинутая шинель лежит на коленях.

— Там видно будет, — обрубает недовольный допросом Федоров.

— Ты, товарищ Федоров, не темни. — Парень вперяет в него воспаленный взор. — Какой ты, к хренам, секретарь ячейки, если духу нет партийцам правду выложить?!

— Я тебе, товарищ Ченцов, не комдив, в штабе не отираюсь, — повышает голос Федоров. — Чего мне сказали, то и вам говорю. А сказали коротко: как Реввоенсовет решит, — так и будет.

— Екатеринбург взят, так, пожалуй, и до Перми доотступаемся... — кривится Ченцов. — А моя бы воля, — вцепиться в рубез зубами, а кто попятится, — расстрел!

— Ну и хорошо, Ченцов, что не твоя воля, — говорит Федоров. — А то бы всех положил, — и открыл золотопогонникам дорогу... Ладно, хватит трепаться, — открываем собрание. Щукин, ты пограмотней, — пиши протокол. — Вынимает из сумки листок бумаги и карандаш, — протягивает партийцу во френче. — Повестка у нас одна: прием в партию товарища Бажова.

Бажов встает.

— Дак мы же в Камышлове уже решили его принимать, — недоумевает Щукин.

— Правильно, — подтверждает Федоров. — И рекомендации зачитали, и выступали, — а до конца не довели. Из-за вылазки анархистов пришлось

собрание прервать. А товарища Бажова в Пермь отравили, — ценности вывезти. Поручение выполнил, вернулся, а семья-то под белыми осталась. Близок локоть, да не укусишь...

— Не опоздал? — раздается голос. Это входит с забинтованной рукой Устюжанин.

— Садись, — жестом указывает секретарь ячейки. — Только начали... Так вот, к тем камышловским рекомендациям хочу еще, как секретарь, от себя добавить. Придет время, начнем наступать, — тогда многие захотят к нам примазаться. А товарищ Бажов в дни отступления добровольцем в Красную Армию вступил! И стал редактором нашей дивизионной газеты «Окопная правда». Все видели первый номер?

И партийцы откликаются: «Видели», «Толковая газетка», «Я своим вслух читал, — неграмотных много...»

— А пусть этот редактор расскажет, как с эсерами вожгался, — встречает Ченцов.

— Ты, Ченцов, не перебивай, вопросы потом задашь, — отмахивается от надоедливого бойца Федоров. И обращается к Бажову: — Второй-то номер когда увидим?

— Дня через три, — отвечает Бажов. — Раньше не сумею.

— Короче, товарищи, Бажов делом доказал, что он с нами, — говорит Федоров. — И достоин стать членом партии большевиков. Тем более, по-настоящему-то грамотных у нас кот наплакал. А у товарища Бажова грамотность что надо!

— А можно спросить, какая она, эта грамотность? — вроде бы между прочим осведомляется Ченцов.

— Непонятен вопрос, — уже чувствуя подковырку, произносит Бажов.

— Непонятен? — Ченцов встает. — Ну, тогда сам скажу: поповское это грамотейство, вот какое! Глядел я твои документы. Духовное училище да семинария, — оттуда и вся грамота. Небось, все молитвы вызубрил... А учителем пошел опять же к поповским деткам, — в духовное училище да в епархиалку. И женат на поповне...

— Псаломщиком ее отец был, — уточняет Бажов.

— Один хрен... — махнув рукой, выпаливает Ченцов. — Ладаном пропахло все грамотейство-то! А товарищ Ульянов-Ленин прямо говорит: «Религия — опиум для народа».

— Чего ты религию-то приплел? — вклинивается Федоров. — Он давно уж в учителях. И родился в рабочей семье.

— А если в рабочей, чего его в царские чины-то потянуло? — не унимается Ченцов. — Коллежский ассессор, — это уж вплотняк к дворянству!..

— Всё у тебя? — хмуро спрашивает секретарь ячейки.

— Нет, не всё! Пусть скажет, как он об Учредилке тосковал, когда разогнала ее в Питере наша власть! — Ченцов бросает взгляд на Бажова. — Ну, чего притих? Забыл, как на митинге-то в Камышлове выступал?

— Выступал. — Бажов и не собирается отрицать. — Считал тогда, что не надо было Учредительное собрание разгонять.

— Ага, признался! А потом?

— А потом согласился с товарищами, что правильно разогнали.

— Вот ты флюгер и есть! — ткнув пальцем в сторону Бажова, выкрикивает Ченцов.

— Да брось ты, Ченцов! — отрывается от своего протокола Щукин. — С Учредилкой не у него одного была путаница. Раз понял свою ошибку, — значит, наш!

— Ну да, куда ветер подул, — туда и он... Вот режь меня, — а не доверяю я этому грамотею поповскому. Не доверяю — и всё! — Ченцов садится.

— Ладно, высказался неугомон, — ставит точку Федоров. — Кто еще хочет сказать?

— Да ясно всё, — подает голос чернявый боец.

И его поддерживают сидящие рядом: «Знаем мы Бажова», «Чего там, принимать надо».

— Ну что, голосовать будем? — Секретаря прерывает взрыв, — снаряд падает где-то совсем неподалеку. — Как решим: впотай или открыто?

«Открыто!», «Чего таить?», «Всё сказано...» — откликаются партийцы.

— Чем горячку пороть, отложить бы да присмотреться к ассессору этому... — гнет свое Ченцов.

Но Федоров не удостаивает эти слова вниманием.

— Так, товарищи, — кто за то, чтобы принять Бажова в ряды нашей партии большевиков? — Поднимает руку сам, и вместе с ним — еще четверо. — Кто против? — Поднимается одна рука — Ченцова. — Ясно...

Повернувшись к Бажову, секретарь пожимает ему руку.

— Ну вот, теперь ты, товарищ Бажов, форменный большевик. Сегодня и партбилет получишь.

Члены ячейки встают. Ченцов берет винтовку и уходит первым, как бы и этим выражая свое несогласие.

1919-й, ЯНВАРЬ

Все та же знакомая нам комната в Камышлове. Но ничего не видно, — темно, ночь. Раздается негромкий стук в дверь. Потом — еще и еще.

Валентина с трудом встает с кровати, накидывает какую-то одежку:

— Кто там?

— Открой, — свои, — слышится приглушенный голос за дверью.

Валентина зажигает свечу, и только тут становится видно, что изменилось в комнате: в углу деревянная детская кровать. А на книжной полке — следы обыска: книги свалены кое-как, две свешиваются корешками, да и осталось их едва ли половина от прежнего. Валентина нетвердыми шагами идет к двери, еще не понимая, чей это стук. Снова спрашивает:

— Кто там?

— Валянушка, я. — Голос Бажова уже невозможно не узнать.

Она открывает дверь, он входит, заколешив на морозе, в пальтишке с поднятым воротником, в сапогах и обтерханной шапке, — и в первый момент она отшатывается, не узнавая: у него — ни бороды, ни усов.

— Не узнаешь? Пришлось сбрить свои приметы...

Как стосковался по тебе! — Он хочет ее обнять, — но она отстраняюще выставляет ладони:

— Не прикасайся! Заразная я!.. Может, тиф... — Нетвердыми шагами, пошатываясь, пятится к кровати и валится на нее.

— Что с тобой?! — Бажов ошеломлен. — Что случилось?!

Ответа нет. Не слышит или провалилась в беспомощность? Он снимает шапку, потрясенно мнет свой оголившийся подбородок.

— Валянушка, почему ты молчишь?

— Хорошо, что пришел... Сам завтра и похоронишь... Мне не смочь... — с трудом выговаривает она.

— Кого?!

— Маленького нашего. Не сберегла... — Голос Валентины обрывается плачем.

Бажов делает шаг к кровати, хочет заглянуть, но его останавливает ее вскрик:

— Не трожь!.. Не развешивай его!.. Завтра...

— Валянушка, завтра меня не будет. Я бежал из плена, пойми... — Охваченный тревогой, он распахивает дверь спальни, — видит, что она пуста. — А дети, — где они?

Молчание, она снова провалилась в беспомощность. И уже теряя контроль над собой, он почти кричит:

— Где дети?!

— У сестры... Здесь нельзя... Родила больная, — и обоих в заразный барак. Там и держать не стали, на третий день — сюда. Он уже и глазок не открывал, только дышал... Господи, за что?! — Валентина всхлипывает и замолкает, видно, не в силах больше говорить.

Бажов молча сидит за столом, подперев голову руками. Терпеливо ждет. Наконец, ослабевшим голосом она выдавливает из себя:

— Никуда тебя больше... не отпущу...

— Валянушка, родная, я сам бы себя куда от вас не отпустил! Да толку-то?.. Завтра же пронюхают, схватят — и в расход... Пойми, я в живых-то чудом... — Он видит ее состояние, и все же надеется, что она поймет. — Когда ворвались они в Пермь, успел поджечь вагон со своей типографией, чтоб не досталось, — и тут же скрутили. Пленных толпища, неразбериха, — и ухитрился выскользнуть. Пробирался лесными проселками, — где в санях подвезут, где пешим... Один раз совсем обессилел, замерз, ноги уже не идут, думаю: всё, конец. На счастье, мужик бревна вез. Наткнулся на меня, полуживого, в избу взял, обогрел, накормил... А так, редко где и в дом пустят, тифа бояться, — иди, мол, в баньке переночуй, либо в сарайке... Валюша, да ты слушаешь ли?

— Худо мне... То слышу, то опять проваливаюсь... Прости...

— Свиделись, называется, страдалица ты моя... — Бажов замолкает, трудно решая что-то. — Ладно, все равно уж доскажу... У Екатеринбургa едва не напоролся на колчаковский патруль. Риснул все же на окраине переночевать у знакомого. Думаю: теперь уж до дому рукой подать. Как ни рискованно, а своих хоть ночью, да увижу. Вот и увидел... — Бросает взгляд на остатки книг на полке. — С обыском, небось, приходили?

— Дважды... — полупешотом откликается она. — Все твои бумаги забрали...

И наступает минута, когда он должен сказать самое трудное:

— Валянушка, трижды я перед тобой, перед всеми вами виноват, испроклинал себя, — но, пока темно, надо мне уходить.

— Куда? — еле слышно шелестит ее голос.

— Есть тут одна явка, если еще уцелела. Может, сварганят мне какую-никакую подложку, — без документа-то никуда не сунешься. А мне сейчас застрять надо. Выжить. Для вас выжить... Разжиться тулупишком, забраться в какой-нибудь товарняк, — и в Сибирь, в Сибирь, подальше от этих мест. Тут-то мне точно крышка... — Бажов встает, надевает шапку. — Валяша, ты слышишь меня?

Молчание. Он мнет подбородок, ждет несколько секунд и понимает: она снова в беспамятстве.

— Ну, слышишь ли, нет ли, — а скажу. Родная, знала бы, как горько уходить, не в силах ничем помочь. Об одном прошу: выздоравливай и жди меня. При первой возможности дам знать... А если не случится вернуться, — не падай духом. Воспитавай детей, как я говорил!.. — Останавливается у порога, видно, хочет еще что-то сказать, но, махнув рукой, открывает дверь и уходит в ночь.

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— Помогли сестры схоронить сыночка. И я мало-помалу оклемалась, встала на ноги. А как дальше жить, и сама не знаю. От него никаких вестей, — то ли жив, то ли сгинул... И зима прошла, и весна, и лето началось. И все чаще стала мельтешить мысль, что осталась я в двадцать семь лет вдовой с тройней на руках... Но тут, в самую душевную хмарь, — вдруг весточка от него. С Алтая. Зовет к себе, но предупреждает, что живет под другой фамилией и родство наше должно оставаться тайной. Отговаривали меня от этой поездки: война, разруха, дороги забиты эшелонами, солдатня одичала, — грабят, насилуют, молодой женщине и дети не защита. Пугали, а все равно решилась, хоть казался Алтай чуть не на краю света... Про дорогу ту проклятушую, про мытарства наши в теплушках да трюмах, — и вспоминать неохота. Когда подплывал пароход к Усть-Каменогорску, сама себе подивилась: как смогла осилить? А на пристани — новое испытание: вот он стоит, глядит на нас, а подойти, прикоснуться нельзя, — считаемся чужими. Помню, шепнула детям: «Вот ваш отец, только об этом никому нельзя говорить». Так потом и жили, будто незнакомые, встречались украдкой, как тайные любовники. Тогда только узнала, как пробрался он зимой в томский урман, в самую глушь, как учительствовал в таежном селе, а потом партизанил, да разбили их каратели, и пришлось скрываться. Пока не сработали ему подпольщики документ на имя страхового агента Бахеева и направили в Усть-Каменогорск. Ездил по селам под видом страховщика, — а на самом деле связи устанавливал, партизанские силы единил. Риск, риск, каждый день, — белая-то контрразведка тоже не дремала... Но уже наступали красные по всему фронту, и в декабре девятнадцатого

года оставили колчаковцы город. Наконец-то можно было не таиться, зажили вместе, и смог отец обнять своих ребятишек, которые его толком-то уж и не помнили... А спокойней не стало. Продразверстка эта, конфискации... В иных местах до крестьянских мятежей доходило. А он умел охладить страсти. Потому и посылали на такие мужицкие да казацкие сходки, откуда не всякий живым возвращался... И еще — бандитье кругом. Одни из красных дезертировали, другие из белых, — кучковались и промышляли разбоем. Вечером и на улицу не выйдешь... Павел Петрович был уже председателем уездного комитета партии, — а все равно вместе с другими уходил в ночные патрули. Брали винтовки — и до утра. Сколько раз, бывало, сидела у окна, вслушивалась, — редкая ночь обходилась без выстрелов. Когда потом, через год, вспоминала те ночи, думалось: господи, одна шальная пуля, — и всему конец, и разве б кто догадался, кем мог стать зарытый на уездном кладбище бородач с Урала. Вот уж воистину: над всем повелевает Случай... Поспокойней стало в губернском Семипалатинске, куда переехали зимой двадцать первого года. И паек получше, и жилье, — все же членом губкома выбрали. А городок сонный, унылый какой-то, будто сдавили его удавкой пустынные степи. И такая иной раз нахлынет тоска, — кажется, птицей бы домой полетела...

1921-й, МАРТ

Комната в доме, похоже, реквизированном у кого-то богатого. Обои на стенах, старинный резной буфет, у дубового стола венские стулья. Валентина стирает в корыте белье, пузырится мыльная пена. Бажов чистит у двери сапоги.

— Собираешься куда? — спрашивает она.

— Заседание в губпрофсовете. Через полчаса двинусь.

Валентина приостанавливает стирку, вытирает руки. Давно хотела задать ему этот вопрос, да не решалась беречь, видя, как он с утра до вечера в своей работе. А сейчас — решается:

— Скажи, а на Урал не тянет?

Бажов кладет щетку. Отвечает не сразу, но — твердо:

— Еще как тянет! Нет для меня лучше Урала. Там родился, там все корни, — да ты сама знаешь.

— Вот бы и попросил перевода.

— Я уж заговаривал. — Бажов садится на стул, усаживает ее рядом. — Закидывал удочку, да не клюет. «Нет, говорят, здесь нужен. И так с кадрами худо».

— Строго у вас. — Валентина произносит это не в осуждение, — просто как бы подтверждает для себя.

— Партдисциплина, — она не из мягких, — соглашается Бажов. — А без твердой руки, Валяша, страну эту расхристанную из разрухи не вытянешь, жизнь людям не наладишь.

— Да верю я, верю, что наладится. Но послушал бы, что на базаре говорят, на улицах. В полный-то голос остерегаются, а втихомолку костерят новую власть за голодуху эту, за нехватки, — раньше-то, дескать, куда лучше было...

— Одолеем разруху, — и все изменится, вот увидишь. — Бажов вынимает из кармашка брюк часы: не опоздать бы на заседание.

Нечасты у них такие разговоры. Он вечно занят, она — с детьми, в домашних хлопотах. И раз уж зашла сегодня речь о редко касаемом, хочется Валентине спросить и о другом:

— А вот поговаривают, что церковь на площади закрыть собираются. Правда, что ли?

— Да, есть такое решение.

— А зачем? — недоумевает она. — Кому мешает?

— Не я то решение принимал, — неохотно говорит Бажов. — И не будем об этом больше, ладно?

— Ладно... Павел, а можно один-разъединственный раз в жизни тебя спрошу? Не хочешь, не отвечай, — но спрошу.

— Ну?

— Вот бросил ты учительство, окунулся в ту бучу, в войничу нескончаемую, большевиком стал, под твердую руку, — а сомненье в чем-то шевельнулось ли хоть раз?

— Не твое дело! — обрывает он. Видит, что она обижена, и тут же старается сгладить: — Валянушка, есть такое, чего лучше не касаться. — Кладет ладонь на ее руку. — Но, ладно, в первый и последний — отвечу. Тебе одной. Да, может, что-то когда и шевельнулось, — но я в себе это давил. Не оставила мне жизнь другого выбора. Той дорогой и пойду!

— Может, тут, в степи, на годы и останемся? — переводит она эти слова на их житье-бытье.

— Может, и так.

Невеселый это для нее ответ. Но, коли так, спорить с мужем Валентина не собирается:

— Ну и ладно. Лишь бы вместе, и дети здоровы, лишь бы всё ладом! Где ты, — там и я.

— Вот и умница! — Бажов гладит ее по голове и идет одеваться. — Ну, я пошел.

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— Видно, не зря говорится: «Не было счастья, да несчастье помогло». Заболел Павел Петрович, — свалила малярия. Да такая тяжелая, что врачи сказали: необходима перемена климата. Вот тогда только отпустило его партийное начальство на Урал. Но пока добирались мы весной двадцать первого года до Камышлова, в теплушках этих, с пересадками измотанными, — подхватил он тиф. Еще и с осложнениями. Разболелся так, — уже и за жизнь опасались. А едва встал на ноги, ослабелый еще, худющий, — тут же получил назначение: редактором уездной газеты. Жизнь текла камышловская, а думки-то о Екатеринбурге, — как-никак дом наш там. И детей хотелось в хорошую школу определить: Ольге уже девять, Лене восемь, и Алешка подрастает, не успеешь оглянуться, — и школяр. Но удалось нам перебраться в областной теперь уже центр только через два года, — осенью двадцать третьего. Сразу же в свой дом поспешили, — столько лет о нем мечталось. Да не тут-то было, — там уж давно другие люди живут! И пришлось мужу немало кабинетов обойти, прежде чем получили мы разрешение вселиться в собственное жилище. Зато уж больше с ним не расставались... Хороших долж-

ностей Павла Петровича в Екатеринбурге не ждало. Поначалу приняли ответсекретарем «Крестьянской газеты», но потом перевели заведующим отделом писем с окладом 143 рублика. Ну, что-то еще подрабатывал, да тоже негусто. Проживи-ка на эти денежки семьей, которая еще выросла: в двадцать пятом году родилась последняя наша дочь Ариадна, отцовская любимица. Выручал огород да корова, но и ее пришлось продать, когда сено вздорожало. Крутилась по дому, как заведенная, — все стоговь, приберись, обиходь... Он помогал: и грядки вскопает, и воды принесет, и дров наколет. Помогал бы и больше, если б не командировки эти частые...

1929-й, АПРЕЛЬ

Один из интерьеров бажовского дома. Бревенчатые, нештукатуренные даже изнутри стены, их просто время от времени моют, да вот тепла от того не прибавляется... Бажов, покашливая, собирает бумаги в брезентовый свой дорожный портфель. Его облик уже говорит о возрасте, окладистая борода с заметной проседью. Входит Валентина Александровна. На усталом лице следы неизбывной заботы, хотя всего-то еще тридцать семь лет.

— Что, опять в поход?

— Да, в Талицу, а там — по селам, — откликается Бажов. — Знаешь присловье: волка ноги кормят. Вот и мы, газетчики, так же: не поездишь, не повидаешь, с народом не потолкуешь, — ничего и не напишешь.

Жена подходит, оглядывает его одежду, качает головой:

— Брюки-то как вытерлись, давно бы новые купить... — Переводит глаза на вешалку. — Пальто выгорело, чиненое-перечиненое... Эх, журналистшка ты мой...

— Ничего, милая жена, — покашляв, говорит Бажов, — если кто и встретит по одежке, проводят-то все равно по уму. А знакомцы мои по деревням сами в чиненом да латаном. Так что — на равных.

— Всё шутишь... А пора бы тебе, папочка, поменьше по командировкам мотаться. Вон кашляешь опять.

— «Папочка» — в том смысле, что уже полста брякнуло? — усмехается Бажов.

— Обиделся, дурачок? — Жена похлопывает его по спине.

— Ничуть. Зови, коли охота. Меня вон в редакции дедом кличут. За бороду. Ничего, привык... А насчет командировок, я тебе так скажу... Присядь-ка. — Бажов придвигает ей стул, садится сам. — Помнишь мои тетрадки с побасками да побывальщинами? Сколько верст проехал на коньке своем двухколесном, сколько у стариков выспрашивал, по зернышку собирал, а оказалось — псу под хвост...

— Да, в первый же обыск тогда загребли, — качает головой Валентина Александровна. — В одну кучу: и тетради, и все твои бумаги. С концом...

— Ничего не напишешь: что с воза упало, — то пропало. Ладно еще, в памяти кой-чего зацепилось... Ну и вот, Валянушка, норовлю я в поездках не только для газеты, что поинтересней, ухватить, но и для себя. В свои сусеки. Из каждой командировки то словечко сочное привезу, то поговорку, побаску, а то и целую

Павел Петрович
и Валентина Александровна
с детьми.

Стоят —
Елена и Ольга, сидят —
Алексей и Ариадна.

Фото из архива

побывальщину. По совместительству заготовителем слов работаю... А в письмах крестьянских, видела бы ты, какая иной раз живопись языка! И написано-то малограмотно, — а сравненья, обороты, краски, — никакому сочинителю сроду не придумать. Тоже не упускаю, в копилку свою кладу. — Бажов встает, открывает шкафчик, вынимает папку, раскрывает перед женой. — Вот уже целая картотека подобралась. Узелки на память.

— А мне и не показываешь.

— Извиняй, Валянушка, — весь тебе открыт, а это пока не покажу. Вот если в дело заготовки мои пойдут, тогда всё и увидишь.

— «Если», — значит, могут и не пойти?

— Кто его знает... — Бажов, словно бы призадумавшись, замолкает, но лишь на несколько секунд. — Помнишь, говорил тебе, как в Полевском, на Думной горе, дед Слышко нам, ребятам, побывальщины рассказывал? И был там один сказ про старый народ, который еще до татар, до русских на Урале жил. Самородки золотые да самоцветы у тех людей под ногами валялись, а они им и цены не знали, — камня и камня. До той поры, пока хитники тот край не унюхали, ватажка целая. Нахлынули, одурели от золота, грабастать стали, хватовщина пошла, убийство. Ну, побил старый народ тех охлестышей и от греха подальше собрал все раскиданное золото с самоцветами и упрятал в пещеру Азов-горы. И замкнулась гора, осыпью ход укупорило, лесом все заросло. Но поверье есть: если придет некорыстный человек и скажет верное слово, — откроется пещера со всем богатством. Говорится в том сказе, что многие зарились, счастье пытали, да ничего у них не вышло. Вот я и думаю... — Снова замолкает, скручивает самокрутку, закуривает.

— Ну, и что думаешь? — не терпит ей услышать то, что остается для нее закрытым.

— Понимаешь, мне та пещера — как бы образ, — дымя самокруткой, говорит Бажов. — Вот так же скрыто в глубинах золотоцветье сказов уральских. И откроется оно тому, кто об землю обопрется, проник-

нется словом народным. Душой заветное впитает, — и вслух скажет... Многое, Валянушка, в памяти хранится, да все кажется, что не накопил я еще тех ключевых слов. Вот и коплю... А с другой стороны, время, сама видишь, какое: коллективизация, индустриализация. Вылезешь с побывальщинами, — засмеют, если не хуже. А то и вовсе не заметят — еще обидней... Нет, буду еще хранить в своих сусеках, а там поглядим...

ЕЕ ГЛАЗАМИ

— А жизнь текла себе да текла. Вот уже и старшие дочери — студентки. И обе быстренько замуж выскочили, тоже за студентов. За стол, бывало, девятером садились: Ольга и Лена с мужьями, Алеша, — наш рабочий класс, ученик сварщика, — мы с Павлом Петровичем, моя мама и самая младшая — Ариадна, по-домашнему Рида. Семья большущая, а работник-то один. Он и выкладывался, как мог. Статьи в газетах, в журналах, — это само собой, но еще и книги очерковые у него выходили. Первая — «Уральские были» — о родине своей, старой Сысерти, о жизни тогдашней. Про сысертские дела и другую книгу написал: «К расчету!» — это уж о забастовке в пятом году. А перед этим была еще повесть «За советскую правду» — можно сказать, про самого себя в гражданскую войну, хотя фамилию героя и изменил... К 36-му году пять книжек у Павла Петровича вышло. Гонорар-то не больно наваристый, но все же подспорье. После «Крестьянской газеты» работал муж в обллите, — как говорится, из песни слово не выкинешь: цензором был, хотя потом, бывало, над тем и посмеивался. Позже перешел редактором в издательство. Зарплату мне вручал исправно, — а все равно жили от полочки до полочки. Сбережений — ни рублика. Скромно жили, скромней некуда, да не тужили. Пока не подкосила нас беда... Летом тридцать пятого года погиб Алеша. Несчастный случай при электросварке, — господи, всего-то в девятнадцать лет... Наревелись и я, и дочки. А Павел Петрович слезы не проронил, ушел в себя, будто закаменел. И раньше

поздно ложился, а тут полночь стал над своими бумагами засиживаться. И курит, курит... Видела я: работой боль глушит. А теперь думаю: смерть сына, может, и другое в нем подхлестнула, — молнией высверкнуло, что годы-то уходят и пора браться за то, что столько времени откладывал. Но он о своих задумках молчал, а я не расспрашивала, — не до того было...

1936-й, ИЮЛЬ

Дворик дома Бажовых. Жаркий летний день. Скамья под липой, перед ней врытый в землю стол. Из дома выходит Бажов. Оглядывается, ища жену. Увидел ее вдали, в огороде, и зовет: «Валянушка, иди сюда!» Свертывает самокрутку, закуривает. Появляется одетая в «рабочее» Валентина Александровна.

— Чего делала? — спрашивает он.

— Морковку в огороде прореживала.

— В такой день могла бы не прореживать, — мягко укоряет Бажов. — Как-никак 16 июля — 25-летие наше. Серебряная, как говорится, свадьба.

— Но мы же, папуля, решили особо не отмечать. Дочери с зятьями разъехались, гостей не зовем... Ну, вечером придут мама с сестрой, я пирог сочиню, нальем из графинчика по рюмочке, почаевичаем.

— Вечером само собой, а я хочу вот сейчас, в честь нашего дня... — Бажов обнимает жену. — Валянушка, за все, что у нас было, за то, что столько лет ты со мной нянчилась, хотелось бы мне подарить тебе что-то хорошее-хорошее. Да нет его у меня... А есть только это... — Берет со стола простую ученическую тетрадку. — Вот и хочу прочесть, что написал.

Удивление на лице Валентины Александровны сменяется предчувствием важности события.

— Тогда погоди, надо и Риду позвать. — Она торопливо уходит в дом.

Бажов похаживает взад-вперед, забирает бороду в кулак, — всегдашний признак волнения и раздумий. И вот появляется жена, — она переделалась, в новом ситцевом платье. Рядом с ней девочка, тоже в ситцевом платьишке. Ариадне 11 лет.

— Что делала, Ридчэна? — приобнимает дочку Бажов.

— Книжку читала.

Бажов нагибается, срывает цветок, вкалывает стебельком в прическу жены.

— Ну, садитесь, я тоже маленько почитаю. — Усаживает дочку и жену на скамью, садится сам, раскрывает тетрадку и, смущенно покашливая, начинает. — Называется: «Медной горы Хозяйка»... «Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то. День праздничный был, и жарко — страсть. А оба в горе робили, на Гумешках то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже. Один-от молодой парень был, неженатик, а уж в глазах зеленью отливать стало. Другой и вовсе изробленный...» — Ну, тут длинно у меня, как бы не заскучили.

— Да ты что, — читай! — протестует жена.

— С пропусками только, ладно? — ставит условие Бажов. — Чтоб покороче. Будет охота, сами эту тетрадку прочтете. Ну, вот... «В лесу-то хорошо.

Пташки поют, от земли воспарение. Их, слышь-ко, и разморило. Легли, значит, на травку, да сразу и уснули. Только вдруг молодой, — ровно кто его под бок толкнул, — проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды женщина сидит. Спина к парню, а по косе видать — девка. Коса ссиза-черная, на конце ленты, не то красные, не то зеленые, и тонко этак позванивают, будто листовая медь.

Парня вдруг как по затылку стукнуло:

«Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Ее одежда-то!»

А одежда, и верно, такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье.

«Вот, — думает парень, — беда!» Он, вишь, слышал, что Хозяйка эта — Малахитница-то — любит над человеком мудровать.

Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит:

— Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? Иди-ка поближе, поговорим маленько.

Ну, парень пошел к ней, и видит — ящерок тут нечисленно. И все, слышь-ко, разные. Одни зеленые, другие голубые, которые в синь впадают.

Девка смеется.

— Не расступи, — говорит, — мое войско, Степан Петрович. Раздавишь мою слугу, — беда будет.

Потом, мало погодя, и говорит:

— Ты не пужайся. Худого тебе не сделаю.

Парню забедно стало.

— Кого мне бояться, — говорит, — коли я в горе роблю!

— Вот и ладно, — отвечает Малахитница. — Мне такого и надо. Завтра, как в гору спускаться, будет тут ваш заводской приказчик, ты ему скажи: «Хозяйка, мол, Медной горы наказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели еще будешь мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак ее не добыть».

Сказала это и прищурилась: «Не забудь, Степанушко, мои слова. Сделаешь по-моему, замуж за тебя выйду!»

И сейчас же за горку, только мелькнула».

Тут чтение прерывается, Бажов словно бы о чем-то задумывается.

— Ну, что, сказочник, нас томишь? — вторгается в его молчание жена.

— Да, понимаешь, вот прочел вслух и вижу: каких-то слов еще не хватает, — поискать надо.

— Папа, а дальше-то? — нетерпеливо просит девочка.

— Ну, сказал он приказчику, что Хозяйка наказывала. — Бажов кладет ладонь на тетрадку. — Рассвирепел тот и в самый гиблый забой велел парня цепью приковать, где ничего путного не добыть. Другому не добыть, а у Степана на отбор малахит шел, — Хозяйка сноровляла. А потом сама явилась, велела ящеркам цепь с парня снять и повела его... — Перелистывает пару страниц тетради, читает:

«И вот пошли. Куда она идет, — все ей открыто.

Как комнаты большие под землей стали, а стены у них разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. На которых цветы медные. Синие тоже есть, лазоревые. И платье на ней — на Хозяйке — то блестит, будто стекло, то вдруг алмазной россыпью засверкает, либо скрасна медным станет, потом опять шелком зеленым отликает.

Долго шли. Малахитница и спрашивает:

— Видал мое приданое?

— Видал.

— Ну, как насчет женитьбы?

А у Степана, слышь-ко, невеста была. Ну, конечно, против Малахитницы где же ей красотой равняться!

Он и ответил напрямки:

— Не могу, потому другой обещался.

А она, вроде, обрадовалась.

— Молодец, — говорит. — Не обзарился на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку... Вот, — говорит, — подарочек для твоей невесты, — и подает большую малахитову шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча, что и не у всякой богатой невесты бывает.

— Как же, — спрашивает парень, — я с эким наверх поднимусь?

— Об том не печалься. Все тебе будет устроено, и жить безбедно будешь с молодой женой, только вот тебе мой сказ: обо мне, чур, потом не вспоминать! — Бажов закрывает тетрадку. — Ладно, остальное сами прочтете.

— Скажи хоть, чем кончилось-то? — вырывается у Валентины Александровны.

— Да не больно завидный конец. Не смог Степан Малахитницу забыть. Женился, семью завел, жить бы да радоваться. А он невеселый стал и здоровьем хезнул. И все ходил на то место, где Хозяйку встретил. Там его однажды мертвым и нашли. Вот такая она, Медной горы Хозяйка. Худому с ней встретиться — горе, и доброму — радости мало.

Бажов встает. Поднимаются со скамьи и слушательницы.

— И всю эту сказку ты сам придумал? — спрашивает дочка.

— Народ, Ридчѐна, все сложил, а я только написал. И не сказка это, а сказ. Он хоть фантазией и расцветчен, а посерьезней сказки, корень его — жизнь рабочая.

— А когда дашь прочесть? — тянет отца за руку девочка.

— Кое-что еще доделать надо. Тогда и прочтешь. А сейчас нам с мамой надо поговорить.

Ариадна уходит, и Бажов обращается к жене:

— Ну, что скажешь, Валянушка?

— Скажу, что получила самый лучший подарок. — Подходит к нему, целует в бородатую щеку. — Так рада, что ты за это взялся!

— Спасибо на добром слове, — наклоняет голову Бажов. — Но придется тебе, милая жена, потрудиться. Громких читок пока больше устраивать не буду, но жду от тебя буквоедства. Прочитаешь и скажешь, где глаз споткнулся. Все четыре проглядишь.

— Четыре?! — вот уж чего не ожидала Валентина Александровна.

— Ну да, у меня еще три сказа готово: «Дорогое имячко», «Про Великого Полоза» и «Приказчиковы подошвы». Замахнулся было еще на один, копошится уже в голове, — да книжка отвлекла. Возни с ней много, — а к зиме должна выйти.

— Это которая про гражданскую войну?

— Она самая, — подтверждает он. — Об истории Камышловского полка 29-й дивизии. Название точное пришло: «Формирование на ходу».

— А сказы куда думаешь?

— Забавно вышло... — улыбается Бажов. — Решили у нас в издательстве выпустить сборник «Дореволюционный фольклор на Урале». Ну, составитель толковый, много интересного собрал. А сам вздыхает: «Эх, жаль, нет у нас рабочего фольклора». Я говорю: «Как это нет?! Да назвотра и принес им один сказ. Потом добавил. Возьмут ли, нет ли, — поглядим... У меня один знакомый еще и в Москву их взял, в журнал хочет предложить, в «Красную новь».

— Вот давно бы так-то! — одобрительно заключает жена.

1937-й, ЯНВАРЬ

Одна из комнат областного издательства. У стены шкаф с рукописями. Два стола с тогдашними настольными лампами в стиле «гриб». Утро. Один стол пуст, за другим сидит Бажов и что-то пишет. Входит невысокая худощавая женщина лет сорока пяти. Это тоже редактор, коллега Бажова.

— День добрый, Павел Петрович! — приветствует она его.

— Здравствуйте, здравствуйте, Нина Михайловна! — откликается Бажов. — Давно не видались.

— Да, с самого Нового года, — говорит редакторша, присаживаясь за свой стол. — Вы в командировку уехали, а я что-то приболела. Вчера вот только на работу выписали.

— Ну, с выходом вас!

— А вас, Павел Петрович, — с полновесным завершением года! И книжка «Формирование на ходу» в срок вышла, и четыре сказа в московском журнале. Подгадало-то как славно: и то, и другое одновременно почти, — в ноябре. А через месяц — наш сборник «Дореволюционный фольклор на Урале» с вашими же сказами.

— Ну, тут Блиновой особое спасибо. Она этот тяжеленный фольклорный воз вытянула, — уважительно произносит Бажов.

— Да, редакторская упряжка Елизавете Максимовне досталась не из легких, — кивает собеседница. — Но, знаете, мы с ней перед Новым годом поспорили. Из-за вас, Павел Петрович.

— Из-за меня?! — удивленно глядит на женщину Бажов. — А в чем дело-то?

— Я вот сейчас, пока болела, перечитала сборник и еще раз убедилась: лучшее в нем — ваши сказы. «Медной горы Хозяйка» — вообще шедевр. Больше скажу: такого в нашем издательстве еще не печаталось.

— Ну уж, перехваливаете старика, — машет рукой Бажов.

— Знаю, что и в столице сказы заметили. — Редакторша и тут в курсе.

— Да, звонили мне из журнала, — не отрицает Бажов. — Отзывы вроде неплохие. А спор-то о чем?

— Сомнения у меня, Павел Петрович: можно ли это называть фольклором? Блинова никаких сомнений и слышать не хочет: фольклор — и всё тут! А мне, открыто говоря, не очень верится. Помните, вы же сами говорили, что слышали те сказы давным-давно.

— Да, мальчишкой еще, сорок лет с гаком прошло.

— А записали когда?

— Давно собирался, да вот только прошлой весной руки дошли, — признается Бажов. — Восстанавливал по памяти.

— Да как же возможно через полвека — по памяти?! — восклицает собеседница. — Кто же поверит, что слышанное — слово в слово сохранилось? Немыслимо.

— Ну, слово в слово, конечно, не упомнишь, — рассудительно отвечает на это Бажов. — Но сохранился остов сказа, стиль рассказчика, кое-какие характерные выражения, имена, названия. Вот по этим вешкам и шел... Сысертский да полевской говор — мне родной, все детство в том краю прошло.

— Остов, стиль, выражения... Павел Петрович, но это же еще не сказ! Уж признайтесь, что и от себя что-то добавлялось.

— Ну, может, что-то и добавилось. Но язык-то все равно близкий к тому, каким Хмелинин говорил. Если хотите, это язык моих родителей, да еще освеженный в поездках по Уралу, в работе с крестьянскими письмами. Иные выражения так запали, что, может, незаметно для меня самого и в сказы вошли.

— Думаю, и в сюжетах кое-что менялось, — ведет свою линию редакторша. — Разве не так?

— Да как сказать... — Неприятен Бажову этот допрос, но и коллегу осаживать не хочется. — У Хмелинина-то разные варианты были, иные и не без похабщины. Приходилось выбирать да очищать. Ну, и новые повороты порой напрашивались...

— Павел Петрович, да какой же это фольклор?! Это по-уральски самобытные сказы на *фундаменте фольклора*. Ваши сказы, Павел Петрович! Почему же вы в этом не признаетесь? Почему эти странные подписи: «Сказки Хмелинина», «Записано П.Б.»?

Тут уж приходится Бажову сказать напрямик:

— Ну, если бы я своим именем подписал, — тогда бы, чего доброго, фальсификатором фольклора объявили. Доходило до меня: заводил кое-кто такие разговоры...

Да если бы только разговоры! Доподлинно известно Бажову: нешуточная угроза над ним висела. В Москве, после появления первых сказов в «Красной нови», один шустрый критик уже разгромную статью готовил, — «изготовителем фольклорных фальшивок» собирался его объявить. Не вмешайся старый знакомец поэт Демьян Бедный, — ославили бы на всю страну. Да и Демьян еле предотвратил... И после этого заикаться о своем авторстве?

— Нет, Нина Михайловна, уж лучше останусь записчиком, — твердо говорит он. — Моя задумка — открыть людям клады творений народных, — а в какой оправе да под каким соусом, — не все ли равно...

— Любопытный вы человек, Павел Петрович. — Редакторша смотрит на часы. — Мне сейчас надо в Союз писателей, с автором одним встретиться. А потом продолжим этот разговор, ладно?

Бажов кивает, и женщина уходит. Он начинает было снова что-то писать, но тут в комнате возникает строгого вида мужчина в очках. Молча смотрит на Бажова.

— Вы ко мне?

— К вам, гражданин Бажов, — ледяным тоном произносит вошедший.

— Ого! — Бажов встает. — Как это понимать?

— После того, что вы сделали, называть вас товарищем язык не поворачивается. Вот мое удостоверение. — Мужчина вынимает его из кармана и разворачивает перед Бажовым.

— Да зачем? И так знаю: из райкома партии. Видел не раз. — Бажов понимает: что-то случилось. Но что?!

Райкомовец тем временем замечает книжку на столе Бажова. Спрашивает:

— Это что, — та самая?

— «Формирование на ходу», — говорит Бажов. — Сигнальный экземпляр.

Райкомовец делает шаг к столу, хватая книжку, пытается разорвать пополам. Но мешает твердый переплет. Тогда в ход идут схваченные со стола ножицы: он надрезает корешок переплета, разрывает книгу и бросает в корзину. Требуется:

— Еще есть?

— А что случилось-то? — Бажов потрясен.

— Разбираться с вами должен был директор издательства. Но он сам вызван для объяснений, и в райкоме поручили эту операцию мне. А директор потом примет свои меры... Немедленно выложите — райкомовец стучит пальцами по столу — все, что есть. Ни одного экземпляра в издательстве не должно остаться!

Бажов открывает шкаф, достает с полки три книжки, кладет их на стол. Райкомовец, надрезав, разрывает одну пополам и бросает в корзину, остальные две бросает туда, не разорвав.

— Может, скажете, в чем дело? — пытается понять происшедшее Бажов. — Чем книга не угодила?

— А вы отдавали себе отчет, о ком писали? — В глазах райкомовца гневное презрение.

— О героях гражданской войны на Урале. С кем в одной дивизии воевал.

— Так вот, трое ваших «героев» вчера арестованы, как троцкисты и вредители, — чеканит человек из райкома. — Понятно теперь? Не только себе надела ли, — все издательство под удар!..

— Откуда же я мог знать? — вырывается у Бажова.

— Это в другом месте будете объяснять. На бюро горкома партии. Должны явиться туда ровно через час. Ясно?

— Ясно...

(Окончание следует)

Чудо явленных икон

Явление чудотворных икон в России не редкость. В каждом районе были свои святыни. Их берегли, их почитали, легенды о них передавались из уст в уста, из поколения в поколение, несмотря на то, что церковь и религия на протяжении чуть ли не столетия были под запретом.

Появлялись таковые и в наших краях. Под Ишимом, к примеру, была целая цепь деревень, осененных милостью Божьей: до сих пор вспоминают в них об утраченных в советское время чудотворных иконах,

Вот деревня Черемшанка. От Ишима — не более получаса езды. Тихая деревенька, пыльные улицы. Плутаем по ним в поисках церкви, которая, говорят, в оскверненном виде, но все-таки сохранилась. Исполон веков храмы ставили на самом высоком месте, чтобы видны были издалека. Черемшанка — не исключение. Но то, что стоит ныне на краю деревни, на берегу реки, вряд ли можно назвать церковью: купола и колокольни снесли, оставшийся нижний этаж покрыли плоской крышей — оттого и не бросается в глаза сразу ставшее приземистым

здание. Не знаю, что здесь было долгие годы, а сейчас — жилой, если, конечно, его можно так назвать, дом.

Да-а-а, видела я разрушенные церкви, но такое... Кажется, что здесь живет скульптор-сюрреалист, чей разум витает где-то вне нашего мира. Бывший храм просто-таки опутан какими-то металлическими трубами причудливых форм и изгибов.

А между тем церковь эта во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна была построена ровно полтора века назад — в 1853 году. И освящена в честь иконы Крестителя Господня, обретенной на берегу небольшой речки, и сегодня еще протекающей у подножия невысокого холма, на котором стоял храм.

Вот что интересно: почти все явленные иконы были найдены именно по берегам рек, а иногда прямо в воде. Так было здесь, в Черемшанке, так было в Курганской области со знаменитой Чимеевской иконой и в Упоровском районе в деревне Суерка. Об этом же свидетельствует известный писатель Владимир Солоухин в своей маленькой

Храм, превращённый в жилой дом

Черемшанка

документальной повести «Черные доски».

И почти все явленные иконы впоследствии становились чудотворными. Может, в благодарность за свое спасение?

Но вернемся к черемшанской иконе Крестителя Господня.

Существовала такая традиция: на месте обретения иконы выкапывали колодец и ставили часовню. Если в деревне не было церкви, то позже строили и церковь. И освящали ее во имя обретенной иконы. Судя по тому, что черемшанский храм освятили во имя Крестителя, можно считать, что до появления этой иконы церкви в деревне не было.

Колодец вырыли на берегу реки, — там, где нашли икону. Говорят, он всегда был полон воды, даже тогда, когда уже при советской власти разрушили часовню, стоявшую рядом, и разорили храм. В колодце, по свидетельству старожил, была святая, целебная вода. Сюда за исцелением ехали страждущие со всех концов России; даже, вспоминают, из Киева были паломники.

Ничего теперь не осталось. Икону, говорят, спасли, — спрятал кто-то из местных. Может, лежит забытая где-то на чердаке... На месте святого источника — болотце, подернутое зеленой ряской: речку перегородили, вода поднялась, разлилась и затопила все вокруг.

Позапрошлым летом работники ишимского краеведческого музея проводили здесь свои

изыскания: деревянный сруб неглубоко ушел под воду, так что можно поднять его и очистить колодец. Местные жители обещали музейщикам восстановить святое место.

Село Прокутка от Черемшанки недалеко, — минут 10–15 езды. В Прокутке была своя чудотворная икона. Если о черемшанской явленной легенды передаются в виде устного творчества, то свидетельства о прокуткинском чуде зафиксированы, что называется, документально и хранятся в Тобольском архиве.

Икона Великомученицы Евфимии, в отличие от многих других, была найдена не у реки, а на кладбище, на старом березовом пне. Дело было в августе 1910 года. И нашли ее крестьянские дети Максим Тюменцев и Иван Седунов — восьмью и девяти лет. Решив, что икону забыли здесь во время похорон, они передали ее местному священнику. Икона трижды (!) исчезала из закрытого храма и возвращалась на то место, где нашли ее мальчишки.

На месте обретения иконы, как и полагается, выкопали колодец и поставили часовню. А икона практически сразу показала себя как чудодейственная, как, впрочем, и вода в колодце. И уже 21 мая 1911 года в Тобольскую Духовную консисторию был сдан рапорт священника Рождественской церкви села Прокуткинского Александра Щеглова о происходящих в селе чудесных явлениях, связанных с иконой Великомученицы Ев-

фимии: излечение больных, спасение деревни от пожара, наказание богохульников.

16 августа 1917 года Духовная Консистория снова сделала запрос о положении дел в прокуткинском храме. В ответном рапорте было написано: «Почитание иконы продолжается. Есть вера в благодатную силу святой Великомученицы Евфимии, что в настоящее время и дорого».

А дальше... дальше все как всегда. Прокуткинскую церковь разорили, сделали из нее зерносклад, потом клуб, потом — библиотеку. Часовню на месте обретения иконы разобрали и перенесли на другое место, позже она сгорела. Святая вода в колодце высохла, сам колодец засыпали землей и мусором. Временами в нем находили... мертвых недоношенных младенцев. Место, где находился колодец, известно и сегодня.

А чудотворная икона? Долгое время «явленная» хранилась в доме у жительницы села Зинаиды Матвеевны Сеногнойевой. Однажды во время крестного хода из рук верующих икону вырвал и растоптал ее брат, бывший в то время заместителем председателя сельсовета. Сестра прокляла его, пообещала страшную кару. Говорят, проклятие сбылось...

А поруганную святыню местные жители все-таки спасли и спрятали. И никому не открывают тайну ее местонахождения. По крайней мере, так гласит легенда.

Кстати, Владимир Солоухин в своей книге предлагает такую версию обретения явленных икон: «Было в старой России несколько способов уничтожения обветшалых икон. Во-первых, оказывается, выносили иконы на перекресток дорог и с молебном сжигали. Этот способ редок... Жечь иконы считалось большим грехом. Самый распространенный метод избавления от непригодных икон прост и гениален: иконы пускают по воде. «Перекрестишь ее, сердешную, и положишь на воду. И закачается она и поплывет кверху божьим ликом».

Первый рассвет

*На дерево можно смотреть,
но на лес не смотрят, в нем живут.*
Коллингвуд

В половине третьего мама разбудила меня, чтобы я увидела, как встает солнце.

— Поднимайся, уже три, — сказала она.

Поезд, вздрагивая, стучал на стыках. В полупустом вагоне раскачивались темнота и холод. Похолодали ночи с тех пор, как переехали Урал. А в последние сутки опустел и вагон, до этого плотно и жарко набитый.

Я придвинула к себе мамины часики, лежащие на столике — в качающемся свете фонаря на станции, мимо которой поезд промчался, не сбавляя ходу, они показали половину третьего. Хотелось спать. За окнами, в глухой темно-синей ночи, лежала огромная Восточная Сибирь. Низко над горизонтом горели яркие, как у нас зимой, звезды. Я разглядела, что поезд идет не тайгой, а как будто бы по степи.

Мама, совсем уже одетая и причесанная, смотрела в это темное окно. Накануне она обещала разбудить меня в три.

— Пока ты приведешь себя в порядок, будет три, — обронила она мне, не отрываясь от окна. Лицо ее, еле различимое в неверном свете, казалось нежным и замкнутым.

Я никогда еще не видела восхода солнца (городские рассветы — не в счет, а на рыбалке с ночевкой я как-то умудрилась проспять до девяти). Я бы и теперь обошлась без рассвета. Шли пятые сутки пути, и меня подташнивало от постоянной качки, и

слишком темно было, и слишком прохладно, даже морозно, несмотря на июнь. От невидимых людей, спавших где-то в этом же плацкартном вагоне, пахло копченым салом, черемшой и чем-то еще, чужим. Незнакомым тянуло из оконных щелей. В умывальнике дуло еще сильнее — запахом какой-то жесткой травы. В какую-то минуту мне показалось, что сквозняк пахнет багульником, который нам присылали высушенным в фанерных посылочных ящиках из Сибири.

Когда я, умытая, вернулась к нашему окошку, над горизонтом появилась багровая полоска. Она тянулась и тянулась — над самым горизонтом, и только изредка ее перерезали черные силуэты елей. Их раскинутые лапы походили на птичьи крылья.

— Вокруг болота, — пояснила мама, — настоящая тайга будет дальше. — Сейчас взойдет солнце, — добавила она, — мы ведь все время едем на восток. Мы обгоняем время.

А я думала, что полоса над горизонтом, с медленным спокойствием меняющая цвет с багрового на алый цвет крови — не то, ради чего стоило будить меня в такую рань.

Да что там — полоска света после Урала! Я тогда целый день простояла у вагонных окон с опущенными вниз толстыми стеклами. Смотрела на слоистые скалы, нависающие над самыми рельсами, — волнуяще и страшно до восторга, со свистом налетали они на поезд и уносились назад,

на запад. Россыпи камней на склонах походили на каменные реки, спускающиеся к подножью хребтов. Настоящие реки тоже стекали со склонов и текли потом рядом с железной дорогой — не широкие и чистые.

Иногда на скалах блестели звездочки и прожилки слюды. И куски серого полосатого мрамора торчали из горы и валялись подле, и еще что-то, полупрозрачное и шероховатое, розоватое и красно-коричневое, проносилось мимо. Порой гора в закатном солнце играла на срезе всеми цветами радуги. Ветер бил в лицо, пах хвоей и паровозным дымом. Я немного знала об Урале: папа привозил из уральских карьеров полевой шпат, необработанный железный блеск и крупный горный хрусталь, прозрачный и будто специально ограненный.

И неслись мимо огромные лиственницы и свежая зелень, мешавшаяся с зеленью хвои (темной еловой и светлой лиственничной). И был туннель. И меняли вначале электровоз на тепловоз, а потом — тепловоз на паровоз, и хлопьями кружилась сажа, оседавшая на руки и лицо, и полосатый столбик разделил Европу и Азию. Я боялась пропустить хоть что-то из этого невероятного края, по которому шел наш поезд. Я думала о маминной сестре тете Вале, к которой мы ехали, которую я видела год назад и любила, и о Хозяйке Медной горы. И о медведях, которые, как мне было известно, в великом множестве водятся в Сибири, и выглядывала их, чтобы был случай написать об этом папе.

Медведей не было.

Зато за Уралом поезд остановился прямо в лесу. Возле самых рельсов обильно цвела и наливалась розовым земляника. Росли грибы — большие, крепкие и свежие. Ели почти прижимались к окнам вагона мохнатыми лапами. Только что прошел дождь. Поезд стоял долго — часа полтора. Запах мокрой тайги наполнил вагоны. Проводница не стала опускать лесенку, но открыла дверь, и я села на корточках на краешке железного тамбура, раскрытого в великолепие диких медовых цветов, елей, лиственниц, грибов и ягод.

Таежный лес пах посылками, приходившими от тети Вали: сибирскими посылками с кедровыми орехами, серой, солеными груздями и медом, которые пчелы собирали в тайге, и диким зверем. Мои сибирские двоюродные братья охотничали с детских лет, и почти в каждой посылке присылали что-то для меня — заячий хвостик, перышко птицы, кусочек какой-нибудь шкурки. Однажды обнаружилось чучело голубой белки без головы. Чучело сделали специально для меня, но, пока готовили посылку, кошка отъела беличью голову.

Мама тоже вышла в тамбур. Я не услышала, как она подошла. Капли срывались с хвои с певучим, долгим звоном. А потом раздался мамин голос:

— Западная Сибирь.

— А мы едем в Восточную? — спросила я.

— Мы едем в Восточную, — сказала мама. — Иркутская область — это самый южный край тайги.

— Там много тайги? — спросила я.

— Там почти все — тайга, — тихо произнесла мама. — Кроме городов. Там Ангара. И много рек, которые впадают в Енисей и Лену. Там Бурятский автономный округ. Саяны. А на востоке — озеро Байкал. И везде — тайга.

— Какая она? — спрашивала я.

— Как море, — отвечала мама, — можно уйти и не вернуться.

— Она такая же, как здесь? — спросила я.

— Здесь она еще не настоящая, — отозвалась мама. — А там — огромные кедры, лиственницы в два обхвата.

— А Ангара больше Волги? — спросила я.

— Увидишь, — ответила мама.

Солнце выкатилось из-за горизонта огромным красным шаром, во все окно. Но когда шар был только половинкой, он был еще больше. Никогда потом я не видела такого крупного и такого красного солнца. Темно-красный цвет ложился на мамино лицо. Он не дрожал, как дрожит на лицах и предметах свет станционных фонарей. Он только светлел и слегка поднимался вверх, и от этого мамино лицо становилось привычным.

Мама волновалась. Это было солнце ее родины. Она вдруг разговорилась.

— Когда летишь на самолете на восток, — сказала она, — еще быстрее обгоняешь время. Вылетаешь в шесть утра, а прилетаешь вперед, в шесть вечера. А когда летишь обратно на закате, то все шесть часов в самолете тянется закат, — вылетаешь в восемь вечера и в восемь вечера прилетаешь.

— Закат в самолете — это красиво? — спросила я.

— Да, — сказала мама. — Особенно когда под самолетом Саянские Горы. Там реки, — продолжала мама. — Там Белая река. Там Ока. Уда. Иркут. Китой. И в реках водятся настоящие рыбы. А в лесах — звери.

— А что такое настоящие рыбы? — спросила я с некоторой обидой за нашу Волгу.

— Омуть, — сказала мама, — таймень.

И добавила:

— А первая половина лета — всегда сухая и жаркая.

— Что же сейчас так холодно, — осторожно проворчала я.

Мама пристально посмотрела на меня. Она уже объясняла мне про континентальный климат и ограничилась коротким:

— Потому что в вагоне не топят.

А рассвет между тем распускался и, поднимаясь над землей, становился похож на оранжевый цветок подсолнуха с размазанными лепестками. От него резало в глазах. Но то, что происходило с солнцем дальше, не стирало первого впечатления.

— Солнце всегда приходит туда, где ты живешь, отсюда, — сказала мама. — Представь себе это.

Я попыталась представить себе огромный кровавый шар, катящийся по земле от Иркутска до Волги, но не смогла. В шесть лет я еще смогла бы себе

это представить, и в четырнадцать уже — смогла бы, а в девять — не могла. Хозяйку Медной горы могла представить, а это — нет. Мешала тайга, мешали Уральские горы, солнце вязло в них. Кроме того, оно было слишком красным, слишком чужим. Мое солнце вставало легче.

— Запомни, — вдруг сказала мне мама, — что первый свой рассвет ты увидела на моей родине.

И она посмотрела на меня ласково. Она верила, что когда я немного подрасту, я вернусь вместе с ней в Сибирь или хотя бы полюблю ее так же сильно. Мама не считала, что кому-то, кроме моего отца, может по-настоящему нравиться Волга.

Мама не смогла принять душой Поволжье, куда мой отец привез ее с Дальнего Востока. Словно ее родина таила в себе нечто волшебное. Как бергла мама те немногие вещи, которые привезла с собой!

Лаковая сумочка, пудреница из белого мрамора в виде кувшинки, с крышечкой из полустертого куска кварца, две заколки на шляпы — одна из черного агата, другая — из желтого янтаря. Из прежней, неведомой жизни привезла она несколько шелковых дальневосточных платьев и всю мою жизнь, тридцать шесть лет, колдовала над ними, перешивая. Она очень берегла эти платья. И еще у мамы были две маленькие салфеточки из грубого, беленого льна. На одной из салфеточек — вышитые маминной рукой анютины глазки, на другой — незнакомое милое девичье лицо.

Папа покупал маме все самое дорогое и лучшее. Из Москвы, из Ленинграда, Минска, Таллинна, Риги привозил он ткани и украшения. Однако почти во всем находился изъян. Украшения и ткани щедро дарилась родственникам, иногда — мне. Мама не жалела для меня того, что привозил ей папа. Но лишь однажды сшила она для меня юбку из одного из своих заветных платьев.

Все же мама немного примирилась с Поволжьем, находя в наших лесах восточно-сибирское или дальневосточное: горицвет, березы, боярышник, рябины, черемухи, медвежьи ушки.

Только сибирский горицвет выше, и цветы у него втрое больше, и зовут его в Сибири по-другому. И раскидистые наши березы не похожи на сибирские. Мама старалась не замечать прекрасные экземпляры вольных и крепких, как дубы, жигулевских берез и останавливалась у тоненьких, хрупких.

Иные растения с трудом узнавались мамой. Вот медвежья ягода, толокнянка. В Восточной Сибири, в кедровом стланике, она росла огромными зарослями. В наших светлых сосновых лесах, среди диких вишен, терна и миндаля, ее редкие вечно-зеленые кустики выглядели по-другому. Я понимаю теперь: она была как капля воды в пустыне...

Но некоторые травы и кустарники встречались, как старые знакомые — мать-и-мачеха, медуница, донник, золотистый зверобой, клевер с тремя лепестками, душица, костяника. Черемуха. По

сибирской привычке в моем раннем детстве еще пеклись пироги с черемухой, а из зверобоя мама умела делать красную стойкую краску и варила из крапивы очень вкусные щи.

Мне казалось, что мама любила бы меня больше, если бы я была частью Сибири, а не Поволжья. У меня вообще все перепуталось в жизни. Не знаю, какой порядок существовал в моем совсем раннем детстве. Но с тех пор, как я помню себя, отец мой любил меня безоценочно, его любовь была самоотдачей и служением. Она давала мне защищенность и чувство, что хорошо быть живой. Мамину любовь требовалось заслужить. Я была как растение, которое мама все не теряла надежды отыскать в нашем лесу.

Иногда мама приходила ко мне — как приходит дождь, как выглядывает солнце. Ее душа наклонялась ко мне цветущей веткой. Это всегда случилось неожиданно. Однажды она рассказала мне, как мечтала, что за ней прилетит человек с другой планеты, заберет к себе. Она представляла себе, как они будут путешествовать по звездам, но не знала, что будет с ней в конце пути. Знала только, что есть планета, его планета, которая ждет ее, и что она, мама моя, родилась для того, чтобы когда-нибудь там поселиться.

Нужно сказать, что вряд ли кто-то подходил на роль инопланетянина лучше моего отца. Но это уже отдельный разговор. Печально только, что на папиной родине ничего, должно быть, не напоминало маме ее далекую звезду.

На станцию Зима поезд прибывал в начале пятого. Солнце уже поднялось и успело скрыться

в облаках и теперь светило на землю рассеянным, бледным светом. Тетя Валя, сильно походившая на маму (а тогда, в детстве, мне казалось, что мягкая мамина сестра походила на мою маму больше самой мамы), ждала нас у станции в теплом ватнике, возле неказистого грузовичка. Поезд стоял три минуты. Мы вышли из вагона в студеной воздух. Под ногами лежал ломкий, иглистый иней.

Я удивилась инею. Тетя Валя засмеялась и сказала, что мы не в России, что здесь не роятся ни яблоки, ни садовая земляника, ни, например, помидоры, потому что летними ночами температура часто опускается ниже нуля.

«Зато у нас есть свои, сибирские ягоды, которых нет у вас», — сказали мне.

В пять мы уже приехали в поселок леспромхоза. Поселок стоял в тайге. До самых бревенчатых домов доходил глухой таежный лес. Возле дома тети Вали доцветала черемуха.

Как только мы вошли в дом, под окнами, сгорбившись, на задних лапах прошел здоровенный медведь. Я не особенно удивилась ему, хотя все-таки казалось мне, что не до такой степени должно их быть в Сибири. Я сказала об этом взрослым, и они тут же прильнули к окнам, выскочили на улицу, подняли шум. За медведем погнались с лопатами и вилами. Как потом выяснилось, медведь приходил к соседской корове. Приходил он не в первый раз, а кончилось дело тем, что уволок он эту корову в лес и съел ее возле самого села.

В тот же день я с удовольствием написала папе о том, что в первое же утро видела медведя прямо из окна. Письмо отправили, а к вечеру я заболела и почти месяц не выходила горницы. Должно быть, в поездке я подхватила дизентерию.

Невеселое дело — провести месяц в комнатке в два окна. Я до мельчайших подробностей запомнила оленей на тканом коврик над кроватью, и тканую разноцветную дорожку на полу, и причудливый узор из солнечных пятен, перемещавшийся по горенке с утра до вечера. В солнечный узор вплетались шевелящиеся тени росшей у окон дикой яблоньки.

Мне почти ничего не разрешали есть, но братья тайком приносили мне таежные ягод: вначале — жимолость, потом — голубику. Жимолость, которую в поселке называли почему-то «голубой ягодой», была овальная, черная с сизым налетом, кисло-сладкая. И голубика была кисло-сладкая. Особенно вкусной мне казалась голубика. Я насыпала на ладонь голубовато-синих, зеленоватых изнутри ягод и долго смотрела на них, перед тем как положить в рот. Кажется, это было основным моим развлечением. Как в драгоценных камушках, зеленовато-голубое светилось сквозь чудесный сизый налет, похожий на воск. Ягоды пахли хвойным лесом.

А когда я стала выходить — вначале на крыльцо, потом на улицу, — уже всю пылал июль. Улицы таежного поселка, густо затканые дикой ромашкой без лепестков, сильно и горячо пахли.

Пока я болела, мама на швейной машинке шила одежду для моих кукол. Тетя Валя приносила из железнодорожного депо кучи шелковых обрезков. В депо они использовались как обтирочный материал. Я не привезла с собой игрушек, и мне подарили куклу с льняными волосами. Помню, что звали ее Леной: в магазинной коробке лежала бумажечка с ее именем.

Кукла была лучшей в поселковом магазине. Мама целыми днями шила одежду для нее, а потом стала шить для тех кукол, которые остались у меня дома. Она делала это с детским удовольствием и говорила мне, что играла украдкой в куклы до шестнадцати лет. Она шила и пела песни, которые пела в юности, до того, как уехала с папой на его родину.

И я не могла ей сказать, что я сама уже наигралась в куклы годам к пяти-шести, и что эта возня с одежками ровным счетом ничего для меня не значит. Я многого не могла сказать моей маме. Одежек набралось так много, что мама перед отъездом купила чемодан, сложила в него кукольную одежду вместе с моей новой куклой.

Меня стали брать в тайгу, только недалеко и почему-то обычно вечером.

Тайга запомнилась мне большими елями, толстой хвойной подстилкой и обилием кукушкиного клевера — кислицы. Еловые ветви свисали над самой землей, и днем в лесу было сумрачно, но вечерами, на закатном солнце, лес становился сказочным. Я ложилась на нагретую хвойную подстилку, под раскидистые еловые ветви, и чувствовала себя удивительно защищенной. Солнце заглядывало под еловые ветви, как в окошко домика.

Я могла часами так лежать, жуя веточки кислицы и дыша хвоей. Кроме кислицы, под елями ничего и не росло, но она казалась мне очень красивой в этом еловом полумраке, нравились ее листики-трилистники и легонькие розовые лепестки. Это было маленькое хрупкое растение, очень нежное. Иногда она росла сплошным многометровым ковром. Один край у такого ковра был розовым, а

другой — белым, или фиолетовым, или розовым в чудесных фиолетовых жилочках.

Однажды я нарвала целый букет кислицы, но не донесла его до дома: лепестки и листья поникли на солнце. Мы всегда возвращались засветло, потому что с наступлением темноты холодало, хотя и был июль и днем температура переваливала порой за соток. (Братья мои, уходившие на рыбалку с ночевкой, одевались почти по-зимнему, и я долго привыкала к этому, потому что у нас в июле жаркие ночи.)

На окраине поселка водились дикие голуби — горлицы. Они вили свои гнезда на деревьях и держались парами. Мы всегда возвращались из тайги мимо горлинок. Часто вместе с нами шли из лесу женщины, и они почти всегда пели, а когда мы проходили мимо горлинок, горлинки ворковали: «турр-турр...турр-турр».

Собиралась родня, и, помню, всегда кто-то утешал маму, говорил: «Нет, ты посмотри, она улыбается, как твоя бабушка», «а вот погляди, когда она прищуривается — наша порода». «А если и в отца, — говорили маме, — он хороший человек, достойный». Но я видела, что мама и сама не слишком расстраивается, — она верила, что когда я вырасту, я стану больше на нее походить.

В тайгу к большим кедром меня не взяли. А когда мы поехали в Ангарск, где жил мой дядя, пошли дожди и стало холодно. Я видела Ангару, но в памяти остались только шум и много брызг. Перед отъездом в Ангарск мне передали папино письмо, — он спрашивал, не видела ли я также из тети Валиного окна слона и тигра. И я поняла — он не поверил, что я видела живого медведя.

В Ангарске тоже собралась родня, и маме опять говорили: «смотри, как она улыбается», и про моего отца — о том, что он хороший человек, и для всех родных — честь быть знакомыми с ним. А мама все так же загадочно улыбалась — улыбкой человека, который знает, что когда я вырасту, я стану ее, совсем ее, и мы, может быть, уедем в Сибирь.

Но когда мне исполнилось тринадцать лет, в

нелюбимом Поволжье, во время приступа астмы, у мамы остановилось сердце. Его запустили чуть позднее, чем нужно — через семь минут. Мозгу достаточно пяти, чтобы начались изменения. А может быть, за эти семь минут что-то случилось с маминной душой.

Мама изменилась. Это было почти незаметно. Посторонние не замечали. Но она уже не верила, что я когда-нибудь стану походить на нее, и, что хуже всего, наша несхожесть ее пугала. Она казалась ей предательством. Шли годы, и она уходила от меня все дальше и дальше.

Она и от папы уходила все дальше. Но папу она прощала, потому что он изначально был другой, а меня она простить не могла.

Уходила, но вернулась к нему, когда он умер. Когда его не стало, ей, должно быть, показалось, что его земля — это и есть та планета, для которой она родилась. Мне кажется, она бы и ко мне вернулась, но недолго прожила она после папиной смерти.

Мама моя! Существует ли та звезда, о которой ты мечтала?

Мама мечтала и обо мне. Когда меня еще не было, она, не любительница безделушек, купила фарфоровую статуэтку, — очень похожая на меня девочка делает зарядку. У нее мои глаза, мои волосы, мои черты лица.

Статуэтка осталась мне, вместе с моими письмами, которые я писала маме. Почти все они остались без ответа. Но все же было несколько писем, которые мама написала мне. Папа сохранил их для меня. Когда его не стало, мама уничтожила свои письма. Вот так же раньше, еще в моей юности, она вырезала из нашего семейного альбома все свои фотографии, не тронув ни меня, ни папу.

Когда я была такой маленькой, что походила на девочку со статуэтки, я остро чувствовала мамино одиночество. И мне хотелось скорее стать большой, чтобы стать для нее подругой. Но в девять лет мне этого уже хотелось не так сильно. И все же я очень ее любила, и Сибирь вошла в мое сердце безмерной тоской, и иногда я сама не знаю, где же моя настоящая родина и есть ли она у меня вообще.

Еще остались дальневосточные мамыны платья. Она сберегла их. Их шуршащий шелк до сих пор пахнет неведомым мне миром. Ни одного из них она не взяла с собой. Она ушла в плаще и босоножках на босу ногу. Я не шучу.

Мама очень мучительно уходила. Она умирала несколько месяцев.

В последнюю ночь близкие, жалея меня, сказали, что мама уснула после укола и поэтому неважно, кто посидит возле нее. Это было неправдой, но мне захотелось в это поверить, — наверное, потому, что мои собственные силы кончались.

Ночь шла к утру, и я, в каком-то очень глубоком забытии, все же слышала и понимала все звуки, и

все они говорили о том, что мама жива, что все по-прежнему. Не открывая глаз, я чувствовала, что встает солнце, слышала шаги мужа — вот он подошел к маминной комнате, остановился у ее двери, постоял, пошел ставить чайник. Его шаги тоже говорили мне, что ничего не изменилось. Я тут же провалилась куда-то еще глубже и вдруг увидела маму.

— Таня, я ухожу, — сказала она мне. Мама стояла в залитом солнцем коридоре, у входной двери. На ней были только босоножки на босу ногу, и синий плащ. Но не это было главным, а ощущение правдоподобности происходящего. Мама была здорова, совершенно здорова, и ее не просыхающие от липкого пота волосы, ее прекрасные волосы были сухи и вились. Все с ней было в порядке, просто она уходила. Она стояла у выхода и ждала меня. Она ждала меня и смотрела на меня легко и ласково.

Меня словно пронзило молнией. Я влетела в мамину комнату — по коридору, залитому солнцем, как я только что видела! — и не услышала обычного хрипа. Широко раскрытыми глазами мама смотрела в потолок, и когда я кинулась к ней на грудь, под моим лицом и руками еще вздрогнуло мамино сердце.

Время сместилось. Муж потом говорил, что услышал мой крик прежде, чем дошел до кухни. От спальни до кухни — четыре шага, и три шага назад она еще была жива. А она очень долго стояла у двери и ждала меня, и на ней были босоножки

на босу ногу, и я не могла разглядеть, что же она надела под синий плащ, и не могла понять, зачем он ей — так жарок был июль, что уже с рассвета на градуснике было за тридцать.

Слишком короток человеческий век!

Фарфоровая статуэтка оказалась крепче. Впрочем, однажды она упала. Странно это случилось: мама с папой ссорились в зале, и вдруг в кухне, из приоткрытого буфета, выпала эта статуэтка. Папа побежал на звон и вернулся, неся статуэтку с отломанными ногами. Его губы дрожали. Это было плохой приметой. Но статуэтку склеили, и со мной еще очень много лет не случилось ничего плохого.

Я все иду по той дороге, которой мама ушла от меня когда-то, очень давно. Для этого пути ноги не нужны.

Я ищу ее заметенные временем следы, и они выводят меня к поезду. Он летит в темноте с огромным красным шаром сбоку, и мама говорит мне:

«Запомни, что первый рассвет ты увидела на моей родине».

Красный свет ложится на лицо, на строгое мамино лицо, высвечивая мягкий овал, а волосы ее теряются во мраке.

— Я помню это! — кричу я маме. — Мама, я помню это!

Слышишь ли ты меня?...

Красные яблоки в холодных садах

*...Чужую, зябнущую душу
Хочется баюкать на руках.
Владимир Мисюк*

Осенью, когда мир внезапно старел, на меня наваливалась тоска.

Вообще-то я не отношусь к людям, у которых легко меняется настроение, но в юности, в чужом городе, мне иногда хотелось плакать от душевной боли. Эту боль обычно вызывал еще бесснежный, жесткий холод поздней осени или ранней зимы, когда сухими, серыми складками застывали дома в мертвеем голом городе и невозможно было представить, что в этих домах кто-то живет.

Впрочем, «это» необязательно начиналось именно тогда, когда деревья сбрасывали листву. Дыхание холода могло прийти в тот город чуть ли не в августе. То ли это был северный ветер, то ли что-то еще — но всегда нечто узнаваемое, сурово ledenящее душу. Душа заболела от холода, как болят околоченные руки или ноги. Эту полуболь-полутоску я так и называла для себя — словом

«холод». Особенно остро он чувствовался ранними холодными утрами, в час, когда еще не рассвело. Тоска провожала меня до анатомического корпуса и осталась в памяти в сочетании с запахом формалина. Обычно она рассеивалась к солнечному полудню, но бывали дни, когда не проходила вообще.

И тогда светотень, из которой состоит жизнь, превращалась в общий бесцветный фон. Мир становился безжизненным или, в лучшем случае, каким-то отдаленным. Почва уходила у меня из-под ног, и я пыталась ухватиться за какую-нибудь мелочь, придавая ей особое значение.

Так, я довольно долго везде носила с собой маленький флакончик из-под духов, который нашла в своей тумбочке — он принадлежал какой-нибудь девушке, жившей в комнате студенческого общежития до меня и, скорее всего, уже

закончившей институт. Флакончик был маленький, граммов на пять, стеклянный. Стеклянными буквами по стеклу было написано слово «Safe». На дне флакона оставалась почти невидимая капля жидкости. У нее был горьковатый, золотистый запах. Я подносила флакон к лицу, и мне казалось, что неведомая жизнь сочится из него — теплые комнаты, счастливые люди, живущие легко и свободно, клавиши и струны, рождающие нежные, властные звуки.

Еще я много ездила. Это было старое, испытанное средство, сознательно применяемое лет с пятнадцати. Подходил любой вид транспорта — поезд, теплоход, самолет, автомобиль: лишь бы покачивало и за окном менялся пейзаж. Разумеется, среди учебной недели не сядешь в самолет — но, как уже сказано, меня устраивали и автобусы. Собственно, корпуса мединститута были разбросаны по всему областному городу, но мне не всегда хватало обычной дороги. Иногда, если позволяло время, я каталась часами.

Поездки заменяли мне дорогу домой, беседу с другом и, может быть, что-то, еще более теплое и важное. Пожалуй, то, что скользило за окном, не всегда меня интересовало — порой хватало покачивания и людского тепла. Бывало, что я специально забиралась в переполненные автобусы и грелась. Главное — это ни к чему не обязывало. Я никогда ни с кем не заговаривала и не отвечала ни на чьи вопросы. Если мне говорили что-нибудь хорошее, я и тогда предпочитала отвечать взглядом.

Мне нужно было быть в форме, в хорошей форме — и в институте, и на практике, и в общежитии. И, кажется, мне это удавалось. Но мне не нужно было держать марку в автобусах. Мне там просто ничего не нужно было делать.

Особенно нелегко мне давалась моя двадцать первая

осень — в городе, который уже был знаком насквозь. Было больно не только от холода, но и, может быть, от стремительности, с которой сгорали листва и вечера. Существовали и еще причины.

...Дорога между Самарой и Новокуйбышевском скучна — и та, которая идет через Кряж, и другая. Они обе долго тянутся мимо каких-то безотрадно-пыльных сооружений, сменяющихся еще более нерадостными пустырями. Автобус едет из конца в конец не меньше часу. Сам автобус пылен летом и замызган в любое другое время года. (А если говорить точнее, то автобусы эти большей частью и пыльны, и замызганы одновременно.) Кроме того, они, эти автобусы, дребезжат и всегда набиты битком. Но именно этим рейсом я время от времени ездила в ту осень — в основном, без определенной цели. Просто так, от конечной до конечной, взад-вперед.

То есть, случалось, что какая-то цель у меня была. Например, по обеим этим дорогам было несколько адресов, где жили мои знакомые. Но когда приближалась нужная остановка, сама мысль о том, что необходимо выходить из автобуса (и даже просто переставлять ноги по направлению к двери), была неприятна.

Может быть, весной или летом описываемые дороги и бывали хороши, но в это время мне не приходилось их видеть, а осенью они выглядели неприветливо.

Однако на одной из дорог (на которой именно, не помню) небольшим оазисом лежали сады. Кажется, это был дачный поселок, очень старый, частью уже заброшенный — покосившиеся деревянные домики, сторбленные яблони и древние черные вишни. Да, это был дачный поселок, потому что на крышах маленьких домов не было труб: я хорошо это запомнила. Автобус шел вначале вдоль дач, а потом дорога заходила в сады — остановки две-три. Одна остановка находилась внутри поселка.

Я не сразу разглядела дачные сады сквозь пыльные окна автобуса. Скорее всего, я несколько раз

проезжала мимо них. Тусклый рыжеватый свет опадающей и опавшей листвы был невнятен среди общего, вялого, бледного фона.

Становилось немного легче, когда дождь белел, спускаясь с белого неба. Он дымно окутывал автобус. Смягчались звуки, мылись стекла. Как-то на развороте автобус тряхнуло, и меня прижало к мокрому даже изнутри стеклу, и неожиданно я увидела в белом дожде ярко-красные яблоки.

Яблоки появились из бледной мглы, из неяркого серо-алого блика, — блика среди других, меж нечетких рябин и полустертого боярышника. Они вдруг проявились ало, чувственно-остро, их цвет согривал. В этих яблонях было что-то неузнанное и узнаваемое. (Как будто мой двойник звал меня на непонятном и в то же время смутно знакомом языке.) Все началось с этих яблок, но уже можно было разглядеть — сквозь пелену дождя — и сиреневые листья дикого винограда, и тонкий лед на маленьких окнах — должно быть, оставшийся с ночи, и сугробики опавшей листвы, залегшие под мокрыми заборами, и неяркие звезды последних цветов. И сам дождь, нежной пеной оседавший в садах. И множество пузырьков в лужах среди опавшей листвы — как если бы кто-то вылил шампанское в тлеющую листву или, скажем, море только что залило эти сады и схлынуло. Но всего сильнее были краснеющие яблоки — от них шло почти физическое ощущение желанного тепла.

Когда мы проехали дачи, я закрыла глаза, чтобы ничто не стерло впечатления. Я закрыла глаза и в мыслях покинула автобус. Я сошла в дождь, в первый же сад, и то, что было со мной дальше, и кого я встретила в том саду — пусть со мной и останется.

Мне было так хорошо, как если бы все происходило на самом деле. Автобус дошел до Новокуйбышевска, и вернулся в Самару, и снова ушел в Новокуйбышевск. Я открывала глаза, когда начинались дачи. Освещение менялось, но яблоки по-прежнему грели и освещали, как пламя костра ночью, все новые подробности. В Новокуйбышевске я открыла глаза на конечной остановке — яблок было так много во мне, что окружающее их уже не могло заслонить.

Я увидела очень внимательный взгляд водителя. Он смотрел на меня из зеркальца, в которое видно салон. Я вдруг осознала, что стою в пустом автобусе на задней площадке — я так и простояла на ней, не шевелясь, не делая попытки занять ни одного из освободившихся мест — все три перергона. И я увидела вдруг — глазами, глядящими на меня из зеркала, — и свой растерянный взгляд, и свой вишневый плащ, уже потертый и слишком легкий для этой погоды, и капрон не по погоде, и ботиночки на шнуровке — тоже слишком легкие, на чересчур неустойчивом, тоненьком каблучке. Которые, к слову, у меня второй (или даже третий) день не находилось сил как следует почистить.

Он смотрел на меня так пристально, что я вся сжалась от мысли, что этот человек может со мной о чем-нибудь заговорить (например, о том, какого черта я катаюсь на этом его автобусе взад-вперед) и нужно будет ему что-то отвечать.

Но он ничего не сказал мне, он отвел взгляд и закурил. Он вообще больше не смотрел на меня — пока мы не тронулись.

Но когда по дороге в Самару я приоткрыла глаза, чтобы взглянуть на уже уходящие в сумрак дачи, то увидела, что водитель находит меня взглядом, и странное чувство, что он отвечает за меня, пришло ко мне. Это чувство не было долгим, но оно появлялось всякий раз, когда я ощущала на себе его беглый взгляд.

Я пришла в общежитие и долго согревалась под горячим душем, а потом, надев теплый лыжный костюм, залезла на кровать под одеяло. В комнате горел свет, толкался какой-то народ, но мне было все равно. Я видела перед собой яблоки, теплые красные яблоки висели на старых яблонях, и сыпались с веток, и падали, вместе с дождем, с белого неба. Ощущение, что мне тепло именно от этих яблок, не оставляло меня.

Прошли годы. Я давно закончила институт, у меня большая практика.

И когда к моей душе прислоняется другая, мерзнувшая душа, все чаще я думаю о том, что не вправе быть для другого человека красным яблоком или даже целым яблочным садом. Мне кажется, что гораздо важнее быть проводником, — как тот водитель, который вел свой автобус мимо садов и не задал ни одного лишнего вопроса.

Татьяна Гоголевич — врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Живет в Тольятти. Имеет несколько десятков публикаций стихов и прозы в периодике и литературных сборниках Тольятти, Самары, Москвы. В 2004 году выпустила книгу стихов «Алые яблоки». В «Уральском следопыте» публикуется впервые.

Виктор КОЗЛОВ

Виктор Козлов — горный инженер, ветеран нефтеразведки, живет в Мегионе на севере Тюменской области. В последнее время он опубликовал несколько книг стихов и прозы, вступил в СП России, получил литературную премию губернатора ХМАО.

* * *

Удивившись, надо уходить:
что за жизнь потом —
без удивленья?..

...Уходя,
хочу оставить нить
удивительному поколению.

* * *

Я — хороший,
но об этом знала
только мама... Жаль, что никому
из людей про сына не сказала...
...Может, скажет Богу самому?!

* * *

Вдали от милого порога
трястись мне вдоволь довелось
по пьяным северным дорогам,
тайгу секущим вкривь и вкось;
пилось и елось понемногу,
но так, как дома, не спалось...

* * *

Простую истину одну
я понял пацаном в войну:
хлеб,
спички,
соль и
мыло —
основой жизни было.

А жизнь тогда была крута.
Но ведь была и доброта...
Да! Доброта и Милость! —
вот жизнь и сохранилась.

Сейчас всё это вновь в цене.
А Милость с Добротой —
вдвойне...

Медсестра

Круглолица, брови светлой ниточкой,
под косынкой — рыжая коса.
Все вздыхают: «Ах ты, Нина-Ниночка!
Сказочная девица-краса!»

Как халат хрустит ее, в обтяжечку,
при наклоне... Как она шлепком
ставит нам уклоны нежно в «ляжечку»,
в «ягодичку»... Как она при том

улыбнется многообещающе,
ласково ладошкой проведет...
...И с улыбкой кто-то из товарищей
в мир иной под утро отойдет.

Шаги

В тайге отличная акустика,
когда мороз под пятьдесят.
Нога на снег едва опустится —
и словно скрипки зазвучат.

Смычки то разом заколышутся,
то запоют наперебой...
По всей земле, наверно, слышатся
шаги идущего тайгой.

Угодия зимы

Весна рождается на юге,
гуляет в средней полосе...
А здесь и в мае могут вьюги
свою продолжить карусель.

А им и есть где развернуться:
от наших северных снегов
меридианы даже гнутся,
и льды стоят у берегов!

Осенний парфюм

Глубокой осенью я слышу этот запах
в уреме — посреди черемух и осин.
Поспевший хмель гирляндами висит;
бордовая листва вся в дождевых
накрапах —
осенний дождь ходил на мягких
лапах

по ней всю ночь: бусил, бусил, бусил...

...Как сказки детства, сняты в полудреме
мне эти запахи осенние в уреме...

Разрядка

Брать ягоды — как будто гладить кошку:
уходят раздражение и злость.
Особенно — когда берешь морошку...
Походишь чуть, и — сердце унялось.

На мшанике — как девичьи веснушки...
Как брызги солнечные!..
Радость неба, глаз...
Янтарно светятся и — сами скачут в кружку —
чтобы набрали мы их про запас.

* * *

После мрака слепых непогод,
затяжных, ураганных и вьюжных,
совершается солнца восход
в облаках серебристо-жемчужных.

Серебристо-сиреневый день
занимается над Меггионом.
По снегам переливчатым — звень
впереключку с серебряным звоном.

Мир вокруг и прекрасен и нов:
воробей соловьино затенькал!
Сколько всюду жемчужных тонов!
Перламутровых сколько оттенков!..

Бахрама, канитель, кружева...
Блеск и трепет хрустальных подвесок...
...И моя в серебре! — голова.
И лишь голос — простужено-резок.

* * *

Мой племяш — лентяй и созерцатель.
Это состояние свое
называет наслаждением жизнью.
Он — акселерат.
И есть в нем схожесть
с выросшим у пня побегом поздним:
все вокруг готовятся к зимовке,
прячут золото, яхонты, рубины,
утепляют налитые почки;
он один —
зелеными ушами
шевелит, счастливый,
наблюдая, — что творится осенью в лесу...
Общее еще у них одно: сироты.

Вечный свидетель

В безлюдном месте соверша
безнравственный поступок,
все же
наказан будешь: ведь душа —
свидетель зорче,
чем прохожий...

БАРВИНОК Ганна.

(См. Кулиш А.М.)

БАРГЕР З.

(См. Баранцевич З.Ф.)

БАРДАКОВА Мария Михайловна (псевд. Марина), журналистка, мемуаристка.

Общ. деятельница. Сotr. в изд.: «Задуш. слово», «Дет. газетка», «Детство», «Отрочество», «Южн. зап.», «Журн. начинающих» (Кишинев), «Вера и жизнь» (Чернигов), «Одесск. листок», «Р. земля», «Отдых христианина», «Р. речь» и др. Авт. восп.: «В Петербурге 60-х годов прошлого столетия». — Рус. старина. 1914. Т.157. № 3. С.686-702; «Духов день 1862 года в Петербурге». — Рус. архив., 1911. Кн.3. Вып. 10. С.225-232; «Головино». — Рус. архив., 1915. Т.3. Вып.9\10. С.44-54; «Из воспоминаний о Царском Селе». — Рус. старина. 1911. Т.148. № 11. С.327-337; «Из семейной хроники минувшего века». — Ист. вестн. 1910. Т.122. № 10. С.184-206; «Памяти Татьяны Петровны Пассек (1810-1889)». — Рус. архив. 1914. Кн. 1. Вып. 3. С.389-398; «Пансион Е.П.Заливкиной. Фешенебельный пансион прошлого столетия». — Рус. старина. 1913. Т.156. № 10. С. 126-141; См. также ее очерки: «Журфиксы по средам». — Ист. вестн. 1913. № 10; «Гетманша Скоропадская». — Ист. вестн. 1911. № 8; «Петергофская дача № 2». — Ист. вестн. 1912. № 8; «Вильгельм II в Палестине». — Ист. вестн. 1915. № 6. О ней: Ист. вестн. 1914. № 5. С.758, 759.

Масанов; ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 108-109, 715-717; Ч. 2. № 3976, 4247; Т.5. Ч. 2. № 261. РНБ.

БАРДУКОВА Авдотья, поэтесса.

Сotr. «Друга юнош.»(1812). Ее стихи «На победу и славу русских» — в «Историч., статистич. и географич. журнале», 1814. Ч.2.

Слов. рус. писательниц; Венгеров.Источ.; Сл.

БАРЕР-ГУРЕВИЧ Фанни Яковлевна (псевд. Гуревич, Фанни), писательница.

Авт. кн.: «Девичье», рассказы (Одесса, 1912); «Женские профили: Новеллы». Одесса, 1919.

Масанов; РНБ.

БАРИНОВА Варвара Ивановна (псевд. Светлова, Е.И.), журналистка.

«Дневник писателя» (1909).

Масанов.

БАРКОВА-ЯДРИНЦЕВА Аделаида Федоровна (псевд. Адфебар), журналистка.

Сotr. сибирских изданий; возможно, жена журналиста и путешественника Н.М.Ядринцева (См. его воспом. «К моей автобиографии» — РМ, 1904, кн. 6; «Хронология событий моей жизни» — В кн.: «На сибирские темы» СПб.,1905).

Масанов; ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 4011-4012.

БАРКОВСКАЯ, переводчица.

Пер. «Мою юность» Ч.Кемдэна.
Венгеров. Сл.

БАРОВА

(См. Биргер, В.Н.)

(Продолжение на стр. 59)

Уральские наследники Наполеона...

Ещё из школьного курса истории мы хорошо помним те великие потрясения, которые испытала Франция в конце XVIII — начале XIX веков: Великая революция (1789), взятие Бастилии, установление Конвентом республиканской формы правления, а затем — якобинская диктатура, революционный террор и кровавый пир знаменитого изобретения доктора Ж. Гийотена, термидорианский контрреволюционный переворот (1794), правление Директории... И вновь — переворот (1799) и введение военной диктатуры первого консула и будущего императора Наполеона Бонапарта...

Но 1799 год был ознаменован и ещё одним событием — рождением франка, который сменил ливр и более двухсот лет являлся денежной единицей Франции, пока сам не стал жертвой единого евро.

В Европе в разное время название «франк» носили денежные знаки Бельгии, Люксембурга, Лихтенштейна, Монако и даже Албании. Сегодня здесь сохранился лишь швейцарский франк.

На африканском континенте позиции франка гораздо крепче, это название несут на себе валюты Бурунди, Гвинеи, Конго, Мадагаскара, Джибути, Мали, Руанды. А есть ещё и «франк КФА» (бывших африканских колоний), иначе — франк Африканского финансового сообщества, к которому принадлежат Бенин, Буркина-Фасо (бывшая Верхняя Вольты), Габон, Кот-д'Ивуар (бывший Берег Слоновой Кости), Камерун, Коморские острова, Нигер, Сенегал, Того, Чад, Центральноафриканская республика и др. Когда-то франк был разменной монетой Марокко.

Печатались франки для колоний Франции (ныне — бывших) в Африке (Алжир, Тунис, Экваториальная Африка и др.) и Индокитае, для заморских департаментов (Гваделупа, Гвиана, Мартиника, Реюньон) и заморской территории (острова Сен-Пьер и Микелон).

Денежная единица государства Вануату в Океании, как уже догадались читатели, сегодня тоже называется франк. А для французских владений в Тихом океане существует «франк КФП», или франк французских контор в Тихом океане (Новая Каледония, Французская Полинезия, острова Уоллис и Футуна).

Но вряд ли Наполеону или какому-либо друго-

му французу могло прийти в голову то, что однажды придумала группа «инициативных товарищей» в Уральских горах, а именно, — выпустить здесь в обращение денежные суррогаты и назвать их франками, естественно, — уральскими.

***

Развал экономики Советского Союза и резкое снижение товарной наполняемости советского рубля вызвало в конце 1980 — начале 1990 годов появление разнообразных денежных суррогатов во многих регионах страны (в основном, они эмитировались отдельными предприятиями и колхозами). Но и позднее, на уровне субъектов Российской Федерации, предпринимались аналогичные попытки.

Такие «частные деньги», или «денежные знаки необязательного обращения», особенно в начале 1990 годов, внесли определенный вклад в стабилизацию социально-экономической обстановки в отдельных республиках и областях. Но в то же время они воспринимались как символы власти местных руководителей, затрудняли интеграцию территорий в единое экономическое пространство страны, т.е., в некотором смысле, были плодом сепаратистских настроений и инструментом реализации этих замыслов.

Наиболее известны: чеки адресной социальной защиты и монетовидные жетоны Республики Татарстан, «немцовки» — потребительские казначейские билеты, они же — облигации Государственного займа Нижегородской области, «катановки» — платежное средство в счет погашения задолженности по выплате пенсий Республики Хакасия, товарные талоны Министерства финансов Республики Якутия-Саха...

Но вернёмся к «уральским франкам». Определённая информация об их появлении на свет и попытках внедрения уже публиковалась как периодическими изданиями, так и специальными выпусками для бонистов, в том числе «Всемирным коллекционером», «Таганским листком» и другими. Сегодня же читателям предоставляется возможность более подробно узнать историю возникновения и «нелёгкой» судьбы этой диковинной валюты.

Итак, по заказу екатеринбургского предприятия ТОО «Уральский рынок» и в соответствии с пись-

мом-разрешением государственного производственного объединения производства государственных знаков Министерства финансов СССР от 04.09.91 г. № 01/2а-106 на Пермской печатной фабрике «Гознак» были изготовлены товарно-расчетные чеки под экзотическим наименованием «уральские франки». Отпечатано было 1 миллион 930 тысяч штук номиналами 1, 5 10, 20, 50, 100, 500 и 1000 «уральских франков». Оплату печати банкнот в сумме чуть более 400 тысяч рублей осуществило совместное предприятие «Ист-Лайн» (г. Екатеринбург). В зависимости от различных курсов рубля, используемых в тот период, стоимость заказа колеблется в пределах от 100 тыс. до 700 тыс. долларов США.

Инициатива выпуска принадлежала группе молодых предпринимателей и общественных деятелей под руководством уральского бизнесмена и политика Антона Бакова. Цель мероприятия – использование в качестве ценных бумаг при расчетах в Уральском регионе. И, конечно, необходимо напомнить, что в то время широко пропагандировалась идея и уже предпринимались конкретные шаги по созданию так называемой «Уральской республики». А какая же республика без собственной валюты?!

Свидетельством межрегионального размаха и предполагаемого выхода новой республики за рамки Свердловской области являются портреты знаменитостей большого Урала на «уральских франках»: татарский князь Ибак-Ибрагим (на купюре ошибочно – Ибак), заводчик Никита Демидов, ученый-металлург П.П. Аносов (на купюре ошибочно инициалы – А.Б.), писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, композитор П.И. Чайковский, театральный деятель С.П. Дягилев, ученый-химик Д.И. Менделеев, художник М.Н. Нестеров, а также изображения архитектурных памятников Воткинска (Ижевска), Екатеринбурга, Златоуста, Перми, Тобольска, Тюмени, Уфы.

Предпринятые впоследствии областной прокуратурой попытки установить источники денежных средств, затраченных на оплату заказа, результатов не дали, так как

банковские и бухгалтерские документы были уничтожены еще в 1991–1992 годах.

Отпечатанные бланки в феврале 1992 года были доставлены из Перми в Екатеринбург на военно-транспортном вертолете и сданы на хранение в Ленинский филиал Свердловсоцбанка. В феврале 1993 года «уральские франки» по доверенности председателя совета директоров г-на Н. (погиб в марте 1993 г. в результате преступного посягательства) были получены сотрудником ТОО «Уральский рынок» г-ном Е. (в октябре того же года — погиб, и тоже — в результате преступного посягательства). Дальнейшее местонахождение «уральских франков» как бы выпало из поля зрения правоохранительных органов на несколько лет.

Вновь идея использования «уральских франков» в качестве товарно-денежных квитанций возродилась в конце 1996 года. Их предлагали частично использовать «для активизации финансового рынка и погашения задолженности областного бюджета по выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей». В этих же целях были отпечатаны т.н. «демидовки», товарные квитанции номиналом 122 тысячи 200 рублей, что равнялось размеру детского пособия за два месяца.

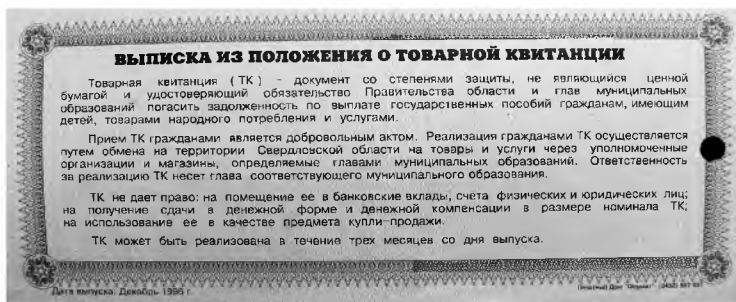
«Демидовки» в соответствии с постановлением Правительства Свердловской области от 10.12.96 г. № 1023-п были изготовлены печатным домом «Формат» (г. Екатеринбург). Они не являлись цен-

ными бумагами и удостоверяли обязательство правительства области и глав муниципальных образований погасить задолженность по выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей, товарами народного потребления и услугами. Этим же постановлением отменено предыдущее постановление областного правительства от 19.11.96 № 971-п, которым предполагалось выпустить расчетно-товарные чеки, которые имели бы аналогичные цели, функции и внешний вид. Однако на последних предполагалось наличие подписей председателя правительства А. Воробьева и директора департамента финансов В. Червякова. Не исключено, что имеются отпечатанные образцы и этих расчетно-товарных чеков.

Серьезная обеспокоенность Минфина и Центробанка РФ возможностью подрыва целостности финансово-денежной системы страны и принятые ими во избежание этого меры привели к тому, что и «демидовки», и «уральские франки» применения на областном уровне не нашли.

Но история «уральских франков» на этом не окончилась. В 1997 году они были выпущены в обращение на серовском ОАО «Металлургический завод имени А.К. Серова», где генеральным директором к тому времени был все тот же Антон Баков. Ими можно было расплачиваться в заводских магазинах, столовых и буфетах. В распоряжении дирекции оказалось больше половины тиража — 1 миллион штук, судьба остальных 930 тысяч штук автору неизвестна.

Приказом генерального директора завода от 22.07.97 г. № 212 был введен порядок обязательного питания работников промышленной площадки в сети цеховых столовых. Сначала в обращение были выпущены «чистые» банкноты, а затем, когда этим фактом заинтересовались органы прокуратуры, — часть тиража была промаркирована соответствующими надпе-

чатками: «Талоны на питание». Причем череда перерегистраций вокруг металлургического завода, напрямую связанная с так называемой «минимизацией» налогообложения, отразилась и на многострадальных купюрах. На них красуются отпечатки печатей и самого предприятия, и муниципального образования «Техноград Северный», и муниципального образования «Верхотурский уезд». Данные «талоны на питание» принимались в заводских столовых и магазинах из расчета 7 тысяч рублей (до деноминации) за купюру любого номинала. После деноминации, с учетом инфляционных процессов, стоимость талонов индексировалась до 10 и 12 рублей. Затем на купюрах появились отпечатки печатей отдельных цехов завода (например, «сортопрокатный», «крупносортный», «автотранспортный» и др.).

Известно, что более 500 тысяч штук «уральских франков» были изъяты и находились на хранении в прокуратуре г. Серова. Можно предположить, что сегодня их там намного меньше, т.к. на рынке коллекционеров появилось большое количество таких банкнот. Хотя, последние могут иметь происхождение и от вышеупомянутых 930 тысяч штук, пропавших «без вести».

Пользуясь случаем, хотелось бы высказать своё мнение по поводу некоторых надпечаток на «уральских франках», предлагаемых в последнее время российским бонистам.

Вызывают обоснованные сомнения и подозрения в подлинности «уральские франки» с печатями ГМП «Минор» Всероссийского общества инвалидов (г. Свердловск), поскольку достоверно

подтвердить факт использования указанной общественной организацией (ныне уже не существующей) каких-либо денежных суррогатов не представилось возможным.

Наличие же двцветных оттисков печати «Клуба коллекционеров г.Екатеринбурга» на «уральских франках» просто-напросто переводит последние в разряд достаточно красивых сувениров.

Ещё одно замечание в отношении «уральских франков — талонов на питание» Серовского металлургического завода. По имеющимся сведениям, в обращение выпускались лишь банкноты достоинством 1, 5, 10, 20 и 50 «франков», и пользовались ими многократно — до обветшания. Таким образом, появление банкнот высших номиналов с соответствующими надпечатками (либо целого комплекта из 8 купюр в прессовом состоянии) может свидетельствовать об их, мягко говоря, «кустарном» происхождении. Хотя и банкноты — настоящие, и печати, скорее всего, — подлинные. А превратить новенькую банкноту в мятую (б/у) — дело не хитрое и не долгое.

Сегодня на Серовском металлургическом заводе рабочие питаются в цеховых столовых уже не за «франки», а за отечественные рубли. Но на вредном и тяжелом производстве им, кроме того, выдают талоны на молоко, а в сортопрокатном цехе, — в дни, когда в производстве используются вредные для здоровья добавки, — ещё и талоны на питание. А так как заводские «умельцы» умудряются подделывать и сами талоны, и печати на них, — в последнее время на эти талоны помещают соответствующие голографические наклейки.

Номинал	Лицевая сторона	Оборотная сторона
1	Ибак — хан или князь сибирских татар. Настоящее имя Ибак-Ибрагим	Тюмень, коммерческое училище
5	Никита Демидов (Никита Демидович Антуфьев) (1656–1725), русский заводчик и землевладелец, родоначальник династии Демидовых, организатор строительства металлургических заводов на Урале	Невьянская башня
10	Аносов Павел Петрович (1799–1851), русский металлург	Златоуст, здание Арсенала
20	Мамин-Сибиряк (Мамин) Дмитрий Наркисович (1852–1912), русский писатель	Екатеринбург, дом инженера Ипатьева, где содержалась под арестом и была расстреляна семья Николая II Романова
50	Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский и советский живописец	Уфа, памятник архитектуры XIX в.
100	Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), русский ученый-химик	Тобольск, Кремль
500	Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), русский театральный и художественный деятель	Пермь, дом С.П. Дягилева
1000	Чайковский Петр Ильич (1840–1893), русский композитор	Воткинск, дом-музей П.И. Чайковского

Анастасия ЛОЖКИНА,
фото Сергея ЛИПИНА

На крыльях «Лучезарной птицы»

2 января 2006 года. Поздний вечер. Одиннадцать билетов до Миасса. Лыжи, рюкзаки, напутственные слова провожающих... Кто-то в суматохе подаёт кусок сала и пакет с мандаринами — мол, пригодится. Поезд тронулся. Мы с облегчением вздохнули: в ближайшие восемь дней будничной суматохи и городской кутерьмы не предвидится.

До нужного места нас лихо довез водитель «газельки», так же лихо высадил и скрылся с удивленными глазами. С этого момента лыжная «двойка» считалась открытой!

Утро 4-го января мы провели под присмотром лесника и его пожилой кобылки, запряженной в нечто, похожее на огромную плетёную корзину. «Конвой» сопровождал нас до самого КПП, окруженного со всех сторон заячьими тропами. На чай не остались — нас ждал Большой Шелом, высшая точка хребта Зигальга. В тех местах ходит легенда о многократных покорителях Зигальги, в семьях которых рождались исключительно мальчики. А ещё считается, что на вершины этого хребта совершать

восхождения труднее, чем на другие горы Южного Урала. Мы ненароком это подтвердили: не успели добраться даже до границы леса, как тяжелые тучи затянули небо, пошёл снег. Нам пришлось вернуться обратно в лагерь...

Рождество встречали уже в километре от деревни Тюлюк под Иремелем. После продолжительного дневного лыжного «забега» праздничная макаронная «каша» с чесноком при свечах пришлась как нельзя кстати. Оставшееся время посвятили поэме Есенина «Анна Снегина», гаданиям на картах (не топографических, а обычных, игральных), песням под «шестиструнную». А ровно в полночь раздался звон тюлюкских колоколов... Что ещё надо для счастья?

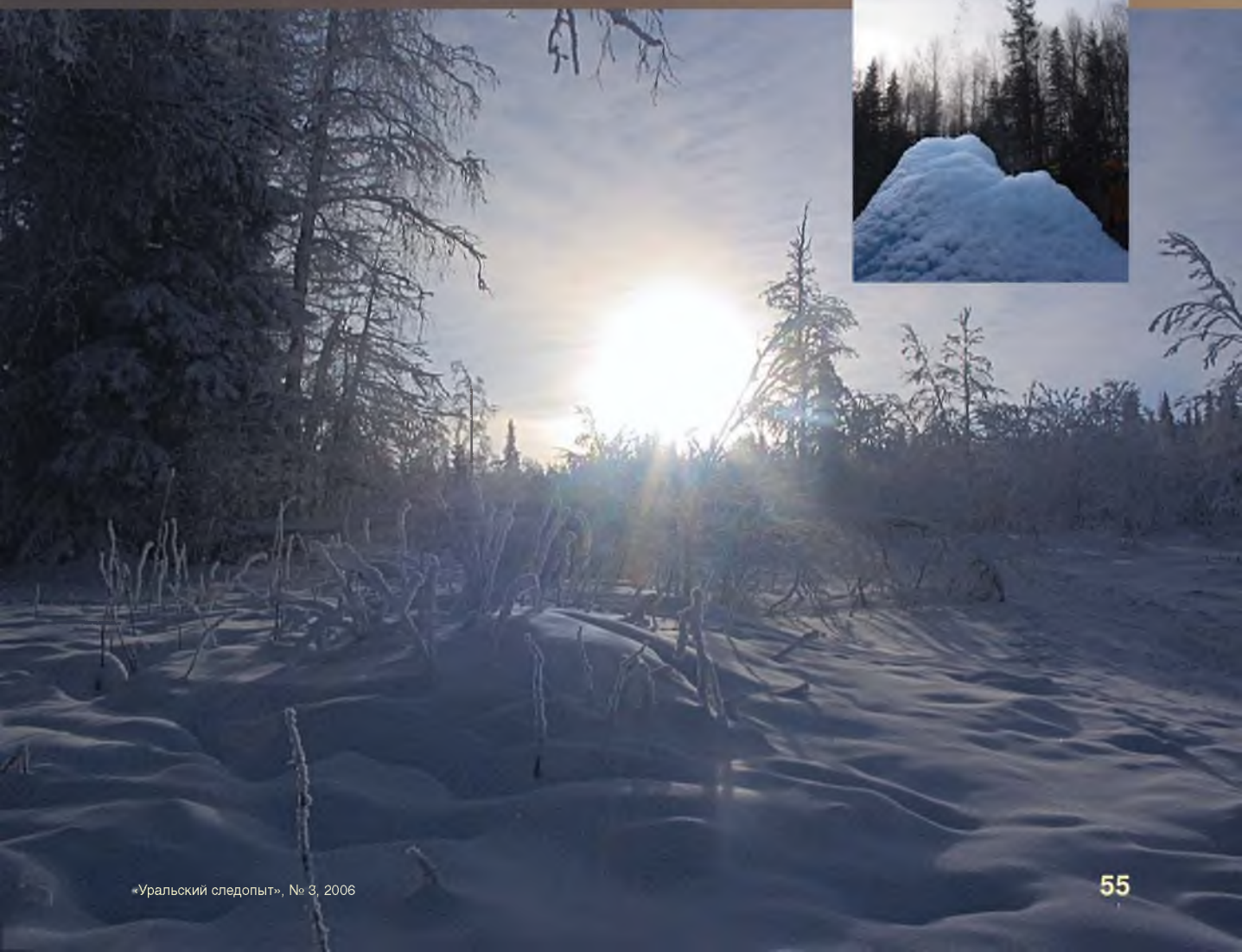

Седьмого января с утра мы вторглись в зимнее царство душистых пихт, величественных елей, сторожащих своих «жителей»: Человека (гора Большой Иремель), его Сына (Малый Иремель) и его Животных (Кабанчик, Жеребчик). Мы были чужими в том мире, поэтому не стали долго задерживаться на вершине «Священной Горы» (Иремель, башк.). Вечером у костра ещё долго делились своими впечатлениями.

В середине следующего дня выехали на р. Березяк. Извилистая, с участками наледи река привела нас к избушке, где в это время находились лесники. Ночевать пришлось неподалёку, в другой избе в 2–3 км от Березяка.

Последний ходовой день, 9 января. Температура воздуха -34°C — это рекордный минимум за все дни похода. Впереди тридцать с лишним километров. Очень быстро позавтракав, собрав рюкзаки, на счет «три» вылетели из избушки и направились напрямик к гнезду «Лучезарной птицы» — хребту Нургуш. Яркое холодное солнце, обледеневшие деревья, молчаливые вершины — это завораживающее зрелище никого не оставит равнодушным. Ещё таинственнее открылся вид с хребта Большая Сука (в переводе с башкирского «соха»), окутанного дрожащей тишиной, в которую не посмел вторгнуться даже ветер-проньера. Скованные морозом ёлочки скромно расступались перед нами в легком поклоне...

Сказка? Небылица? Едва ли. А даже если и так, то почему бы нам хотя бы изредка не переноситься в зимнее царство и на крыльях «Лучезарной птицы» не взмывать к «Священным Горам»?..

ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕМЛИ

Победитель фотоконкурса Татьяна Михайлова

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. Соответствие темам:

- Урал – горная страна
- Городской пейзаж
- Мы – уральцы
- Заповедные земли
- На грани...
- По следам предков

2. Предоставление информации о снимках:

- Условное название снимка, краткое пояснение
- Дата съёмки (если известно)

- Район, запечатлённый на снимке, если это важно

- Объект (если известно)
- Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- ФИО автора, почтовый адрес, контактный телефон
- Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

Не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив) или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате: * .jpg 3072 x 2048; * .tif 300dpi.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс, для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

Двойник великого старца

Забор с воротцами пляшет, как пьяный покровский мужик. А сам дом вроде уже наплясался и, устав, присел на один бок. Серые, точно пепел, сараюшечки взирают на мир пустыми глазами окон. И, глядя в них, кажется, можно окинуть взором всю Покровку.

И вдруг на крыльцо с топором в жилистой руке выходит... Распутин! Бывают всё-таки ужасики на белом свете.

С топором в руках стоял Виктор Фёдорович Пролубщикова. Пугающе-точная копия великого старца. Длинные полуседевые волосы, обрамляющие продолговатое, с крупным мясистым носом лицо. Усы и борода даже не клинышком, а клином. Бесовской силы взгляд. Тяжелая, цвета мешковины, собранная в поясе рубаха. И даже смазные сапоги «колом», какие некогда носили богатые люди, в том числе и известный всему миру старец. Но на полусгнившем крыльце всё-таки стоял не он, а его двойник.

В селе Покровском живет устойчивая легенда. Прабабушка Пролубщикова (звали её Дусей) «робила по дому» у Григория Распутина. Мыла-подметала полы, варила густые — ломом не проворотишь — щи и гречневую кашу-рассыпуху, короче говоря, работы было — не каждый осилит. Один только дом — в два этажа, большой огородец, всякая крупная и мелкая живность. А хозяин по женской части, всем известно, был не промах. И якобы возник у него с домработницей короткий, как вспышка молнии, роман. Дескать, отсюда и пошел росток — двойник. Но как бы там

ни было, а чуть позднее, дабы замаять грех, срочно подыскали Дусе справно жениха. Свадьба была шумной, недельной. Но в какой-то миг на ней нежданно-негаданно появился сам Григорий Ефимович. И пришел не с пустыми руками. Служки внесли в залу сплетенный из ивицы венский стул. Подарок по тем временам шикарный. Сейчас он красуется на видном месте в музее. Однажды заявившиеся сюда венгры в один голос заявили: «Нашей работы кресло!» — и даже начали прицениваться.

А тогда на свадьбе Григорий Ефимович вроде бы сказал жениху: «Будет убывать мужская сила, сядешь в это кресло — и она воскреснет!» С тех пор всяк, входящий в музей, старается плюхнуться на лечебное сиденье.

Виктор Фёдорович родился пятьдесят пять лет назад в том самом пятистеннике, в котором живет и поныне. Стояли жестокие крещенские морозы. Фельдшерицу в такой колотун позвать не рискнули. Управились своими силами.

Сейчас родовая комната забита картошкой, капустой и луком. Сам же хозяин вопреки законам логики обитает на кухне, замусоренной, заставленной ведрами и посудой с уже музейной давности обедками. Потолок «забеременел», прогнулся. Печь развалилась, от всего тянет пугающей нежитью. Жены давно нет. Дети разлетелись.

В этот ветхий дом туристы приходят с обязательной бутылочкой. Смочишь горло — беседа потечет оживленнее. Вот и сейчас хозяин дома приносит три — чистые, видать, только для гостей — ромашки.

— А третью-то зачем? — спрашиваю, намекая, что третий гость — водитель и ему сотенку километров пилить до Тюмени.

— Бог любит троицу! — хозяин возносит поучающий палец к потолку. И первые наши рюмки не соприкасаются, ибо они — «за упокой души Григория Ефимовича». Все движения двойника Распутина отработаны, продуманы до мелочей. И чувствуется, наша встреча тоже имеет регламент.

— Хороший человек был! — устремив взгляд куда-то вдаль, восхищается Пролубщиков своим двойником. — В Покровское наезжал два раза в год. В народе так и говорили: «Распутин наехал!» И сразу начинался праздник. Григорий Ефимович тут же отсылал в лавку записку: отпустить народу то-то и то-то. Денег бегункам не давал. Знал: пропьют, черти! Последние годы он к спиртному не прикасался. А всех курильщиков презрительно называл табаккурами...

Хозяин вздыхает новую стопку:

— За наше с вами здоровье! — и вскоре глубоко затягивается трескучей, как порох, дешевенькой «Примой».

За его спиной — неудачное поступление в институт и удачное — в культпросветучилище. В разное время работал то заведующим постановочной частью, то директором Дома культуры. От «культуры» не откачнулся и сейчас. Недавно написал десятиминутный сценарий о своем земляке.

— Проснулся ночью от потока идей, а карандаша под рукой нет. Исписал углем всю печку...

От этих радующих душу писаний отдачи — круглый ноль. И потому сбывает Виктор Фёдорович на печально известном Сибирском тракте то картошку, то капусту, а то и хрен. А так раза два в месяц сши-

бает человек «сотнешку» с зараженных любопытством туристов. Приезжают «заморские гости», и Пролубщиков спешно облачается в «распутинскую амуницию», позирует перед разных стран камерами. То выходит на свое весьма красное крылечко с топором, то мелко крошит им дрова.

Чаще всего навещают Покровское немецкие туристы. Однажды позировал им на берегу реки у костра. Слушают они местного байкаря и говорят: «В вашей истории сам черт ногу сломает!».

Было дело, как снег на голову свалились чернокожие красавцы из «Бони М». Помните их песню: «Вай, вай, Распутин...»? Она родилась в Покровском, потрясённом невиданного цвета лицами из чужой страны. Нередко наезжают в знаменитое село корреспонденты. Когда появился очерк в журнале «Родина», нежданно-негаданно отыскался Даниэль Распутин, внук Григория Ефимовича. Известно, что дочь старца, Матрёна, выйдя замуж за белого офицера, оказалась в Лос-Анджелесе. Долгие годы была она укротительницей диких зверей. Отец взглядом останавливал летящую по тракту тройку, дочь таким же суровым взглядом завораживала тигров.

А вот сыну Дмитрию выпала судьба оказаться в тундровом посёлке Харп. Там его и похоронили ненцы в мерзлой земле по своему обычаю.

— Ну, на посошок! — снова вздыхает рюмашку Пролубщиков. Дело явно клонится к расставанию. Впереди остаются лишь две рюмки — «стременная» и «забугорная». Крепкий мужик! Такого и литрой не успокоить.

Мы поговорим ещё вот о чём...

В Лондоне стоит музей мифического Шерлока Холмса. Там вовсю сбывают пестрые кепки с двумя козырьками, трубки с профилем носатого сыщика,

даже визитные карточки якобы с его автографом. Парижу одни открытки с изображением «элегантной» Эйфелевой башни приносят, наверное, миллионы франков. Даже маленький испанский Фигерас кует на имени Сальвадора Дали бешеные деньги... Село Покровское тонет в беспросветной грязи. У поворота глаза ищут и не могут найти хотя бы какой-то намёк на то, что ты на родине Распутина. Дом старца ещё в красные времена порушили — крышу увезли аж в Казахстан. Слишком уж мозолил объект глаза иностранцам. Созданный энтузиастами музейчик постоянно закрыт. Несколько лет назад поступала сюда водка «Распутин» (местные говорили: «Выпьём земляка!»), разбирали бутылки на сувениры, теперь осталась только горчица с тем же названием. Не умеем как следует подать свою историю, заработать на своем исконно-посконном. Фантазии, говорят, хватает, но ведь нужны и вложения...

«Забугорную» я пить не стал, — слишком тяжела была ноша. И тогда двойник Распутина повел мою сторону свой хитрый бесовской взгляд:

— Демонстрацию всего сказанного и сказанного не оплатите?

— Сколько? — поинтересовался я.

— Ну, хотя бы сотнешку...

Он быстрым жестом окрестил нашу машину, прочитал какую-то скомканную молитву. И мы покатали. Дорога до дома была гладкой.

BARCOVA E., переводчица

Пер. «Историю спаги» П.Лоти. М., 1911 (Собр. соч. т. XII); Вместе с В.Ореховой (см.) — «Врач на распустье. Обращение капитана Брессбоунда» Б.Шю. М., 1911 (Собр. соч. т. IX).

BARSKAYA V., переводчица.

Пер. с нем «Градива: Фантастическое приключение в Помпее». Одесса, 1912.

BARСУКОВА Зинаида Николаевна, авт. духовно-биогр. брошюр.

«Просветитель сибирских стран Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский». СПб., 1901; «Святой Иннокентий, первый Иркутский епископ». СПб., 1905. Венгеров. Источ.; РНБ.

BARСУКОВА M.

Пер. 2-ю часть «Чудесного путешествия на гусях» С.Лагерлеф (1-ю ч. пер. А.Койранский). М., 1909-10 (полн. собр. соч. тт. 4-5).

Основн. произв.

BART Надежда, поэтесса.

Слуш. высших женских курсов, авт. стихотв., посв. памяти Ф.М.Достоевского («Новое Время», 1881). Ее стихотв. «Цветы и бабочки» вместе с рассказом Корнелия Квашнина издано ред. журн. «Родник». СПб., 1888.

Венгеров, Сл.; РНБ.

BARTENEVA Александра

Авт. «Краткого историч. очерка мер, принимавшихся против раскола, преимущественно в новейшее время» \ \ «Странник». 1861. Июнь.

Слов. рус. писательниц.

BARTENEVA Анна Николаевна

Авт. сб. «Поздравительные и различные стихи для детей на русском, французском и немецком языках». (М., 1877).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

BARTENEVA B.H.

Авт. ком. «Щебетунья-ласточка». М., 1899.

Венгеров. Источ.; РНБ.

BARTENEVA Екатерина Григорьевна (урожд. Броневская; псевд. Прокофьева, Мария и др.; 1843 — 1914), писательница, переводчица.

Деятельница общественного движения. Печ. в «Новостях» (1889. № 193 — Е.Г. и др.); в «Сев. вестн.» (1890. № 10) — «Новые материалы для биографии Ф.Лассаля»; м.б. в «Рус. бог.» (1890. № 2 — Екатерина Б.); в «Нов. слове», 1896, март; «Рус. бог.», 1893. № 5, 8. Авт. восп. «Евгения Ивановна Конради (Из воспоминаний старой знакомой)». — Женское дело. 1899. № 1. С. 24-38. Авт. статей: «Крупный успех французских женщин в деле журналистики» и «Несколько слов о «Воскресении» графа Л.Н.Толстого». — «Женское дело», 1900. № 5. Некролог Б. — «Ист. Вестн.». 1914. № 10. С. 339-340;

Масанов; Венгеров, Источ.; ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1778.

BARTENEVA Татьяна Петровна, авт. воспоминаний.

Оставила воспоминания о скульпторе А.С.Голубкиной \ \ А.С.Голубкина. М., 1983. С. 227-230.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2040.

(Продолжение на стр. 65)

Елена МИНАКОВА,
фото Сергея КИСЕЛЕВА

МАЛЕНЬКИЕ НОВЕЛЛЫ О СЕВЕРЕ

В начале 1990-х фотохудожник, а по своей натуре — неутомимый следопыт Сергей Киселев сделал несколько кадров на пристани в Березово. К прогулке тогда располагал теплый северный день (благо, которое начинаешь ценить только в суровых, мало приспособленных для комфортной жизни условиях). Сергей ожидал прибытия пассажирского метеора на подводных крыльях. В ту пору он только осваивал профессию фотокорреспондента: работал в профсоюзной газете «Позиция», колесил по «северам» с коллегой Сергеем Пахотиным. Оба Сергея в тот раз направлялись в поселок Мужы в сторону Салехарда по полноводной Оби.

Зафиксированы мгновения бытия. Съёмочная камера отразила реальность с безупречной точностью. Честь ей, и фотографу и хвала. Но сегодня на

сделанные 15 лет назад фотографии смотришь, как на окошко в прошлое. Они очень простые: без ракурсов, без изысков, но, как ни странно, в них живут время, настроение и воздух. К тому же возникает целая цепочка ассоциаций...

Отпечатки тонированы. Их сложно повторить — рукотворная печать, химикаты, кажется, навсегда уступили место фотошопу. Хорошо это или плохо для чистого творчества, не берусь судить. И все же, все же... говорят, хороший хлеб замешивают только вручную, то же самое можно сказать по отношению к черно-белой фотографии — ручная печать, кажется, делала ее теплее.

Мистика: мы сегодня видим то, чего нет, что ушло с годами. Но скажите, так ли уж важны актуальность, временные данные? Исторический

Фотовернисаж

РЕКА ВРЕМЕНИ

смысл события, дата и географическая привязка, безусловно, имеют большое значение для восприятия. А отношение творца к происходящему все же важнее. Как тут не вспомнить слова выдающегося мастера фоторепортажа Анри Картье-Брессона, убеждавшего, что «факт сам по себе не интересен, а интересна точка зрения, с которой автор к нему подходит». «Точка зрения» фотографа Киселева не просто любопытна, она и сегодня дает пищу для далеко неспральных размышлений.

Жесткая поэтика Севера — в двух снимках и в двух словах: «Зал ожидания»... Лето зовет местных жителей дорогу. Но бескрайняя березовская тайга, так и хочется добавить: «Чужие здесь не ходят». Еще как забираются! Человек привык спорить с природой, к тому же с давних пор югорская глухомань обрела славу тюрьмы народов. В этот прелестный край гнуса и медведей ссылали начиная с XVIII века. Здесь жил и умер опальный князь, сподвижник Петра Великого, «птенец гнезда Петрова», Александр Данилович Меншиков. Вместе с сыном они вырубили из дерева церковь в дар городу — и хотя церковь сгорела, память продолжает жить в веках... А когда власть менялась — приходили герои своего времени. Декабристы учили аборигенов наукам. Немало политических деятелей революционной и советской поры подарил местным летописям свои автографы.

В жилах Севера течет кровь многих народов. Темноволосый солдат Советской армии едет в отпуск домой (или вообще отслужил), но тяжело склонилась голова солдата. Бабушка с внуком заняты багажом, но их лица — «зеркало души» — доброжелательны. Похоже, что автор снимков рассказал нам маленькую новеллу Севера. Поневоле ловишь себя на мысли, что сегодня столь чистые лица людей — большая редкость.

Идея фотографа оформлена графически четко в пейзаже. Кадр делят на части едва скошенный вниз горизонт и дорога к временному причалу. Возникает образ качелей, так что даже дух захватывает. Зрительский взгляд, тем не менее, фокусируется на человеке, который как бы несет на своих плечах тяжелое коромысло (бремя жизненных впечатлений?). Видно: соблюдены геометрические пропорции, кадр выстроен, хотя вряд ли автор пользовался рулеткой, измеряя пространство. Пейзаж, «подсмотренный» камерой — своего рода маленькая модель мира. И небо, и человек, и его дорога по мелководью сходятся в одной точке. Только почему-то от этой воссозданной фотохудожником перспективы на душе печально.

...Забавно наблюдать, как Сергей восстанавливает цепочку событий теперь уже в своей памяти. Гладит рукой карту края. «Та-а-ак... — рассуждает он сам с собой, — где Березово у нас?» Нашел. Что рядом? А рядом — ничего... Понятие «рядом» в северных широтах относительно: сотни километров разделяют крохотные города и поселочки друг от друга. Столь же «кривая» судьба у местечка Березово. Сначала возник острог, потом появился уездный центр Тобольского наместничества — город Березов, потом — село, и наконец — поселок городского типа. Сосьвинская селедка прославилась далеко за пределами края. Щекур, сырок, нельма и муксун живут, образно говоря, под пристальным вниманием местного рыбокомбината. Ходят и такие слухи: якобы сам господин Черномырдин приезжал в Березово на отстрел волков! Исполон веков тайга привлекала охотников за развлечениями,

но и кормила вдоволь, потому что здесь всегда было полно ягод, грибов и даже шишек. Здесь в прошлом веке забил первый фонтан тюменского газа.

Березовские «новеллы» дают понять, что время, оказывается, способно помянуть и наши представления о Севере!..

Первое знакомство с краем вечной стужи у Сергея состоялось в начале 1960-х. Тогда молодому рабочему Тюменскому геологоразведочного НИИ пришлось побывать и в Тарко-Сале, и в Салехарде — в тех углах, которые принято называть медвежьими. Фотограф рассказывает: «Я захватил еще то время, когда в Нижневартовске стояли одни черные избы. Никакой полярной романтики, никто не смотрел на Север широко раскрытыми глазами. Тогда как раз начиналось разведочное бурение, организовывались геологические экспедиции. Далеко не сразу началась эпоха добычи нефти в промышленных масштабах. Было это 40 лет назад — ужас, сколько я живу на свете!..»

Держа в руках свои старые (но не состарившиеся!) снимки, Сергей невесело замечает: «То, что осталось на фотографиях, все ушло: жизнь-то меняется. Уверен: и берег уже не тот, и поселок не тот, и речной вокзал... Сохранились одни воспоминания. Помню: светило солнышко и дул прохладный ветер».

Нина АКИФЬЕВА

ДОЧЬ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

С.В. Строганова

Софья Владимировна Строганова — владелица уральских металлургических предприятий и крупнейшей в России Пермской латифундии, кавалерственная дама ордена Святой Екатерины, подруга императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра I). Она родилась в семье князя Владимира Борисовича Голицына и княгини Натальи Петровны, урожденной графини Чернышевой. Наталья Петровна — прообраз знаменитой пушкинской «Пиковой дамы» — женщина-легенда, прожила на свете почти сто лет и пережила шесть царствований. Софья Владимировна была ее любимой дочерью. В молодости княжна часто путешествовала с матерью, жила в европейских странах, где и получила разностороннее светское образование. По свидетельству современника, Софья Владимировна «по своей простоте и необыкновенным качествам ума и сердца, а также верному пониманию блага отечества являлась идеалом чисто русской женщины».

Воспитание повлияло на выбор избранника. В 1794 году молодая княжна вышла замуж за графа П.А. Строганова. Павел Александрович был личностью заметной. В революционном Париже молодой аристократ проникся либеральными идеями и был известен под именем графа Очера*. После возвращения в Россию он сблизился с наследником престола великим князем Александром

Павловичем и вошел в круг его ближайших друзей. Строганов участвовал в Отечественной войне 1812 года, в военных кампаниях против Франции, Швеции, Турции.

Софья Владимировна была счастлива в супружеской жизни, имела сына и четырех дочерей. Однако ей пришлось пережить страшную трагедию, когда единственный сын и наследник Александр, привлеченный отцом на военную службу, был убит в 1814 году в сражении под Краоном. В одной из строф VI главы «Евгения Онегина» (не вошедшей в окончательный текст романа) А.С. Пушкин воспел Строганова и его единственного сына, погибшего почти на глазах у отца.

Не оставил поэт без внимания и великосветский скандал 1829 года: побег дочери Софьи Владимировны — Ольги с графом Ферзенем. Побег, вызвавший гнев царя и окончившийся военным судом и наказанием участников, послужил сюжетом повести «Метель».

Эти факты дают некоторое представление о незаурядности графини Строгановой, но характеризуют лишь светскую сторону ее жизни. Нам же интереснее другая (менее известная) грань деятельности Софьи Владимировны — административно-хозяйственная.

Громадным имением Строгановых в Пермской губернии Софья Владимировна единолично управляла почти двадцать восемь лет. Вот как писал о ней бывший крепостной, а потом историк-краевед И.В. Вологдин: «Женщина необыкновенного ума,

* См. Игорь Непеин. Жизнь гражданина Очера // Уральский следопыт, 1987, №3. С. 50—55.

Виже Лебрен. С. В. Строганова

соединенного с широким образованием и любвеобильным сердцем, она ставила выше всего благосостояние своих крепостных людей, являя в то же время в высшей степени замечательные административные и хозяйственные способности». Важнейшей обязанностью своих управляющих она считала «больше всего заботиться о благосостоянии вверенных им крепостных людей и уже затем о доходах с имения».

Софья Владимировна сумела сформировать передовую во всех отношениях вотчину. Именно ей принадлежал почин создания первого в России лесного хозяйства, основанного на рациональных научных принципах. В ее имении работали лучшие в России, а возможно, и в мире специалисты — это форстмейстер Екатеринбургского горного округа И.И. Шульц (под его руководством в заводском поселке Билимбае была заложена дичкой сосны роща «Могилница», сохранившаяся до наших дней как природный памятник); А.Е. Теплоухов, получивший высшее образование в Королевско-Саксонской Тарандской лесной академии; его сын и преемник Ф.А. Теплоухов; лесничие Н.Г. Агеев, Ф.В. Гилев и многие другие специалисты. День 2 апреля 1841 года, когда С.В. Строгановой было подписано распоряжение об учреждении лесного отделения в своем имении, с полным правом может считаться датой, с которой в нашей стране началось «правильное лесное хозяйство».

В то время, когда в России большинство имений представляли собой феодально-крепостнические хозяйства с соответствующим уровнем взаимоотношений, в ее име-

нии существовали: трудовое законодательство, судебный устав, взаимное страхование от огня, страхование скота, крестьянская «ссудная касса», благоустроенные школы и госпитали. «...И что замечательно, — писал тот же И.В. Вологдин, — графиня сумела достигнуть таких результатов без пособия немцев-управителей: вся [...] администрация ее имения состояла [...] из местных (крепостных. — Авт.)..., которые получали образование в ее собственных школах в Петербурге и селе Маринском». Наиболее одаренные посылались за счет графини в иностранные университеты и академии, хотя такая политика имела и определенные границы: детей низших служащих, считала она, «едва ли следует вытягивать высшим образованием из семейного круга, — для воспитания их достаточны местные училища; исключение из этого правила может быть допущено лишь для детей, выходящих из ряда по своим способностям».

Взаимоотношения с подданными внутри Строгановского имения разительно отличались от уклада большинства крепостных хозяйств Российской империи. Считая, что главные доходы ее крестьян должны происходить от земли, она «переводит оброчную подать с ревизских душ на землю и стремится к тому, чтобы оброк с земли не был отяготителен». При этом учитывалось не только количество, но и качество земли, которая делилась на три разряда — лучшую, среднюю и худшую. Оброк с лучшей земли был выше, чем со средней, а за землю среднего качества платили больше, чем за худшую. Интересны предложения графини об устройстве в своем имении примерных хозяйств и ферм, которые были призваны показать крестьянам, «как следует вести хозяйство, и распространять среди них наиболее полезные растения» (опять цитируем Вологодина).

Правовые акты, разработанные при непосредственном участии Софьи Владимировны в начале XIX века, интересны и сегодня. И не только историкам. Много любопытного откроют для себя экономисты, юристы и законодатели. В Строгановском имении право на пенсию было не только у служащих и мастеровых, пенсионное пособие могли заслужить и не имеющие земельного надела крестьяне. А ведь в России тех лет государственной пенсионной системы вообще не существовало, да и ведомственные пенсионные кассы появились позднее, а крестьяне (колхозники) пенсионное обеспечение получили вообще только в 1964 году!

В имении графини пенсионное пособие

крепостные могли заслужить за определенный срок беспорочной службы, а «кто за службу приобрел уже пенсию, тот пользуется ею и тогда, когда снова вступит на службу по имению Ее Сиятельства, а кончив сию вторую службу, не лишается права просить той пенсии, которая [...] будет следовать ему за вторую выслугу лет». Время отпуска на срок менее четырех месяцев, а также дни болезни, продолжавшиеся не более шести месяцев, не исключались из выслуги лет. Выходящим же в отставку по причине болезни или увечья, полученного на службе, назначалась пенсия: «прослужившие от 10 до 15 лет 1/4 оклада, прослужившие от 15 до 20 лет 1/2 оклада, от 20 до 25 лет 3/4 оклада, прослужившие до 30 лет и более — полный оклад своего жалования». Вдовы и дети служащих имели право на пенсию их отца. Дети получали пенсию: «мужской пол до 16 лет, а женский до 18 лет или по выходу в замужество; имеющие же какие-либо телесные недостатки и болезни, получают пенсию по день смерти».

Мастеровые, оказавшие важную пользу заводам и промыслам, при увольнении также получали пенсию «соразмерно своих заслуг». Заводские строители, механики, уставщики, плотинные мастера, промысловые трубные мастера, судовые строители, получающие окладные жалования, имели такое же право на пенсию, как и дворовые. Срок выхода на пенсию для работающих на «горячих» и горных работах составлял 50 лет, «а все прочие мастеровые и промысловые должны продолжать (работать. — Авт.) до 55 лет возраста; по истечении сего срока, способные по силам определяются в какие-либо караулы, а дряхлые или увечные освобождаются от всяких господских занятий. Мастеровые и рабочие, достигшие преклонных лет и не могущие исправлять никакие заводские работы, получают хлебную выдачу [...]; не имеющие же детей и не могущие снискать себе пропитание причисляются к богадельням»*.

Труды и заботы графини Софьи Владимировны не пропали даром. «Вступив в управление имением, обремененным долгами, она привела его, после многих лет неусыпного труда, в блестящее состояние, во всех отношениях», — писал другой пермский краевед, Ф.А. Волегов. Умерла Софья Владимировна Строганова в 1845 году в Санкт-Петербурге. Похоронена в фамильной усыпальнице на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

* См.: О праве на пенсию // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 97-105.

БАРТОЛЬД Мария Алексеевна (— 1928), переводчица.

Жена востоковеда В.В.Бартольда. Живя с мужем на Востоке, изучила иранский язык и помогала мужу в изучении восточных обычаев, т.к. имела доступ туда, куда мужчинам вход запрещен — на женскую половину дома. Была не только самоотверженной помощницей мужу, но и его ангелом-хранителем. (См. Шилейко В.: Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и др. материалы. М., 2003).

БАРУЗИНА Варвара Матвеевна (1862—1941), авт. воспоминаний.

Живописец, племянница художника и педагога П.П.Чистякова. Авт. «Воспоминаний (о П.П.Чистякове)». — В кн.: Чистяков П.П. Письма... М., 1953. С. 484-493. ИДРДВ. Т.З. Ч.З. № 6359.

БАРШЕВА Мария Сергеевна (1873 —), дет. писательница.

Род. в Белеве Тульской обл. Окончила гимназию и пед. курсы. Написала ряд книг для детей из деревенской жизни: «В сторожке. Рассказ для детей». М., 1916; «Книга про Леньку» (1925); «Катюшка советская» (1926); «Из-за репки» (1927); «На ярмарке» (1928) и др. Составила несколько сборников для внеклассного чтения по географии. Наприм.: «Земной шар: (Нач. свед.)». М.-Л., 1930 (в соавт. с С.Дмитриевым); «Полярное море». М., 1931 (в соавт. с И.Бобиной и С.Дмитриевым); «Рассказы о жарких странах». М., 1930; «Рассказы о холодных странах». М., 1931 (те же соавт.) и др.

Дет. писатели; РНБ.

БАРШЕВСКАЯ Л.В., педагог.

См. сб. «Что читать народу», Вып. 2. СПб., 1889 (Л.Б.) Масанов.

БАРЫКОВА Анна Павловна (урожд. Каменская, в первом браке Карпинская; 1839 — 1893), поэтесса, переводчица.

Род. в СПб., в дворян. семье. Дочь прозаика и драматурга П.П.Каменского и писательницы М.Ф.Каменской (см). Воспитывалась в Екатерининском ин-те. Уже тогда писала сатиры на классных дам. Участвовала в народовольч. движении. Первый ее сб. «Стихотворения» — вышел в 1878 в Пятигорске (2-е изд. в М., 1910). В 70-х гг сотр. в «Сев. вестн.», «Рус. бог-ве», «Деле». Авт. ком. «Неудачница», а также кн. «Дождевая волшебница и др. сказки А. Барыковой, Брута, Вильденбраха и др.». М., 1905. В стихах Б. и в т.ч. наиболее крупном произведении — поэме «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» (1923, вышло неск. изд. в т.ч. в Лондоне, Берлине, Женеве) сочетается патетика и сатира на русское самодержавие. Перев. на русский язык произведения В.Гюго, И.-В.Гете, Гейне, П.Б.Шелли, Г.Лонгфелло, П.-Ж.Беранже и др., следуя в выборе авторов своим демократическим симпатиям. Посмертно вышли «Стихотворения и прозаич. произведения А.П.Барыковой». СПб., 1897. О ней: Ефремин А. А.П.Барыкова. М., 1934 (опубл. «Автобиография» Б. и восп. о ней дочери).

Русские писатели; КЛЭ; Слов. рус. писательниц; Венгров. Сл., Источ.; Масанов; Голдин.

БАРЫКОВА Мария Сергеевна (1875 —), авт. воспоминаний.

Дочь писательницы А.П.Барыковой (см.). Ее воспоминания опубл. в кн. А.Ефремина А.П.Барыкова, М., 1934. ИДРДВ. Т.З. Ч.4. № 6867.

(Продолжение на стр. 71)

Последний аккорд Валерия Бириха

1988-й год. Свердловск — Екатеринбург. Цыганский поселок на Широкой Речке. Ансамбль джазового гитариста, аранжировщика, композитора Валерия Бириха играл на свадьбе дочери «цыганского барона». В перерыве Валерий, глядя на разрисованный под шатер потолок коттеджа, попросил одну из цыганок погадать ему, как водится: что было, что есть и что будет. «Бойся автомобиля, дорогой», — глядя в глаза потрясенному гитаристу, молвила гадалка. Это была судьба. Вскоре Валерий Бирих трагически погибнет в автомобильной катастрофе в 38 лет. Как тут не вспомнить песню Высоцкого «О фатальных датах и цифрах»!

В его жизни было много такого, что удивляет, поражает, мистифицирует.

В ранней молодости он окончил монтажный техникум по специальности «сантехнические устройства». «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?»

Был из плеяды физиков-лириков. Где в 60-х годах «готовили» джазовых и эстрадных музыкантов? В технических вузах! Вспомните Георгия Гараняна, Алексея Козлова, Майю Кристалинскую, Марию Пахоменко. Призрак бродил по Советскому Союзу, призрак джаза. Пришедшая к нам в годы «оттепели» западная музыка все активнее внедрялась в жизнь. Взять кинематограф («Девушка с гитарой», «Дайте жалобную книгу», «Два билета на дневной сеанс») или оперетту («О, милый друг», «Полоса препятствий»). Нашим звездам эстрады аккомпанировали ансамбли и оркестры, которыми руководили лауреаты всесоюзных и международных джазовых фестивалей В. Куль, Э. Шварц, А. Кролл. В фирме грамзаписи «Мелодия» трудился одноименный ансамбль под управлением Г. Гараняна. Вот и чуткая душа Валерия Бириха, вбирая в себя терпкие гармонии и ритмы джаза, потянулась к гитаре. Поначалу он играл в популярных коллективах того времени: «Гренада», «Лица друзей», эстрадно-симфоническом оркестре ДКЖ.

— С Валерой я познакомился в группе «ЭВИА-66», — вспоминает лауреат телевизионных конкурсов, заслуженный артист России Валерий Топорков. — Затем пел с малым составом, который он руководил. География гастролей была самая разнообразная: Свердловская и Тюменская области, включая Ямбург за Полярным кругом. В экстремальных условиях, несмотря ни на какие трудности, Бирих всегда находился в творческой форме. Он был хороший, техничный гитарист. В инструментальном составе все музыканты на него равнялись, прислушивались к той динамике аккомпанемента, тем краскам, которые он извлекал из гитары.

На джазовом фестивале

Словом, Бирих мог стать украшением любого вокально-инструментального ансамбля. Но он выбрал более трудную стезю — джаз. Его ансамбль «Гамма» впервые ярко заявил о себе на открытии джаз-клуба в столице Среднего Урала осенью 71-го. Корифеи этого жанра Олег Рудин, Владимир Пресняков, Владимир Чекасин заметили молодого музыканта и стали приглашать на джем-сейшн — совместное музицирование. В репертуаре «Гаммы» появились оригинальные композиции лидера группы в стилях «би-боп», «мейнстрим», джаз-рок, фьюжн, блюз. В них было тяготение к образности, необычной гармонии, лирике и экспрессии. Одни названия чего стоили: «По улицам сожженного города», «Первый весенний дождь»... Бирихом двигала не эклектика, а умение и желание играть разное.

На одном из концертов

– С Валерием я работал в Амурской филармонии в Благовещенске, – говорит артист Уральского академического филармонического оркестра Вячеслав Щенников. – Мы объехали весь Дальний Восток, Сахалин, БАМ, участвовали в джазовом фестивале в Хабаровске. Это было здорово. Валера проявил себя как яркий гитарист и аранжировщик. Рядом с ним музыканты росли как грибы. Сейчас я играю, в основном, классическую музыку в симфоническом оркестре и легкую – в театре мюзикомедии. Приходится играть соло, применяя джазовую манеру. Так что свинговая школа, которую прошел в юности с Валерой, очень мне пригодилась.

Итак, «Гамма» стала восьмым коллективом в Союзе, которому было разрешено играть джаз по решению компетентной комиссии, возглавляемой известным джазоведом Аркадием Петровым. Однако джаз – музыка избранных, а план по зрителю надо было выполнять. Бирих, связавшись с опытным московским администратором, пригласил для участия в своих концертах Градского, Рудина (пан Гималайский из «Кабачка 13 стульев») и

Метелкина (Валерка из «Неуловимых мстителей»). Публика охотно шла на «звезд», а заодно впитывала в себя крепкое вино джаза. Став коллективом Росконцерта, «Гамма» дала более 200 выступлений по городам страны.

Помимо чисто джазовой музыки Валерий Бирих участвовал и в других, не менее интересных проектах. В 70-е годы в детском теле- и радиовещании стремительно завоевывали популярность эстрадные ансамбли. И неудивительно. Современные ритмы, интересные аранжировки, любимые подростками электрогитары притягивали, как магнит. Кто не помнит зажигательных «Бременских музыкантов» Геннадия Гладкова! Буквально с молоком матери впитывали юные телезрители песню «Спят усталые игрушки» в сопровождении джаз-ансамбля солистов оркестра кинематографии... Свердловск старался не отставать от столиц. «Пятью пять», «Музыкальный городок», «Теледискотека», «Веселая почта», «Орбита» – так назывались программы СГТРК, музыку к которым записывал джаз-ансамбль под управлением Валерия Бириха.

– Инициатором цикла «Музыкальная азбука» была редактор Нина Фомина, – рассказывает заслуженный работник культуры России, музыковед Валерий Куцанов. – Каждую пятницу в течение пятнадцати минут по новой, релятивной методике велись уроки сольфеджио. Занимательные по форме, они были интересны не только детям, но и педагогам детских садов, общеобразовательных школ. Мне хотелось, чтобы песни в «Музыкальной азбуке» звучали именно в сопровождении эстрадного ансамбля. Бирих делал аранжировки песен, а исполняли их учащиеся первой музыкальной школы столицы Среднего Урала. Этот процесс был интересен как взрослым музыкантам, так и ребятам. Тем более, что тогда в Свердловском музыкальном училище имени Чайковского открылось отделение «Музыкальное искусство эстрады», и Валерий, будучи студентом первого набора, стал преподавать электрогитару. Случай беспрецедентный! Первый выпуск составил 7 человек, среди них был и он сам. Многие джазовые гитаристы, которые сегодня уже могут считать себя ветеранами, учились у него.

Бирих плодотворно сотрудничал с СГТРК. Это был для него, как и для многих музыкантов, еще один кусок хлеба. В конце 70-х здесь была записана телевизионная версия спектакля «Маленький принц» в исполнении самодеятельных актеров драматической студии «Современник» Дома культуры УГТУ–УПИ, музыку к которой сочинил Валерий.

До самого рокового дня Валерий продолжал активно творить. Наибольший успех и признание принесли ему джазовые фестивали 70–80-х годов в Свердловске, Донецке, Новосибирске, Кустанае, лауреатом которых он неоднократно становился. О нем пишут статьи в польских и чешских журналах. Однажды его фото поместили рядом с портретом Эллы Фитцджеральд. Каким-то образом записи «Гаммы» попадают на «Голос Америки». Бирих становится популярной личностью.

Он был очень русским по натуре, несмотря на свою фамилию. И ничто человеческое ему не было чуждо. Валерий Бирих... Последняя песня, последний аккорд...

Автор благодарит за представленные архивные фотоматериалы Елену Бирих, Валентина Морозова и Аркадия Балакина.

Владимир ПУРОНЕН

Мы продолжаем публикацию очерков нашего петербургского автора Владимира Пуронена. Начало см. в «Уральском следопыте» 2003 № 1—8, 10—11; 2004 № 4; 2005 № 1

С монетой не в кармане, а на груди

Пуговицы со свастикой

Монеты — это прежде всего деньги. Их главное назначение — быть средством обращения. И средством накопления сокровищ — тоже: клады монет прятали в землю и другие места с незапамятных времен вплоть до начала вашего столетия. Однако только этим использование монет не ограничивалось.

Часто монеты становились украшениями. Их нашивали на головные уборы и одежду, носили на шее поодиночке и в составе тяжелых (до двух и более кг!) ожерелий самых различных типов. Более того, украшения из металлических денег уже давно стали обязательной частью многих национальных костюмов в Европе, Азии и Африке. Известное слово «монисто» — это не что иное, как бусы или ожерелье, составленное из монет. А медальон? Первоначально так называли многократные «ауреусы» — высокопробные золотые римские монеты, затем — любые другие особенно красивые римские, греческие (эллинистические) и византийские монеты, использовавшиеся как украшения. Между прочим, от этих самых медальонов произошло название современных медалей.

В Казахстане серебряные полтинники в виде пуговиц можно было встретить еще в начале 80-х годов прошлого века. Однажды автору довелось встретить немолодую казашку, у которой пуговицами на повседневном пальто служили... марки Третьего рейха — с орлами и свастикой. Вероятно, кто-то из близких ей людей во время Великой Отечественной побывал в Германии и привез на родину горсть трофейных монет...

Уже в раннем средневековье европейские ювелиры изготавливали украшения в виде небольших золотых дисков с отчеканенными на них изображениями монет. Такие «монеты» часто имели ушко тонкой работы для ношения их на цепочке или шнурке. Разумеется, носить подобные украшения могли лишь богатые и знатные люди. Постепенно такие цепочки, а иногда и настоящие цепи с медальонами сами стали символами знатности или высокого общественного положения.

Появились специальные дарственные монеты, которыми правители тех или иных государств награждали своих поданных. Многие из них в точности повторяли изображение, надписи и пробу ходячей монеты, но могли отличаться от нее формой, толщиной или более высоким, чем обычно, номиналом. Для лиц знатного происхождения, например, че-

Итальянская медаль Изотта Атти

Монета царя Митридата II
(256—190 гг. до н. э.)

Монета города Сиракузы
(V—IV вв. до н. э.; аверс и реверс)

канились золотые оттиски талеров. Представители низших сословий могли получить серебряные оттиски золотых монет. Нередко дарственные монеты выпускались в связи с каким-либо конкретным событием: приход к власти, коронация, свадьба, рождение или совершеннолетие наследника и т.д. К таким монетам часто приделывали ушко для ношения на цепочке. Примерно таким путем — монета — украшение — награда — и появились знакомые всем медали.

«Государево пожалованье»

Русские цари награждали за ратные подвиги или иные заслуги золотыми монетами. Эти награды — «государево пожалованье» — часто были зарубежного происхождения. Но есть сведения, что изредка такого рода награды чеканились в Москве по иностранным образцам. В оборот эти монеты не поступали, их нашивали на головные уборы или одежду и в таком виде носили как знак особого отличия.

Первые настоящие медали ввел в обиход Петр I. Вначале они предназначались для воинов, отличившихся в сражениях. Для солдат их чеканили из серебра, для офицеров — из золота. Как и деньги, эти медали изготавливались на монетных дворах. Часто серебряные медали по своей пробе, весу и размеру соответствовали серебряному рублю, да и внешне были на него очень похожи, за что и получили название «наградные рубли». Бывали случаи, когда целые полки солдат награждались и самыми настоящими рублями. Золотые медали соответствовали червонцам или были им кратными.

Слово «монета» появилось в России именно в петровские времена. На первых серебряных рублях и полтинах Петра I можно прочесть «Манета добрая» (правописание подлинника). В начале XVIII века за участие в особо важных сражениях солдаты и офицеры награждались специально отчеканенными рублями и червонцами, которые ничем не отличались от обычных денег — их можно было хранить как награду, но можно было пустить в оборот.

Бородовый знак

Суеверные люди издавна полагали, что если они имеют при себе изображение того или иного божества или святого, то вправе рассчитывать на его содействие. В средние века, да, откровенно говоря, и во времена более поздние, вплоть до сегодняшнего дня, амулетами служили и служат монеты с изображением Христа, Богородицы и различных святых. Особенно широкое распространение получили талеры XVI–XVII веков графов Мансфельдских с изображением Св. Георгия («георгталеры») и соответствующими изречениями. Этим монетам приписывали чудодейственную силу. Верили, что они охраняют своих владельцев в бою.

И в наши дни можно встретить модниц, которые

- И.Б. Гасс. Медаль в честь Г.Г. Орлова
- И.К. Гедлингер. Медаль в честь заслуг графа Остермана (avers и реверс)
- Т. Иванов. На возобновление Кремлевского дворца

- И. Шилов. Медаль в честь А.С. Строганова

Медальоны Ф. Толстого:

- На переход за Рейн.
- В память сдачи Браилова, Варны и других крепостей
- В память перехода через Балканы

носят на шею на цепочках белого или желтого металла отечественные монетки — копейки и пятакки, гривенники или полтиннички, на которых отчеканен все тот же Св. Георгий. Хотя большинство носят эти монетки не как амулеты, а как обыкновенные украшения.

А вот у меня на ладони странная медная монета. На одной стороне — герб и дата, двуглавый орел и цифры «1705» — все как и положено. Но вот на другой стороне... нос, борода и усы, а сверху надпись: «Деньги взяты». И никакого номинала.

Это вовсе не монета. Перед нами «бородовый знак» — народное название медной боны, служившей своеобразной квитанцией об уплате пошлины за право носить бороду. Петр I, остро нуждаясь в деньгах для ведения Северной войны, обложил пошлиной многие предметы повседневной жизни — бани, шапки, сапоги... И в том числе — бороды. Крестьяне в деревнях могли носить бороды бесплатно, но, въезжая в город, они должны были либо бриться, либо платить пошлину. Большинство предпочитали платить — ведь борода на Руси долгое время считалась знаком мужского достоинства. Эта пошлина была отменена лишь при Екатерине II в 1772 году.

Марки для бедных

А вот еще «монетка». На одной стороне номинал — «1 пфенниг», но на другой, вместо герба, шахматная доска. Это — пропуск в шахматный клуб, который должны были приобретать временные посетители; постоянные члены клуба проходили бесплатно.

С античных времен и до наших дней выпускалось и выпускается огромное количество монетообразных чеканных жетонов, служащих ордерами или квитанциями на оплату или получение чего-либо, опознавательными или контрольными знаками. Малоопытные коллекционеры часто путают их с монетами, хотя правильнее было бы называть их «марки» или «боны». Существовали, например, марки, дававшие право на получение обеда, хлеба, пива, топлива, гарантировавшие право прохода или проезда через мосты или городские ворота... Частично такие знаки раздавались вместо мелких денег

неимущим и назывались «марки для бедных».

К подобным маркам можно, наверное, отнести и «угольные печатки» — похожие на монеты знаки, служившие на уральских, сибирских и некоторых карельских заводах квитанциями на получение древесного угля. Эти печатки были в ходу примерно с первой половины XVIII века до конца XIX, хотя кое-где встречались и в первые годы XX века.

И в настоящее время существуют многочисленные марки, которые в отдельных случаях заменяют деньги. Таковы, например, фишки, используемые в игорных домах вместо наличных денег. Металлические боны желтого и белого металла, заменяющие разменную монету, были выпущены в свое время для советской угольной концессии на острове Шпицберген (принадлежит Норвегии).

Но, может быть, шпицбергенские боны следовало бы называть не «бонами», но «токенами»?

«Токенами» принято называть монеты частной чеканки, которые в большом количестве изготавливались из меди в XVII—XIX веках, в основном в британских колониях, хотя встречались и в метрополии. Чеканка медных монет обходилась английскому правительству сравнительно дорого, и их постоянно не хватало. Эту нехватку восполняли выпуски отдельных банков, купцов и промышленников. Принимаемые против них половинчатые меры особого успеха не имели. Окончательно токены запрещены в английских колониях в 1873 году.

Особые заменители денег — так называемые «лагерные деньги» — предназначались для обращения в лагерях военнопленных. Обычно их чеканили из дешевых металлов — цинка, железа и алюминия. Первые лагерные деньги появились во время англо-бурской войны, ведь именно англичанам принадлежит сомнительная честь изобретения концентрационных лагерей. Много лагерных денег выпускалось во время первой и второй мировых войн.

Специальные деньги выпускались и для гетто, организованных гитлеровцами для еврейского населения на территории Германии и оккупированных ею стран. Хорошо известны «монеты» из гетто в Лодзи и Терезине. Они остались памятниками бесчеловечной жестокости нацистов, которые с помощью этих денег дополнительно грабили еврейское население.

Монеты небывалой страны

А что нам известно о монете под названием «европино»? Отчеканена она из никеля. На аверсе — портрет генерала Эйзенхауэра и дата «1952» — в этом году генерал, командовавший в годы Второй мировой войны американскими войсками в Европе, был впервые избран президентом США. На реверсе — горящий факел с надписью — в переводе на русский — «свобода»; круговая легенда гласит: «Федеральная Европа». В обращении такой монеты нет и никогда не было. Это всего лишь сувенир, выпущенный ограниченным тиражом частными лицами и таким способом пропагандировавший в свое время идею создания общеевропейской валюты в рамках Европейского Экономического Сообщества. Что ж, эта пропаганда в конечном счете увенчалась успехом, и общеевропейская валюта появилась в 1999 году. Называется она евро.

Вот стодолларовая монета провинции Хатт Ривер. На одной стороне — портрет благообразного мужчины в обрамлении пшеничных колосов, его титул и имя — принц Леонард, внизу год чеканки — «1978». На другой стороне — корабль капитана Кука, под ним дата «1778—1978» и надпись — в переводе — «Гавайская экспедиция». По кругу надпись: «Хатт Ривер Провинция. Сто долларов». Если вы станете искать эту страну на карте мира, то лишь зря потратите время — ее там нет и никогда не было. Страны нет, а монета есть? Что же это — очередная фальшивка?

Нет, не фальшивка. В 1970 году, проживающий в штате Западная Австралия фермер Леонард Касли, поссорившись с правительством штата, объявил о своем отделении от Австралийского Союза и о создании независимой провинции Хатт Ривер — в границах собственных владений. Самого себя он первоначально назначил «главным администратором» провинции, а затем принцем новоявленного «княжества». С целью привлечения туристов создал собственный герб, флаг и гимн, выпустил «почтовые марки» и «монеты». Конечно, «доллары принца Леонарда» — всего-навсего сувениры, но любители курьезов охотно их приобретают.

Пример «принца Леонарда» оказался заразительным. В 1982 году другой предприимчивый австралиец объявил себя правителем столь же мифического «княжества Авраам». Впрочем, это не помешало ему выпустить небольшим тиражом вполне реальные монеты под названием «дукины».

Кто следующий?

БАРЫШНИКОВА Анна Куприянова (прозвище – Куприяниха; 1868 – 1954), сказочница.

Род. в семье крестьянина. В репертуаре Б. было более 100 сказок: волшебные сказки, сатирич. сказки о барах и полах, веселые сказки о животных. Исполнение Б. отличалось высоким мастерством, тонким юмором. В ее репертуаре выделяется сказка «Как немецкий генерал к партизанам в плен попал» (1949). «Сказки А.К.Барышниковой». Сб. сост. В.А.Тонков. Воронеж, 1939; «Сказки Куприянихи. Запись сказок. Статья о творчестве Куприянихи и коммент.» Воронеж, 1937.

КЛЭ.

БАРЫШНЯ В СЕРОМ.

В «Сборнике неперIODического» (Каменец-Подольск, 1911) напеч. ее «Маленький фельетон о еще меньшем происшествии».

Голубева.

БАРЯТИНСКАЯ кн. Елизавета Александровна (урожд. Чернышева гр.; 1826 —), авт. воспоминаний.

Статс-дама, жена В.И.Барятинского, ген.-адъютанта. «Весна и лето 1846-го года», воспом. — РГБ ОР. Ф.19. Разд.11, 66.39; «Дневник» — Там же, ф.330 (6\у), 2.26.

Восп. и дневн. (указ. имен).

БАРЯТИНСКАЯ кн. Елизавета Дмитриевна (урожд. Орбелиани), переводчица.

Жена фельдмаршала А.И.Барятинского. Пер. с англ. религ. соч. «Симфония, или Согласие на Новый завет» (Варшава, 1874, 1877, 1882).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БАРЯТИНСКАЯ Лидия Борисовна (урожд. Гюббенет, по сцене Яворская; псевд. Яворская, Л), переводчица.

Артистка. Переводила пьесы; сотр. во «Всемир. вестнике» (1905).

Масанов.

БАСАРГИНА.

(См. Блок, Л.Д.)

БАСАРГИНА Мария Захаровна, авт. воспоминаний.

Дочь нач. ст. Крутая Грязе-Царицынской ж.д. З.Е.Басаргина. «Мои воспом. о Горьком.» — «Алексей Максимович Горький, 1868-1936». Сталинград, 1936. С.49-52. ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1188.

БАСКАКОВА Елизавета Ивановна

(См. Огарева, Е.И.)

БАСКАКОВА Елизавета Федоровна (урожд. Каменская; в первом браке Мусина-Пушкина; 1731 — 1800), переводчица.

Венгеров. Источ.

БАСНИНА Софья Николаевна (1881 – 1956).

Из семьи иркут. и кяхтинских купцов. Дочь Н.В.Баснина, философа, историка, коллекционера. Методист по политпросветработе, сотрудница Гос. историч. музея.

Личн. арх. фонды. 3.

БАСОВА Е.М., переводчица.

Пер. с фр. кн. М.С.Скойтена «Воспитание женщины». Под ред. Н.Е.Румянцева, с предисл. А.П.Нечаева. СПб., 1911.

(Продолжение в следующем номере.)

Вот уже более 25 лет вопросами личной безопасности человека занимается Геннадий Семёнович Чеурин, почётный полярник, действительный член Географического общества России, руководитель центра экологического выживания и безопасности. Он уже знакомил нас с приёмами выживания в зимнем лесу¹. Сегодня мы продолжаем разговор на эту животрепещущую тему.

САМОСПАСЕНИЕ В ГОРОДЕ

У.С.: Геннадий Семёнович, как выживать в лесу, мы уже знаем. А в городе разве нет подобных опасностей?

Г.Ч.: Действительно, методика выживания на природе составляет менее 10% нашего курса. Главное — это выживание в мире социальных взаимоотношений, в городе. Наше ноу-хау, как уже заметили читатели — это выживание в лесу без специального снаряжения. Многие учат, как пользоваться экипировкой. Мы же исходим из того, что в реальной жизни, в реальной драматической ситуации человек, как правило, оказывается в лесу без всего. Незадачливые автолюбители, летом — грибники, ягодники... Но лес — стартовая тема. Перейдем к теме выживания в социуме. Это все техногенные, дорожно-транспортные ситуации, криминогенные и социальные взрывы. Подавляющее большинство всех чрезвычайных происшествий происходит именно в городе, привычной, казалось бы, среде обитания, в повседневной жизни.

¹ «У.С.» №№ 7, 12, 2005 г. и №№ 1, 2, 2006 г.

Вообще, неинформированность городского жителя сама по себе порождает у обитателя «каменных джунглей» тревогу, и сам он по этой причине становится источником тревоги для окружающих...

У.С.: Чтобы эту напряжённость снять, попробуем представить следующую ситуацию: поздним вечером человек поскользнулся, упал, а вокруг никого. Ночь. Нога сломана... Кстати, как самому определить степень полученной травмы — перелом или всё-таки вывих?

Г.Ч.: А почему мы сразу же предполагаем, что будет травма? Тысячи людей падают, но травмы получают единицы. Давайте изучим положительный опыт: даже если вы уже поскользнулись и падение неизбежно, можно упасть «правильно», то есть минимализировать возможные негативные последствия.

У.С.: Хотите сказать, и падать надо грамотно?

Г.Ч.: Именно так. Теряя равновесие, человек из последних сил пытается удержаться на ногах, а если уже летит на землю, пытается подставить руку. Для чего? Всего лишь с целью сохранения чистоты одежды. Дело, конечно, благое, но возможные последствия несоизмеримы — вы рискуете повредить и даже сломать руку!

У.С.: *Часто вспоминают пьяных, которые падают и не ушибаются.*

Г.Ч.: Грешно, конечно, брать поведение наших подвыпивших сограждан за образец, но в данном случае этот пример уместен: реакция у выпившего человека, как известно, заторможенная, и при падении он просто не успевает выставить руку. И этим спасается от травмы. Так вот, при потере равновесия рекомендуем просто расслабиться и спокойно, с перекатом упасть, как это проделывают на своих тренировках спортсмены...

У.С.: *Но всё-таки, если упали неудачно...*

Г.Ч.: Сразу сделаем оговорку: это вопрос из области профессиональной компетенции врача. Наша беседа может быть воспринята лишь как «учебно-медицинская». А проводить обучение по этим темам может лишь человек, имеющий высшее медицинское образование и, более того, медицинскую лицензию на преподавательскую деятельность. У меня же сертификация на преподавательскую деятельность в области личной и общественной безопасности. Так что мы можем рискнуть говорить только о темах, выходящих за рамки официальной медицины.

У.С.: *Хорошо, попробуем не вторгаться во врачебные «святыни». Но что-то же можно посоветовать?*

Г.Ч.: Обычно так: если не можешь идти, то лучше считай, что нога категорически сломана. Возможна сильная боль, от которой может наступить острый болевой шок, а в результате просто остановится сердце... Так вот, вы лежите и уже немного «примирились» с ситуацией и болью. Во-первых, надо осмотреться в поиске укрытия или помощи. Помните: движение — это жизнь. Если можно, надо поползти до ближайшего подъезда (где ещё нет домофона) и постучать в любую дверь. Если не откроют, то в подъезде всегда есть батарея отопления, значит, в тепле можно будет дожидаться утра... Если вам встретился прохожий, обращаясь к нему за помощью, помните, что вас могут принять за пьяного, и тогда помощи, скорее всего, не будет. Поэтому нужно суметь внятно объяснить суть просьбы, и обращение ваше должно начинаться с извиняющего слова. Ни в коем случае ни «Эй! Помоги мне!», а «Извините, пожалуйста, вы не можете помочь мне?» И прохожий сразу поймёт, что перед ним пострадавший. Нельзя требовать от людей помощи, надо её просить.

У.С.: *А если нет ни подъезда, ни прохожего, как быть тогда?*

Г.Ч.: Надо попытаться найти место наименее холодное (по сравнению со льдом или асфальтом).

У.С.: *А снег — менее холодное место, нежели укатанная дорога?*

Г.Ч.: Конечно.

У.С.: *Значит, на снегу можно пролежать до утра?*

Г.Ч.: Скажем так: это менее опасно, чем на льду или асфальте. Если удастся поползти до какой-нибудь доски, прилягте на неё здоровым боком, и прежде всего, бедром, местом, где кости ближе всего подходят к кожному покрову. Это нужно для того, чтобы не проморозить тазобедренный сустав, отчего потом могут возникнуть серьёзные последствия, которые аукнутся через много лет.

У.С.: *Но ведь и о других частях тела тоже надо помнить.*

Г.Ч.: Так же и под локоть должно быть что-то подложено. Нужно ещё помнить, что одежда под нами в течение четверти часа сминается, то есть утончается, и поэтому в случае длительного вынужденного лежания уже не является надёжной защитой от переохлаждения. Это на Севере коренные жители спят на шкурах, постелив их прямо на снег и даже лёд. Но в их распоряжении — шкуры оленя или белого медведя. Этот «номер» пройдёт только в таком случае.

А в городе, если в вашем распоряжении нет совсем ничего, можно подложить под тазобедренный сустав собственную ладонь. Руку вы, возможно, обморозите, но сустав убережёте.

У.С.: *«Обморозите» или «отморозите»?*

Г.Ч.: Можете и отморозить, и даже с тяжёлыми последствиями, но это будет всё же меньшее зло (в будущем), чем безнадежно повреждённый тазобедренный сустав...

У.С.: *А как не заснуть в такой ситуации?*

Г.Ч.: Приближение сонливости или бесчувственности к холоду — признак третьей стадии переохлаждения, наиболее опасной. Двигаться всё-таки надо. Даже «символическое» перекачивание с бока на бок уже спасение. Однако существует опасность, что, намеренно шевелясь, вы будете задевать поврежденную ногу (помните о возможном болевом шоке). Постарайтесь нездоровую ногу как-то зафиксировать. Если есть палка — привяжите её к ноге шарфом, брючным поясом. В крайнем случае, если под рукой совсем ничего нет, снимите рубашку — ваша теплозащита уменьшится ненамного, а польза будет большая. Если не нашлось палки, примотайте больную ногу к здоровой. Снимая рубашку, не

бойтесь переохладиться, ибо всякая деятельность в этом положении полезна и спасительна. Это особенно заметно, когда из рубашки изготавливают бахилы для защиты от замерзания нижних конечностей. И время при этом идёт быстрее, и сам пострадавший понимает, что осмысленно себе помогает...

У.С.: Вернёмся к рекомендациям на случай ещё более срочных проблем. Скажем, у вас разбит нос или бровь, льётся кровь. Что предпринять?

Г.Ч.: До девяноста процентов мелких травм для жизни человека неопасны, — организм «запрограммирован» на борьбу с ними. Но они же могут сказаться по прошествии времени. И не только через несколько лет. Например, утром спросонья обжег палец, посчитал пустяком, а потом сел за руль и попал в ДТП! Потому что не хватило энергии в критический момент удерживать руль, — поистергал на борьбу с «большим пальчиком» (!). Вот почему нужно говорить о помощи даже при таких незначительных травмах, тем более в нашем случае. Особенно важно помнить, что помощь, оказанная в первые 5–6 минут после происшествия, снижает возможные последствия на порядок!

У.С.: Но как можно требовать от врача такой скорости прибытия? Да и в аптеку сбегать не успеть. Тем более, в нашем случае, — на пустынной улице.

Г.Ч.: Как не согласиться? Конечно, если мобильник при себе, то грех не воспользоваться достижением цивилизации. Напоминаем: единый телефон спасения — 01.

У.С.: А если помощь задерживается?

Г.Ч.: Оказывается, вся аптечка — в самом человеке, она дана ему изначально. Я говорю о том, что медики нередко воспринимают в «штыки», как посягательство на профессиональную честь и даже смысл своего существования. А вот врачи медицины катастроф давно поняли, что на месте не всегда есть нужные лекарства...

Так вот, в период, когда в травмированном месте агонизирующие клетки ещё живут (а это происходит в те самые первые 5 минут), если в этот момент на рану наложить регенерационную маску, организм начнёт к этому месту подтягивать внутренние резервы, и последствия быстрее ликвидируются.

У.С.: Так что же всё-таки в этом случае нужно делать?

Г.Ч.: Рекомендации просты. Самое безобидное, стандартное — уринотерапия. Используемая в первые пять минут моча (попросту говоря, собственная моча) оказывает на рану раздражающее воздействие и ускоряет включение мобилизационных ресурсов организма. Но

это только в первые минуты, а уже через 15 минут применение урины может иметь отрицательные последствия. Если вы успеете принять меры в первую после получения травмы пятиминутку, кровотечение скоро остановится. Однако после этого всё равно нужно обратиться к врачу: он профессионал, он знает, что делать дальше.

У.С.: А может, сразу после травмы бежать в травмпункт?

Г.Ч.: Кто же откажется! Но вспомним, с чего начался наш разговор? Пострадавший один среди ночного города, и нога не работает. Действовать надо сразу! Одно дело, когда вы обращаетесь к врачу утром, уже залечив травму, другое дело — когда приходите с повреждением максимальной степени... Опять же, «семь раз отмерь»! Если уж вообразил себя эскулапом, не забывай, что главный принцип работы, — не навреди!

У.С.: Понятно. А что делать с поморозженными частями тела — носом, ушами, щеками? Прежде считалось, что их нужно оттирать снегом...

Г.Ч.: А ещё лучше спиртом? Именно так учат в некоторых «умных» книжках. Откровенно говоря, встретить бы того, кто первым эти рекомендации написал, и спросить, сам-то ими пользовался?

И то и другое резко увеличивает отток тепла от пораженного участка и в итоге значительно усугубляет воздействие холода. Положительный эффект, конечно, может наблюдаться от возможного притока крови к пораженному участку. Но, особо обращаю внимание, эффект отрицательный намного больше.

А растирать пораженное место нужно мехом или шерстью.

В заключение позвольте одно наблюдение: если вы очутились на ночной улице в одиночестве не для праздной прогулки, а исключительно по необходимости срочно помочь в чём-то близкому человеку, то, поверьте, вероятность «несветлого» события минимальна! По крайней мере, значительно меньше вероятность попадания в ДТП.

Но даже если вы и «попали», ваши творческие способности, обостренные деланием добра, вас опять же и выручат. Еще раз напоминаю главный принцип русского выживания: спасают не только и не столько снаряжение и знание, но, в первую очередь, смекалка.

У.С.: Спасибо. В следующем номере мы продолжим наш разговор. На сей раз в центре внимания будет восстановление после стресса, который мы благополучно пережили на пустынной улице. Как же наша русская традиционная культура отвечает на такие вопросы?

Валерий КОСТЮКОВ

Детство свердловского лабуха

Центр Свердловска, 1963–1965 годы.

«Исчезли сильные дворы», — пел Кальянов... Это про наш, у нас был как раз такой «сильный» двор.

Изначально он был просто большой. В нём стояли три сталинских дома, в которых почти все жильцы были офицерами из воинской части, штаб которой находился в городе, и членами их семей.

Благополучные семьи, в них — благовоспитанные дети, почти все посещавшие школу, находящуюся через дорогу.

Нас, парней-погодков, было человек пятнадцать. Но сильным наш двор стал благодаря вливанию в наш состав десятка приезжих, заселивших новый дом, построенный на месте снесённых деревянных хибарок частного сектора.

Это была первая в нашем микрорайоне «хрущевка», и появилась она по нынешним временам, да и по тогдашним, наверное, тоже, ну просто суперэкзотично.

В самом центре города Свердловска, в нашем дворе, была построена самая настоящая маленькая ЗОНА, точно такая, какие мы, не бывавшие на уральском севере, видели только в фильмах про концлагеря. С высокими сторожевыми вышками, на которых стояли автоматчики, с несколькими рядами заборов с колючей проволокой, с прожекторами, ну всё, как в кино. Утром привозили, а вечером увозили заключённых, которые строили жилой пятиэтажный дом.

Для пацанов эта стройка была сказочной страной Эльдорадо.

Мы, вежливые мальчики, неумоимо клянчили у солдат-охранников: «Дяденька, дайте, пожалуйста, патрончиков или чего-нибудь».

«Чего-нибудь» — это были стреляные автомат-

ные гильзы. У каждого из нас дома они хранились десятками. Особым шиком было хранить их в вышесказанных там же обоймах, а «высшим пилотажем» считалось иметь гильзы от пистолета, таких было несколько на весь двор.

После того, как двор был построен, его заселили теми, для кого в стране решалась тогда жилищная проблема. У нас во дворе появились жители бараков с окраин.

Дети новосёлов были нормальной советской шпаной. Они плохо учились в каких-то плохих других школах, умели и любили драться, хотя на этом их отличия от нас заканчивались. Научить нас «плохому» у них просто не получилось бы. Насчет покурить и поматериться или попить дешевого портвейна мы сами были не промах.

Все очень быстро перезнакомилась, хотя личной дружбы между приехавшими и старожилами я не припомню, но во дворе мы все были дружны. Летом целыми днями — футбол, зимой — хоккей, все было вместе, и не было ничего, даже отдалённо напоминающего антагонизм. Попрошайничая патроны на стройке, мы дружили с ребятами околопризывного возраста, у которых были уже совершенно другие интересы. Именно эти ребята сделали наш двор «сильным». По району ходили легенды о том, как они впятером «замочили» десятерых «ленинских», дали отпор целой банде «луначарских» и т.п. Ясно, что в большинстве своем это были просто слухи, но рождались они от реальных фактов. Причем наш двор действительно обходили стороной представители подросткового криминалитета из других районов. Вообще эта особенность подросткового быта того времени стоит того, чтобы посвятить ей отдельную повесть, но я расскажу в двух словах.

Я не знаю, как обстояло дело в отдалённых районах города, но там, где я жил, имело место

(Журнальный вариант. Печатается в сокращении)

следующее. В центре отчетливо выделялись громкие названия подростковых группировок. Произносились они с уважением, а ребята, которые с видом знатоков рассказывали об их деятельности, автоматически причислялись к лицам «вхожим», и эта «вхожесть» ставила их авторитет на завидную высоту.

Что это было? Банды? Конечно, нет. В самых ярких повествованиях о подростковых побоищах, в которых участвовали эти группы, не было ни убийств, ни поножовщины. И происходили ли эти битвы на самом деле? Не знаю. Я, как и все, слышал о многих, рассказывал, а вернее, пересказывал сам и много раз, но, проживая в самом центре этих событий, не видел ни одного наяву.

Мне самому довелось один раз участвовать в чем-то похожем, но вот как это выглядело в моем случае.

По двору прошел слух, что кого-то из наших кто-то где-то обидел и уже назначено время, когда мы, собравшись с силами и объединив союзников, должны выступить с отмщением, несколько дней все разговоры во дворе были только об этом.. И не только разговоры. Мы ходили в соседние дворы, к знакомым пацанам, и договаривались о помощи живой силой. Причем во всей этой суете постоянно фигурировали цифры об обещанной подмоге.

Приходили гонцы и сообщали, что оттуда-то придет десять «бойцов», из другого места — восемь, кто-то приведет четырнадцать человек... Наш двор напоминал штаб революционных повстанцев из приключенческого фильма. По предварительным подсчетам набиралось нас не меньше сотни, дома я десятки раз перед зеркалом надевал пальто, поднимал воротник и напяливал кепку на глаза. Втягивая голову в плечи и прищуривая глазами, делал противную рожу, стараясь походить на воображаемого хулигана.

В назначенные день и время никто из обещавших прийти и влиться в нашу «боевую дружину» не пришел. Не было даже постоянно отиравшихся во дворе доморощенных хулиганов.

Всемером, окруженные полутора десятками представителей десяти-двенадцатилетней мелюзги, мы стояли, ожидая неминуемого разгрома. Тем временем малолетние лазутчики сбегали на место предполагаемой битвы и принесли ошеломляющее известие. Во-первых, наших супротивников было еще меньше, а во-вторых, они готовы заключить мировую. Нас это вполне устраивало. Мы собрали банду, подготовились к выступлению — все по-настоящему, да еще и драться не надо. Тем более что никто из собравшихся «бойцов» ни в чем подобном не участвовал, и конечно, было боязно, хотя не настолько, чтобы заглушить решимость принимать во всем этом участие.

Вопрос, соглашаться на мирные переговоры или нет, не стоял. Мы, возбужденной толпой победителей, а при таком раскладе победителями были все, ринулись во двор, находящийся в квартале от нашего. По-видимому, выглядели мы достаточно грозно, потому что когда мы хлынули на спортплощадку, где в

ожидании братанья стояли бывшие недруги, вначале они кинулись бежать. Причем в их рядах мы сразу распознали нескольких одноклассников, которых окликнули по именам. Мы не кидались друг другу в объятия, как советские и американские солдаты из документальных фильмов о последних месяцах войны. Зато долго обменивались рукопожатиями, угощали и угощались сигаретами, курили, смачно сплевывая сквозь зубы, и, безусловно, все чувствовали себя самыми настоящими героями.

***

Почти все наши отцы служили в одной воинской части, все семьи во дворе знали друг друга и все друг про друга. Кто как учится, кто чем занимается и кто что купил. Причем именно это «кто что купил» давало определенные преимущества нам, отпрыскам. Хотя семьи военных в то время, без сомнений, можно было отнести к числу обеспеченных, жили, тем не менее, экономно, и выпросить у родителей что-нибудь для себя было проблемой. Впрочем, сейчас я уже понял, что этой проблеме столько лет, сколько самому понятию семья. И в этом моменте осведомленность о покупках во дворе была как нельзя более на руку подрастающему поколению.

В начале семидесятых магнитофон был роскошью, стоил дорого и имелся в редких семьях. Но вот появилась в продаже первая ласточка отечественной бытовой электротехники, магнитофон «Айдас» — дружеский вклад в копилку социалистических удобств братской Латвии. Он стоил девяносто рублей, целую мамину зарплату, но только половину папиной, и это делало перспективу покупки уже реальной. Причем проблема уговорить родителей решалась автоматически во всем дворе после покупки первого мага. Потому что отцы и матери в семьях, ещё не имевших этого электробытового чуда, говорили примерно следующее: «У Толика есть, а наш сын что, хуже?», и выделяли деньги на покупку. Так, благодаря родительской солидарности в нежелании «оказаться хуже» мы все стали обладателями новеньких «Айдасов».

За несколько месяцев до описываемых событий произошел разговор, содержание которого я до сих пор помню почти дословно. Мы сидели в беседе с моим соседом Вовкой В., болтали, и он вдруг спросил: «А ты про «Жуков» слышал?» — и, по выражению моего лица поняв, что нет, начал рассказывать. Это было первое, что я услышал про Биттлз.

— В Америке (для нас всё, что было «там, за границей», было тогда Америкой) сейчас есть такие музыканты, их называют «жуками», не знаю почему, мне так рассказывали. Они играют на электрических гитарах, наверное, на гавайских, у них длинные, как у женщин, волосы, они поют женскими голосами, и все просто с ума от них сходят. На их концертах не сидят, как у нас, а кричат, визжат и так балдеют, что падают в обморок и скорая помощь только успевает пачками отвезти их в больницу. Здорово, да?

Это было действительно интересно. О мире мы знали тогда из черно-белого телевизора, который работал с шести вечера примерно до десяти. По-

казывали новости, одну какую-нибудь передачу и художественный фильм, содержание которого на следующий день обсуждал весь город. Про заграницу было точно известно, что там с утра до вечера наводнения, забастовки и демонстрации, которые брандспойтами разгоняет полиция, но при этом там ужасно интересно. Все вещи, которые оттуда привозят — «офигенные», а машины просто фантастически красивые (мы уже посмотрели американский фильм «Это безумный, безумный, безумный мир»).

Музыка для нас делилась на «симфонию», которая музыкой вообще не считалась, и эстраду, которая была представлена десятком популярных тогда исполнителей, среди которых лучшим и самым популярным был Муслим Магомаев. Вот и всёшеньки.

Имея такой кругозор, представить то, что я услышал про «Жуков», было невозможно. Поэтому, когда в моем доме появился магнитофон, я помчался к одному своему знакомому, очень «продвинутому» во многих вопросах молодому человеку, дал ему два рубля (большие по тем временам деньги для школьника, на завтраки мне родители давали 10–15 копеек) и кассету, чтобы он записал для меня у своих друзей «Жуков». Я уже знал тогда, что ещё их называют битлами. Через пару дней я взял готовую запись, принес домой, поставил кассету на магнитофон и нажал кнопку. Просто не верилось, что сейчас я услышу то, от чего люди пачками падают в обморок, от чего даже далекий буржуазный мир, такой же страшный, как и интересный, такой искушенный во всяких дикостях, и то сходит с ума.

Раздался характерный скрежет иглы, опускаемой на пластинку. Я уже знал, что со скрипом иглу при записи ставят специально, чтобы было слышно, что записывают с диска (хотя с чего ещё можно было записать?). С первых звуков музыки я понял, что меня обманули. Я ожидал чего-то такого, по сравнению с чем самые душераздирающие визги и крики, которые могут издать человеческие связки — это колыбельная для младенца. Только так! Отчего еще люди могут падать в обморок целыми коллективами? А тут?! Звучала медленная, очень необычная песня, совершенно не похожая на все, что я слышал до этого. Необычным было всё: тембр голоса поющего, мелодия, звуки подыгрывающих инструментов. Экзотики добавляло исполнение на английском, но мне было ясно — терять сознание тут не с чего, помутнения рассудка у меня не наблюдается, и даже отдаленных признаков обморока, к которому я внутренне готовился, я не ощущал. Я добросовестно прослушал всю кассету, надеясь, что это какая-то ошибка и это только в начале, но песни менялись одна за одной: быстрые, медленные, всё было в том же духе. Расстроенный, я снял кассету, чтобы завтра отнести её обратно и потребовать перезаписать все по-честному. Так произошло моё первое знакомство с концертом «With the Beatles».

На следующий день я предъявил претензии. Мой приятель удивленно пожал плечами: «Может, ошибся», — но уже вече-

ром вернул запись со словами: «Тут битлы, но раз ты недоволен, я тебе бесплатно на другую сторону ещё один концерт записал». Так я стал обладателем полутора часов звучания Биттлз.

В доме тогда было всего две кассеты, те, которые давались при покупке магнитофона. Мы поделили их по справедливости, одну родителям, другую мне. На моей, теперь уже с битлами, мама очень тоненько, карандашом, чтоб не оскорблять моих меломанских чувств, подписала «гав-гав». Когда я обнаружил эту надпись и обратился к ней с вопросом, она ответила: «Твоя музыка нам непонятна, все песни на один лад, гав-гав, одним словом».

В течение месяца изо дня в день повторялось одно и то же. Я приходил из школы, включал магнитофон на полную ГРОМКОСТЬ и шел на кухню. Разогревал обед, ел, потом шел в комнату, переставлял кассету на другую сторону и начинал делать уроки, прерываясь для того, чтобы опять переставить кассету, и так до тех пор, пока не приходили с работы родичи.

Потом произошло то, что я помню очень отчетливо даже сейчас, спустя сорок лет. Может, этот момент был действительно очень ярким, может, мне так показалось, потому что в юности эмоции и впечатления сильнее, чем в зрелом возрасте, а вернее всего, тут имело место и то, и другое.

Как всегда, я поставил кассету и пошел на кухню. Раздался вступительный аккорд к песне «All I've got», и зазвучали первые такты. И вдруг... Я улетел, уплыл, уехал? Не знаю. Все эти слова не отображают и тысячной доли того, что я ощутил в тот момент. Это можно сравнить, наверное, с первым в жизни оргазмом, только это было где-то на другом, полярном всему чувственному конце шкалы моих эмоций. Первая любовь, вот с чем это сравнимо, и тут нет ни грамма преувеличения. Какое-то цунами восторга, заполонившее собой все закоулки моего «я!» Это был момент рождения настоящего битломана, именно настоящего, влюбленного в то, что создает предмет обожания, а не в то, что вокруг него происходит.

«Въехав» в Биттлз, я был по макушку влюблен именно в музыку. Я пил её маленькими глотками взахлеб, дышал ей, смакуя, да что там говорить! С того момента мир стал делиться для меня на две совершенно неравные части. Одна, огромная, заслоняющая собой всё видимое, слышимое и осязаемое пространство, это Биттлз, и другая — маленькая и никчемная — все остальное человечество.

Двор между тем стремительно набирал обороты повышения осведомленности в вопросах, касающихся зарубежной музыки. Эмбриональное состояние эрудиции в этой области было естественным для 10–12-летних подростков, а в описываемое время нам стукнуло по 14–15, скорлупа детства треснула, навсегда отвалилась, и мы, молодая поросль семидесятых, все с перпетуум мобиле в задницах, которые бесплатно выдаются природой в этом возрасте, кинулись познавать непознанное.

На наших кассетах появились «Манкиз» и, понятно, «Роллинги». Двор быстро поделился на почитателей «Биттлз» и «Роллинг Стоунз».

Я, переписывая и слушая всё, в споры на тему «кто лучше» не вступал. Мой юношеский максимализм был на порядок выше, чем у всех остальных, что выражалось в лозунге «Вначале Биттлз, потом — Биттлз, и после всего этого — только Биттлз». И, как потом выяснилось, зря. Потому что всех остальных я слушал, а «роллингов», узнав, что они главные конкуренты моих битлов, я вообще перестал записывать, и творчество великой группы прошло мимо меня, без ущерба для нее, чего нельзя сказать обо мне. Для меня стало очевидным, что отрицание творчества конкурентов Биттлз сделало дыру приличных размеров в кругозоре.

***

Будучи ярым битломаном, я не знал, как они выглядят, и вот как я стал обладателем первой фотографии своих кумиров.

Я сидел у своего друга Сани К., и между делом он спросил:

— Фотку битлов хочешь покажу?

Я потерял дар речи.

Он удивленно посмотрел на меня. Его отношение к предмету моего почитания было очень ровным. Он порылся в каких-то бумажках и положил на стол вырезку из чешского журнала «Мелодия». Я очень долго с благоговением рассматривал своих богов. Попросить это сокровище? Если сейчас я попросил бы, чтоб он подарил мне свою Тойоту, это было бы более уместно, чем тогда попросить ту фотографию. Вздохнув, я хотел положить её на стол, но уронил на ковер. При этом я так испугался, что даже не решился поднять ее. Саня внимательно посмотрел на меня и, покачив головой, сказал: «Если ты так к этому относишься, то забирай, она тебе точно нужнее». Не буду описывать, с каким чувством я шел домой, потому что это будет перечисление всех эпитетов, характеризующих счастье, в алфавитном порядке.

Я уже писал, как на руку нам, пацанам, было родительское нежелание оказаться хуже соседей в вопросах покупок своим чадам. В моду, а мы уже стали ей интересоваться, вошли клёши, или клеша, как мы говорили. Купить в магазинах их было нельзя. Магазины были советские, а советский магазин одежды и мода — понятия, имеющие между собой мало общего. Модные портки тогда «валяли» только в ателье. То, что прикрывало собой нижнюю часть тела «прикинутого» молодого человека середины семидесятых в Свердловске, выглядело так. Верхняя часть бедер была затянута, насколько это возможно, широким поясом, минимум, на трёх пуговицах, максимум, на скольких разрешат родители в семьях, где их мнение было решающим. В обтяжку было всё до колена, дальше шла расклешь. В самом низу — чем шире, тем «круче», и, следовательно, чем строже родители, тем менее модным был сынок. По этим двум показателям — ширина пояса и штанины внизу — можно было определить, из какой семьи владелец клешей. Чем уверенней были сантиметровые показатели годных портков, тем благополучнее была семья владельца. Стоило только первому счастливицу полу-

чить из ателье описываемый атрибут одежды, как вопрос «оклешивания» остальных в нашем дворе стал лишь делом времени и решился довольно быстро. Двумя предметами, без которых тогдашний подросток не мыслил себе жизни, мы все уже обладали, но для полного счастья был совершенно необходим еще один. Гитара. В течение нескольких месяцев все или почти все в нашем дворе стали владельцами новеньких гитар, причем ни один инструмент не был куплен в сегодняшнем понимании этого слова. Гитара, как и многое другое, тогда была дефицитом, её нельзя было просто купить, её можно было только достать. Поэтому наши «предки», напрягшись каждый как мог, достали своим чадам этот венец подросткового набора, необходимого для счастья.

Я хорошо помню, как у меня появилась первая в моей жизни гитара. Всего у меня их было штук около сорока, и, напрягшись, я могу вспомнить каждую, но воспоминания о том, как появилась первая, свежи так, как будто это было все только вчера. В этот день отец, давно сдавшийся под напором моего марарфонского нытья, поехал в поселок около Белоярской атомной станции, достав себе пропуск по каким-то своим военным каналам, и из магазина, где было особое снабжение, привез новенькую семиструнную гитару, такую же, как у всех, за 7 рублей 50 копеек. Причем тогда, в 1967-м, трудящийся получал за эти деньги вполне приличный инструмент, он настраивался и даже строил по ладам.

Для меня эта покупка была сюрпризом, и это был один из самых удавшихся сюрпризов в мире и его обозримых окрестностях. Открыв двери и увидев отца с гитарой, я заорал, заплясал, завыл, в общем, восторги мои, я думаю, были слышны во всем дворе, причем, наверное со стороны было непонятно, радуется человек или принимает страшную смерть через распиливание на части тупой пилой. Отец молча наслаждался эффектом, причем это было только начало родительского шоу. Раздевшись, он уселся на диван и быстро настроил гитару. Это меня удивило. В доме был музыкальный инструмент — аккордеон «Хохнер», привезенный с фронта. Но то аккордеон, а тут — гитара!

Взяв несколько аккордов для пробы, отец уверенно, даже бойко запел:

*Деньги, деньги, всюду деньги,
Всюду деньги, господа.
А без денег жизнь плохая,
Не годится не куда.*

После чего, не дав мне опомниться от удивления, со словами: «Играй, сынок» — сунул мне гитару в руки. Но на этом чудеса не кончились. Молча внимавшая всему мама вдруг забрала у меня инструмент, тоже уселась на диван и выдала не менее уверенно и лихо, чем до этого отец:

*Давно сносились ленты,
забылись комплименты,
Остались алименты, плати, не унывай.
Крутись, крутись станочек,
а ты плати, дружочек,
Плати, не забывай!*

Это был полный кайф! Если бы я узнал, что мои родители получают Нобелевскую премию, удивился бы, конечно, сильно, но такого восторга, как то, что я увидел и услышал, это не вызвало бы. Это был выстрел в десятку! Тысячи бесценных житейских советов, которые они мне давали, моё воспитание, их родительская любовь, словом, все, что я получил от них за пятнадцать лет своей жизни, воспринималось мной как нечто само собой разумеющееся, а эти десять минут гитарного музицирования мгновенно подняли родительский авторитет на максимально возможную для взрослых высоту.

Итак, отец сказал: «Играй, сынок», и слова его оказались не предложением поиграть на гитаре, а указанием направления жизненного пути, первые сто метров которого были сделаны в направлении дома, где жил мой друг Лева Остэрн.

Он жил в том самом доме, который «изваяли» зэки, и был очень заметной личностью в нашем дворе. Приехав вместе с «плохими ребятами», он очень быстро и совершенно не стремясь к этому, завоевал авторитет в нашей среде. В нем было то, что было у них — отстоять «свое» кулаками, а попросту подраться, и то, что ценилось среди нас. Он был умный, эрудированный парень, разбирающийся во многих вопросах, и если в каком-то споре он соглашался с точкой зрения одного из спорящих, это почти автоматически считалось победой. Когда сильный человек начисто лишен внутренней агрессии, люди, что называется, тянутся к нему. Лева был именно таким человеком.

Кроме того, он был единственным в нашем дворе, кто умел играть на гитаре, причем каждому новому обладателю шедевра от фабрики Музтрест он давал урок, во время которого передавал начинающему весь без остатка запас своих знаний. Ко времени, о котором я веду повествование, гитары были уже у всех, а педагог был один, и музыкальная палитра гитаристов нашего двора в точности отображала то, что знал сам «маэстро», и ни нотой больше.

Мы все могли сыграть «шейковый квадрат», состоящий из трех мажорных аккордов, лирическую песню, начинающуюся словами «над рекой лениво наклонилась ива», и даже одно соло на басовых струнах. Это была басовая партия стиля буги-вуги, о чем мы тогда, конечно, не знали. Мы на-

зывали это соло по первым словам песенки, которая пелась на этот мотив и которая отображала детские представления о «сладкой» буржуазной жизни.

*Не ходите дети в школу,
пейте дети кока-колу,
и танцуйте на досуге
модный танец буги-вуги.*

Первый раз я услышал эту полевку в пионерлагере и сразу спросил у поющего: «А что, у них там в школу не ходят?»

— Ты чё, у них там капитализм, анархия. Все делают что хотят, а в школу ходят так же, как и на работу, когда кому вздумается.

— А что такое кока-кола? — продолжил я опрос.

— Ты чё, не знаешь? Да это вообще зашибись.

Спрашивать дальше я не решился, чтобы не показаться «полной деревней», хотя уверен, что если бы спросил, то вразумительного ответа не получил бы.

Ну вот, я уже вплотную подобрался к описанию самого значительного события моей жизни. С точки зрения биографии, конечно, были моменты важнее и гораздо серьезнее, но никогда ни до, ни после я не испытывал чего-нибудь, сравнимого с моментом, к описанию которого я подошел.

Как-то мы сбежали с уроков, что, кстати, было в нашей школе явлением не частым, и, поболтавшись по улицам, пошли к Лёве. Сидели у него, разглядывали гитару, которую кто-то принес для настройки, и вдруг он сказал:

— А давай сыграем в две гитары!

— Как это?

— Ну, ты будешь играть соло, а я ритм, или наоборот.

Мы взяли в руки гитары, — кстати, медиаторов мы тогда не имели, для исполнения единственной сольной партии, о которой я уже говорил, в руки просто бралась спичка, — и по команде «три-четыре» заиграли.

Когда в 1979 году в зале Свердловской государственной филармонии исполнялось произведение, полное название которого «Концерт для симфонического оркестра, трех электрогитар, рояля и ударных инструментов», и я, сидя в смокинге, исполнял партию одной из этих самых гитар, а аккомпанировали мне и моим коллегам по джаз-группе, как было написано в программе, семьдесят музыкантов не в чем-нибудь, а во фраках, клянусь, я не испытывал миллионной

доли того восторга, который ощущал, наяривая спичкой «Не ходите дети в школу» вместе слевой на двух семирублёвых гитарах.

Когда мы закончили играть, Лева выдал:

— Все ясно. Надо создавать ансамбль. Три гитары и ударник.

От сказанного голова пошла кругом. Посыпались вопросы, и на все у Левы были ответы.

— А где возьмем электрогитары?

— Сами сделаем.

— А барабаны?

— Когда будем играть на свадьбах и вечерах, вначале будем одалживать, потом заработаем и сами купим.

— А аппаратура?

— Достанем. Сделаем.

— А название?..

Обсуждение проекта вступило в самую эмоциональную фазу.

Кто-то сказал, что в каких-то школах есть ансамбли с названиями «Покорители прерий» и «Летающие джунгли». Было очевидно, что от них за километр прет дешевым понтом, нам хотелось чего-то скромного и одновременно красивого. Самым красивым словом на свете было Биттлз, но в русском языке не было ничего даже отдаленно напоминающего его. И вдруг Лева предложил: «А если по первым буквам фамилий? Я где-то слышал про ансамбль, название которого придумали именно так». И что, вы думаете, у нас получилось? КОТЛ! Костюков, Остэрн, Ткаченко, Лавруков. Надо было еще «З», и лучшего названия было не придумать. Левин генератор идей не подвел и тут. В нашем классе учился В. Заварзин. «Возьмем его, и будет у нас «З», научится играть на пианино, у битлов оно иногда звучит», — заявил он.

Итак, получалось КОТЛЗ. Это было то, что надо. Осталось только покорить мир, но это уже было делом техники.

Дальше началось распределение ролей в КОТЛЗах. Костя Ткаченко добровольно согласился стать ударником. С бас-гитарой было вообще ничего непонятно. Мы знали только, что на ней четыре струны, из названия ясно было, что они басовые, но о том, что и как на ней игралось, никто из нас не имел ни малейшего понятия. Лева и тут оказался на высоте. Эту малопривлекательную своей непонятностью роль он взял на себя, пообещав узнать у своего знакомого, отец которого играл в симфоническом оркестре, что это за штука, бас-гитара. А вот за право считаться соло-гитаристом разгорелась настоящая баталия, причем исключительно словесная — играли-то мы все одинаково и одно и то же. Моим соперником был Саня Лавруков, сейчас известный в городе хирург, доктор медицинских наук, ведущий специалист института травматологии. Но в споре за право быть солистом победил все-таки я, о чем, впрочем, никто впоследствии не пожалел.

Воодушевленный добытой в словесной битве почетной должностью, я пришел домой и взял в руки гитару. Вообще, начиная с того дня, когда она появи-

лась в доме, это было первое, что я делал, войдя в квартиру. Причем я выпускал её из рук, только когда меня прерывали ребята, заскочившие за чем-нибудь, или родители, пришедшие с работы. Ни обед, ни уроки, ничто другое не могло отвлечь меня от любимого занятия.

Настало время брать заоблачные высоты соло-гитаризма, положение обязывало, и откладывать штурм я не собирался. Дернув открытую басовую струну наугад, зажал её на пятом ладу и сразу понял, что покорение музыкального олимпа не за горами. Именно с этих двух нот начиналась «Аппача», в этом не было сомнений. Топот боевых коней, свист стрел и крики индейцев вы услышите в мелодии воинственного племени аппачи, так говорилось на концерте «Поющих гитар». И, совершенно случайно сыграв первую в своей жизни осознанную кварту, я понял, что, заслышав именно эти ноты, индейские кони начинают топтать копытами, а их краснокожие хозяева воинственно кричать и пулять стрелами по бледнолицым недругам.

Вообще в тот момент я наивно полагал, что испытываю то же чувство, что и чемпион мира по тяжелой атлетике, взявший самый большой в истории спорта вес, ведь в инструментальной музыке лучше «Аппачи» еще не придумали. О том, что в классической и джазовой музыке есть еще некоторое количество стоящих мелодий, я тогда не знал, да, впрочем, и знать не хотел. Наши познания о музыкальных жанрах в то время отлично характеризует такой вот разговор.

— А что, Лева, битлы это джаз или эстрада?

— Не знаю, давай рассуждать логически. Магомаев — это эстрада? Эстрада. Но битлы на Магомаева не похожи, причем совершенно. Значит, битлы — это джаз.

Вот так вот! Причем определить Биттлз в джаз было абсолютно не оскорбительно для них, ведь джаз был чем-то средним между запрещенным и разрешенным, а мы уже знали, что все запрещенное, как правило, оказывалось стоящим уважения. Правда? Нам было известно, что есть очень даже разрешенный джаз. Когда мы ходили в кино, перед фильмом всегда показывали киножурнал. Это был «Советский спорт», «Советский Урал» или еще что-нибудь советское. Причем, если показывали какую-нибудь ткацкую фабрику, на которой трудящиеся внедрили новое изобретение, позволяющее им за ту же зарплату выпускать вдвое больше продукции, или металлургический комбинат, где заработал новый прокатный стан, дающий надежду, что стали на каждую душу населения станет еще больше, на фоне чего-нибудь дрожащего или крутящегося быстро, непонятно, но очень к месту играло пианино. Это тоже был джаз, вернее, второе его проявление, после битлов.

Подобрав первую в своей жизни мелодию, воодушевленный победой, я начал делать то, что делает студент-первокурсник, одаренный от природы хорошим здоровьем и темпераментом, приехавший на учебу из деревни и увидевший, что красивых девушек в городе в тысячу раз больше, чем в его глухомани. Он начинает в свободное от учебы вре-

мя «покорять» всех, кого удастся, а потом, войдя во вкус, меняет приоритеты и уже учится в свободное от амурных походов время. Хотя можно привести и менее романтичное сравнение. Как козел, которого по какой-то непостижимой причине хозяева, в нарушение сельскохозяйственной этики, беспрепятственно стали пускать в огород, причем не только в свой, но и в соседние, пожирает все подряд, я начал подбирать все, что звучало. Через несколько месяцев я мог сыграть если не все, то почти все из того, что тогда можно было послушать. Это подняло мой авторитет соло-гитариста на завидную высоту среди дворовых обладателей шестиструнных подруг. Кстати, гитары у всех у нас были семиструнные, лишняя басовая струна или снималась, или пропускалась через спичку, зажатую между декой и грифом, чтобы родители не укорили, мол? «испортил гитару, паршивец, уже одной струны нет».

В хорошую погоду вечером мы любили иногда просто походить кругами по двору вокруг домов и поболтать о том, о сем. Во время одной из таких «светских прогулок» кто-то спросил меня:

— А что, тебе на гитаре играть уже не интересно?

— Это почему? — сначала не понял я.

— Ну, ты всего уже достиг. Можешь подобрать и сыграть любое соло, знаешь все десять аккордов, значит, можешь выдать любую ритмуху. Путь пройден, дальше идти некуда...

Ох, как мне понравился такой оборот! Почувствовать себя таким гитарным монстром, познавшим все закоулки вселенной, имя которой музыка — это было здорово. Но раскайфоваться мне не дал Лева, мой вечный оппонент. Даже сейчас, когда мы оба разменяли шестой десяток лет, встретившись и пообщавшись минут десять, мы, два седых, облысевших мужика, начинаем о чем-нибудь спорить, а тогда спор был нашей естественной формой общения.

— Далеко не все ты еще можешь, — сунул он свою дружескую ложку дегтя в мою бочку меда. — Ты импровизировать не умеешь!

— Это еще что такое, — осклабился я.

— Я точно не знаю, как это получается, но выглядит это так. Собираются совсем незнакомые музыканты, которые даже не видели до этого друг друга, говорят: «Здрас-сте» — и начинают играть. И все у них получается.

— У-у-у-у! — я заулюлюкал, закривлялся, поклонники поддержали меня, и я начал оттягиваться по полной программе, разнося Левину информацию по пылинкам и атомам. Поупражнявшись в «разделке» критики в свой адрес, я подытожил:

— Сам не можешь выдать такую солягу, как я, вот и придумываешь

На что Лева ничуть не обиделся, а если и обиделся, то не показал этого. Он просто пообещал:

— Подожди, я докажу тебе, что ты не прав.

Через несколько дней, вечером, ко мне зашел кто-то из ребят и позвал во двор:

— Выходи с гитарой, там в беседке какой-

то парень, тоже гитарист, вроде ничего играет, Левкин знакомый...

Через пять минут я входил в беседку с гитарой. Входил скромно, как чемпион Олимпийских игр входит в свой родной спортзал, где он одержал десятки побед, где среди его друзей спортсменов находится новичок, которому тоже хочется поиграть с мастером, потому что он, как и все собравшиеся, любит спорт. Так почему бы и нет?

Парень был высокий, худой. Держался не нагло, но уверенно. Познакомились. Разговор был примерно такой.

— Володя.

— Валера.

— Ну чё, сбцааем?

— Поехали, а что?

— Играй какую-нибудь ритмуху.

— Какую?

— Любую, какую знаешь. «Над рекой лениво наклонилась ива» умеешь?

— Ну...

— Вот её и играй.

Пожав плечами, я начал тренькать аккорды, а он стал играть соло. Примерно на втором такте я сбился. Я говорю примерно, потому что я и остановился-то из-за того, что не понял, в каком месте песни я нахожусь. А все из-за его соло. Звуки, которые он издавал, были похожи на мелодию «Ивы» так же, как француженка Софи Лорен на Никиту Хрущева, причем так же, как в этом сравнении, они были явно красивее.

В романе Кальмана Миксата «Странный брак» один из героев, богатый человек, отец красавицы, чья рука была мечтой многих женихов, подвергал претендентов на роль зятя многим испытаниям, одно из которых долго не мог выдержать никто. В ходе беседы он спрашивал: «А как вы относитесь к ...?» Он производил им самим придуманную абракадабру и потом «прикальвался», глядя, как человек выкручивается, не желая показаться невежей. Забрав очередного претендента, он объяснял дочери, что умный человек скорее предпочтет задать вопрос о незнакомом ему понятии или предмете, чем будет изворачиваться в такой ситуации. Хорошо усвоив этот урок, я никогда не оказывался в неловком положении при таком моменте. Как только я слышал незнакомое слово или понятие, я спрашивал, что это такое, даже если говорящий был намного младше или его положение в каком-то смысле было ниже моего.

— Как ты это делаешь?! — спросил я.

Хотя я мигом был согнан с пьедестала к его подножию, при этом у меня не было ни грамма стеснения за свой конфуз, потому что в тот момент я весь состоял только из одного желания, узнать, как это делается.

То, что он объяснил мне, вылетело из головы напрочь. Как только я пришел домой и сел с гитарой на диван, чтобы повторить хоть что-нибудь из того, что я только что слышал, повторить не получалось. Но это меня не расстраивало. Да, я пока не знал как, но зато я знал, что еще можно сыграть на гитаре, и чувствовал — масштабы

этого настолько грандиозны, что просто не имеют математического обозначения.

Три месяца, приходя из школы, я надевал гитару, включал магнитофон и, обязательно стоя перед зеркалом и представляя себя кем-нибудь из тех, кого я слушал, несколько часов подряд подыгрывал им всем. Стараясь ни на секунду не останавливаться, я повторял все, что удавалось повторить, когда не получалось, играл что-то своё, но все звуки, которые я издавал, укладывались в музыкальную ткань звучащего. Причем этого «своего» становилось все больше и больше, и получалось оно все более уверенным и осознанным.

Дела в ансамбле тем временем шли полным ходом. Прошел год после нашего основания, мы уже выступили на школьном вечере, произведя фурор в отдельно взятом советском общеобразовательном учреждении.

Для первого выступления была мобилизована вся киноаппаратура в школе, музыкальной аппаратуры тогда просто не существовало в природе. Самой большой технической проблемой было отсутствие штекеров для подключения гитар к усилителям и усилителей к колонкам. Все делалось на спичках, которыми затыкались пустоты, получающиеся при втыкании оголенного провода в гнездо. У каждого в карманах было по несколько спичечных коробков, это было нормой технической оснащённости гитаристов того времени. Перед выступлением, когда мы целый день подключали аппаратуру, на сцене школьного актового зала стоял страшный треск, слушая который, учащиеся понимающе переглядывались и многозначительно качали головами. Наше выступление было событием, и дело тут было совсем не в том, насколько хорошо мы играли. В истории школы это было первое мероприятие, в котором люди играли на электрических гитарах. По телевидению такие ансамбли не показывали вообще. «Поющие гитары» были единственным ансамблем на весь Советский Союз и приезжали раз в два года, в описываемое время на их счету было от силы 3–4 концерта в миллионном Свердловске. Поэтому большей диковины, чем ансамбль с электрическими гитарами, на тот момент найти было просто невозможно. Слышали об этом явлении все, но видели и слышали наяву очень не многие. Достаточно сказать, что многие в то время не понимали, зачем мы возимся с этими колонками и усилителями, они были убеждены, что электрической гитара потому и зовется, что звучит только после того, как ее включают в розетку 220 вольт, и при этом недоумевали: «Вот так включишь и что, по всему дому из проводов звук будет идти?»

Несмотря на весь этот технический «каменный век», у нас все прошло «на ура». Спички стояли насмерть и не подвели. Кстати, ударные мы соорудили из двух пионерских барабанов и настоящей тарелки, купленной за семь рублей в «Музыкальных товарах». Она висела на фотоштативе и казалась нам ослепительно красивой. Ну, а гитары? Про это стоит рассказать отдельно.

Простая гитара превращалась в электрическую

так. На кусок полотна от обыкновенной ножовки вручную наматывался тонкий провод, несколько тысяч витков. Занимало это несколько дней. Потом все это заматывалось изолентой, подпаивались провода, и такой вот звукосниматель при помощи пластилина и все той же изоленты устанавливался на гитару. Не было ни регуляторов тембров, ни даже громкости, но именно на таких гитарах мы произвели фурор на первом выступлении в школе.

Недалеко от нашего двора находился Окружной Дом офицеров, в зале которого часто выступали какие-нибудь гастролеры. Как только появлялась новая афиша, на которой был изображен гитарист, мы бежали смотреть на «покупную» гитару. Особый восторг и внимание вызывали ручки-регуляторы. Если гитар было несколько, мы подолгу разглядывали афишу и делали классификацию: больше всего ручек, значит, соло-гитара, поменьше, значит, ритм-гитара.

Когда я за пятнадцать рублей купил свою первую гитару-доску, естественно самодельную, на ней вообще не было этих самых ручек, звукосниматель напрямую включался в усилитель. Примириться с этим я не мог. Я собрал со всего двора штук пятнадцать крышек от зубной пасты «Поморин» и прикрепил их при помощи пластилина на ту часть гитары, где они должны были находиться. На одной из самых первых «халтур», за которую нам заплатили астрономическую сумму 40 рублей, ко мне подошел сильно выпивший выпускник, а это был выпускной вечер какого-то техникума. Он долго с пьяным восторгом умильно смотрел, как я «выдаю солягу», потом, не в силах противиться порыву любопытства, протянул руку, чтобы потрогать одну из этих самых ручек. В этот момент я резко повернулся, и она осталась у него в руках. От ужаса он наполовину протрезвел, потому что до этого, стоя около меня, что-то мычал, а тут, выпучив глаза, вполне членораздельно запричитал: «Друг! Я не хотел!.. Что же делать?!» Я быстро прервал поток извинений, забрав у него крышку от зубной пасты, и ловко ткнул её в положенное место.

Вторую мою гитару мы делали с левой около полугода. Красили при помощи пульверизатора и пылесоса, я целыми днями шкурил её, полировал, потом что-то не получалось, и мы все переделывали. Когда корпус был готов, я обошел весь район, придирчиво оглядывая киоски «Союзпечать» на предмет обдирания с них пластмассы для панели. Ничего подходящего не было. Лева выручил и тут.

— Я видел в парикмахерской шикарный кусок оргстекла, на нем висит стенгазета и еще какие-то бумажки, надо его стырить. Из него целых две панели выйдет, — сказал он, зайдя ко мне домой.

Через день группа захвата стенгазеты в составе восьми человек зашла в парикмахерскую и заняла очередь в мужской зал. Когда в зал ожидания заходили другие желающие расстаться с излишками растительности и удивлялись размерам очереди, им говорили, что это только полкласса и сейчас подойдет остальные. Такая информация отбивала охоту стричься сегодня или именно в этой парикмахерской, и через некоторое время мы остались наедине с вожде-

ленным листом. К освободившемуся мастеру сел тот из нас, кому действительно надо было стричься, трое членов команды со словами: «Можно мы посмотрим, как вы будете его постригать?» — встали около штор у входа в салон, и двое — у входных дверей. Лева снял стенгазету, сунул её внутрь пододеяльника, который я держал наготове, и мы нарочито спокойно покинули место преступления. Отойдя от парикмахерской на десяток метров, мы не выдержали и, нарушив договоренность идти спокойно, не сговариваясь, одновременно помчались во весь дух прочь. За ту минуту, которая понадобилась, чтобы пролететь пять кварталов до нашего двора, я понял, что воровать — не мое призвание, слишком сильный стресс я получал, улепетывая с листом оргстекла под мышкой.

На следующий день панель была готова. Звукосниматели на ней были накрыты никелированными крышками от стерилизаторов для шприцев, купленных в аптеке. Была моя гитара белого цвета, на ней безумно красиво смотрелись черные, окантовывающие корпус полоски из тонко нарезанной изолянтки, она очень хорошо строила и выглядела настолько прилично, что впоследствии я продал её через комиссионку за двести рублей, весьма солидную по тем временам сумму.

Когда я учился в десятом классе, у меня появилась настоящая, «покупная» гэдэровская гитара «Musema Elqita». Я тогда уже играл в студенческом ансамбле института народного хозяйства. Меня привел туда появившийся к тому времени наш электроорганист Саша Ц.

Началась новая эпоха моего музыкального существования. Половина школьного ансамбля незаметно влилась в ансамбль студенческий, другая половина пошла своим путем. Ансамбль «КОТЛЗ» умер, не став великим, но рыданий не было, ведь все были «при деле». Понятие «бедный студент» тогда было таким же естественным, как сейчас «бедный бюджетник», и для участников нашего ансамбля поиск свадеб и банкетов, за обслуживание которых нам платили по общепринятой таксе «червонец на рыло и стол», было делом физического выживания. Мы с нашим бас-гитаристом были школьниками из обеспеченных семей, для нас эти халтуры были просто праздниками, на которых мы могли вкусно поесть, что было не очень важно,

выпить вина, и это было уже поинтересней, а самое главное — вдоволь наиграться на гитарах, а вот это был просто полный улёт.

Иногда на такие халтуры ребята брали своих друзей студентов, которые изображали из себя музыкантов, для того, чтобы те просто вдоволь поели да и выпили на халяву.

Я помню, как на один банкет мы пришли в восьмером. Кроме нашего штатного саксофониста Левы Ш., было еще двое халявщиков с саксофонами, взятыми в институтском профкоме, а рядом с басистом пристроился студент с контрабасом, на котором было только две струны, что, впрочем, для него не имело никакого значения. Когда вечеринка набрала обороты, а наши артисты пантомимы набрались халявной водочки, они, не отягощенные, в отличие от нас, необходимостью музицировать, так артистично изгибались и дергались со своими саксофонами, изображая творческий экстаз, что восхищенные гости по всем вопросам репертуара обращались только к ним, совершенно игнорируя нас. А уж подойти к главному, по их мнению, музыканту вечера — контрабасисту, который, вспомнив, по-видимому, американский фильм «В джазе только девушки», так лихо крутил своим бутафорским инструментом, что было ясно — это главный виртуоз нашего коллектива и вообще непонятно, как звезду такого масштаба занесло в Свердловск.

Подходил к концу 10 класс. На носу были выпускные экзамены, хотя не известно, к чему я готовился больше, к ним или к свадьбе, на которую нас пригласили за два месяца и которая должна была проходить в банкетном зале одного из самых солидных по тем временам ресторанов «Малахит». В заведении такого уровня мы ещё не играли.

Специально к этому выступлению Лева собрал для меня первый появившийся гитарный эффект, или «примочку», как стали говорить позже. Назывался он бустер, или ограничитель — по научному. При его включении гитара начинала реветь так, что непосвященным казалось, будто хрипят динамики, зато люди околокомпетентные уважительно качали головами и говорили что-нибудь вроде «ох, и продвинутая у нас молодежь». К дню свадьбы это электронное чудо было собрано на картонке от обувной коробки

и рычало бесподобно, хотя имело один существенный недостаток. При малейшем сотрясении что-то в нем замыкалось, и раздавался усиленный аппаратурой страшный треск. Мы вышли из положения, подтвердив поговорку «голь на выдумки хитра». В картонную коробку из-под тушенки была положена большая пуховая подушка в розовой наволочке, и на ней возлежала плата бустера. Это выглядело так необычно и, главное, непонятно, что обратили внимание на эту экзотическую композицию все гости, но спросить, по-видимому не желая показаться профаном в вопросах современной музыки, не отважился никто. Лишь саксофонист из оркестра, играющего в ОСНОВНОМ зале, выйдя из кухонных недр, чтоб посмотреть на молодую музыкальную поросль, внимательно послушал несколько вещей в нашем исполнении, солируя в которых я, конечно же, включал бустер, встретившись со мной взглядом, показав глазами на электронно-спальное сооружение, одобрительно поднял вверх указательный палец.

Кстати, за несколько дней до этого мы отыграли собственный выпускной вечер, хотя воспоминания об этом остались самые расплывчатые.

Наш школьный директор Виктор Кузьмич Козлов, мудрый человек, при подготовке этого праздника сказал: «Пить на этом вечере они будут все равно, так пусть лучше делают это под нашим присмотром,

чем в туалете или под лестницами». Поэтому после торжественной части классные руководители собрали наши аттестаты и, от греха подальше, унесли их в учительскую. Мы все, учителя и бывшие уже школьники, уселись за столы, на которых кроме закусок и сладостей стояли бутылки с хорошим болгарским десертным вином «Варна» у выпускников и напитками покрепче у учителей. Под конец напились все весьма изрядно, но директорская стратегия доказала свою полную состоятельность: под присмотром старших все в целом действительно прошло исключительно организованно и вполне пристойно.

В пять часов утра двери родной школы распахнулись и мы, подогретые «Варной» и ощущением невероятной свободы, влились в праздничную реку этой необычной ночи, состоящую из тысяч ручейков-классов, таких красивых белыми бантами и платьями выпускниц, отглаженными костюмами и начищенными туфлями мальчиков, но еще больше блеском глаз и счастливыми улыбками и тем, перед чем во все времена меркли любые наряды и украшения — очарованием юности. Жизнь принимала нас такими, какие мы есть, с распростертыми руками она встречала новое поколение, неповторимое, как все прошлые и будущие, с собственной музыкой в голове, с мотивом, звучащим в первый раз, но старыми аккордами. Детство кончилось.

Валерий Костюков родился в 1952 году. Гитару в руки взял в 15 лет.

Сначала — дворовый ансамбль. Потом, будучи школьником, играл в институтском оркестре СИНХа.

С 1970 года: самодеятельность в УЛТИ, ансамбли УРГУ («БИОС»), СИНХа («ВИТА»), УПИ («ЭВРИКА»). После окончания УЛТИ в 1976 году поступил на эстрадное отделение в Свердловское музыкальное училище, которое окончил в 1980-м. Работал в оркестрах ресторанов: «Свердловск», «Малахит», Ермак», «Океан», «Космос», «Уральские пельмени». Преподавал класс электрогитары на эстрадном отделении музыкального училища, работал в Свердловской филармонии в ансамблях «Малахит» и «Лица друзей». 1990—1994 г.: группы «Апрельский марш», «Банга-Банга», студийная работа. 2000—2001 г.: частные уроки, работа в барах и ресторанах курорта «Золотые пески» и г. Варны (Болгария).

«Нам любые дороги дороги», — звенел детский голос, перебивая стук колёс. Девушка лет двадцати подтыривала пареньку в полинявшей «аляске» на старенькой гитаре. Рядом старательно басил бородач в бандане, иногда попадая в такт. А в окне поезда мелькали те самые дороги, которые нас объединяют...

Штурмуем Уральские горы,

или

Откровения

начинающей

туристки

Из всех моих студенческих лет два года запомнились особенно ярко, так как именно они преподали мне важные жизненные уроки и открыли красоту Уральских гор.

Предприятие под кодовым названием «Шунут» началось в ноябре 1998 года. Это был мой первый серьёзный поход. Стартовали мы тогда вчетвером с Азов-горы. Пять дней — срок, в который нам следовало уложиться, иначе все опаздывали на учёбу, и поэтому расслабляться не приходилось. Мы буквально прибегали на стоянку, часто затемно, снимали язык с плеча, ставили палатку, варили ужин. А на следующий день, оперативно сворачиваясь и довольствуясь сухим пайком, рвались дальше через бурелом к намеченной цели.

Но как-то случилась непредвиденная задержка: у молодого человека по прозвищу Ангел во время очередной стоянки исчезли... носки. А как выяснилось,

шерстяные носки — это очень важная деталь в зимнем походе (я лично имела с собой три пары). После получаса бесплодных поисков было решено всё-таки приступить к сборам. И вот, когда все

уже были готовы к старту, у Юли, второй девушки в нашей команде, вдруг обнаружили дополнительные «уши». Они торчали у неё сзади вверх, как у суслика. Подробное рассмотрение этого явления показало, что это не что иное, как те самые потерянные носки. Пропажа настолько примерзла к рюкзаку и обледенела, что выполнять свои функции была всё равно не в состоянии — «уши» пришлось сломать и выбросить.

Итак, урок №1 — приходите на стоянку засветло, чтобы не терять вещи, и особенно берегите носки.

А дальше — новый рывок. Нужно было навёрстывать упущенное время. Делать всё приходилось быстро и чётко (иначе просто очоленеешь), потому что второй день мы встречали уже у реки Ревда. Ничего похожего на мост поблизости не наблюдалось, и началась постройка переправы. Пилили избранную для этой цели сосёнку около часа, все по

очереди, отбирая друг у друга инструмент, так как без движения от холода немело всё от пяток и до носа. Энное время спустя наши усилия всё-таки увенчались успехом, но многострадальная сосна, увы, упала не совсем в ту сторону, в какую бы хотелось.

Урок №2 — лучшее средство согреться в походе, если приходится стоять на месте — это физическая работа: что-нибудь пилить — подходящий вариант, как для мальчиков, так и для девочек, но, на всякий случай, убедитесь, что дерево упадёт в нужную сторону.

Не помню, кому же тогда в голову пришла гениальная идея приобщиться к моржам. В другое время остряка послали бы, наверное, в очень далёкое плавание, но в тот день ничего другого не оставалось, как воплотить эту фантазию в жизнь и...

Обязанности разделились как-то сами собой. В мужские задачи входило «с комфортом» доставить девушек и багаж на другой берег, а в женские — организовать комфорт на берегу. Здесь наши мальчики были вынуждены изобразить стриптиз, который без музыки, но на фоне заснеженных сосен, кстати, выглядел довольно экзотично.

Забавно, наверное, было наблюдать со стороны, как два молодых человека в куртках, но без штанов тащат девушек через ледяную реку. Причём Юля с удобствами ехала у Ангела на

спине, я же висела вниз головой на плече у Андрея (он меня переносил по всем правилам), поднимая бутылку водки высоко вверх, как знамя. Пока наши доблестные рыцари таким же способом переправляли рюкзаки, мы умудрились в два счёта разжечь почти «пионерский» костёр. Под треск его поленьев и ушёл в небытие алкоголь, оказавшийся очень кстати (на следующий день никто не заболел).

Урок №3 — закаляйтесь перед походом. Водка спасает не всегда.

Следующие два дня были полностью посвящены дороге, никаких препятствий она нам больше не чинила. Но потерянное на переправе время не вернуть, и Шунут группа неудачников наблюдала лишь из окна последнего автобуса, на который едва успела. Все были уверены тогда, что это не последнее путешествие, ведь цель не была достигнута.

Однако обстоятельства сложились таким образом, что в следующем году мы отправились покорять другую вершину и несколько в ином составе. Там и продолжались мои уроки.

И вот за окном января 1999 года. Рюкзак собран, мысли — нет. На сей раз впереди — лыжный штурм Таганая. В команде — восемь мужчин (Ангел, правда, нас покинул) и две девушки (мы с подругой в этих приключениях неразлучны).

Вообще, надо сказать, хоть зимний поход и исключает возможность принять ванну, полежать на диване или насладиться утренним кофе, но зато он позволяет взглянуть на себя, друзей и на жизнь с другой стороны. Нам с Юлей приходилось пересматривать свои жизненные принципы, барахтаясь в сугробе. Единственными свидетелями позорных падений на первом этапе похода были кусты да ёлки. О крайнем неудобстве нашего положения можете судить сами: подруга на лыжах стояла третий раз в жизни, я чуть больше, но

экипирована была по-дилетантски — «беговушки» с обычными металлическими креплениями и шерстяной носок поверх ботинка для тепла. Знающие люди меня поймут, для незнающих поясню: идти с таким снаряжением в двухнедельный поход — всё равно что отправляться на прогулку в домашних тапочках (во-первых, они всё время спадывают, во-вторых, чувствуешь себя по-дурачки). Причём, как оказалось, с рюкзаком за спиной удерживать равновесие гораздо сложнее.

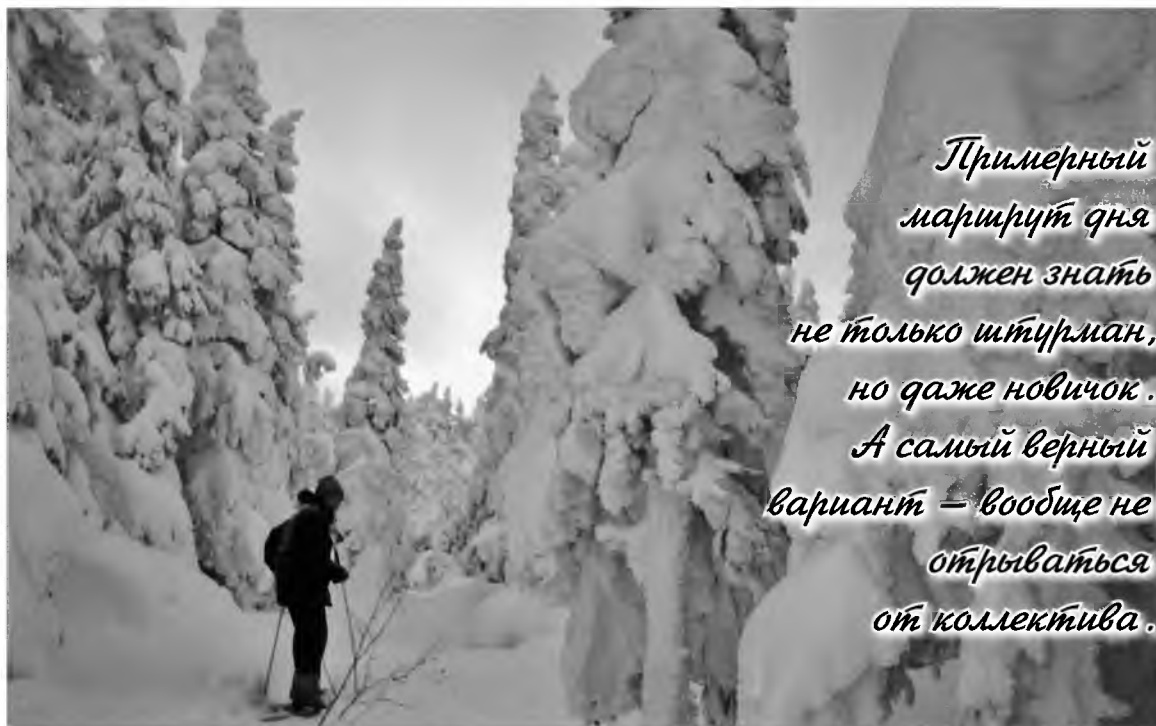
Урок №4 — собираясь в лыжный поход, помните, что лыжи основная деталь экипировки.

В итоге, я пришла к выводу: всё на свете поправимо, главное — не падать в снег лицом. Тогда же мне удалось открыть чрезвычайно удобный способ передвижения для начинающих лыжников — по-пластунски. Погода и настроение в тот день держались на пять с плюсом, пока путь нам не преградила коварная горка. При попытках её пре-

одоления я неизменно падала, скатывалась вниз, врезалась в ёлки. После чего застёгивала крепления, снова лезла вверх и... В среде лингвистов мне, конечно, приходилось выражаться, но так красиво, а главное — вслух получалось, пожалуй, впервые. В конце концов, уже не пытаюсь принять вертикальное положение, я по-партизански, на пузе, толкая перед собой окончательно слетевшие лыжи, выползла к полузамёрзшей Юле. Одежда потом сохла долго, зато препятствие осталось позади.

Урок №5 — если вы что-то делаете впервые и у вас никак не получается, изобретайте свои способы и не бойтесь показаться смешным. Ведь главное — выкарабкаться. А умение придёт после.

Другой же казус в этом походе для меня и моих спутников мог обернуться более серьёзными последствиями. Вечер тогда был сказочный. Уже успело стемнеть, и звёзды столпились на небе, как фанаты на концерте Киркорова. На пару с подругой в сопровождении одного из наших мальчиков мы медленно, но верно продвигались вперёд, вслед за остальной группой, пока на очередном повороте лыжня не расплылась перед нами в широкую колею (напакостивший «Буран» уже давно скрылся). Ночь обещала быть морозной, а палатки у нас не было, ветер крепчал, темнота сгущалась. Выражаясь языком недавнего хита: ситуация «SOS», ситуация «help». Реальнее всего было просто дождаться этот «help» — нас всё равно бы хватились. Но ждать — это стыдно и холодно, поэтому началась работа в режиме поиска. В надежде обнаружить лыжню Юлька с Антоном разбежались в разные стороны, оставив меня «на шухере» — стеречь рюкзаки (не знаю, от кого). Чтобы почувствовать себя полезной, я решила

развести костёр, но при первой же попытке достичь желанных веток так плотно засела в девственный снег, что пришлось думать о другом: лыжи сплелись в причудливую комбинацию...

К счастью, в это время на горизонте появилась одинокая фигура, оказавшаяся спасательной экспедицией в лице Серёги-лыжника. Естественно, в первую очередь помощь была оказана мне. И вот уже, стоя на дороге, слышу от моего спасителя ехидное: «И что же случилось?».

— Да так, отдохнуть остановились, а ребята отлучились по личным делам, — нагло попыталась соврать я. Но вид у вернувшихся был такой, как будто «по делам» они ещё только собрались. Так что пришлось в очередной раз признать своё дилетантство.

Урок №6 — примерный маршрут дня должен знать не только штурман в походе, но даже новичок (хотя бы что группа планирует делать: подниматься весь день или спускаться с горы). А самый верный вариант — вообще не отрываться от коллектива.

Примерно через полчаса мы уже наслаждались скудным походным ужином у костра и выслушивали «комплименты» в свой адрес. Впрочем, в моменты счастья любая критика воспринимается гораздо легче. А счастье туриста, как известно, состоит в мешке сухарей и горячей батарее, к которой можно прислониться. Вэтом, кстати, огромный плюс всех зимних вылазок на природу: начинаешь радоваться мелочам, которые в обычной жизни воспринимаешь как должное.

Следующее утро сюрпризов не преподнесло, а днём Круглица (самая высокая вершина Таганая) уже виднелась на горизонте. На подходе к горе наш путь вовсе освещало солнце. Однако когда мы уже почти достигли цели, над хребтом повисло «чмо» (на туристском жаргоне — чрезвычайная ме-

теообстановка. — Примеч. ред.) в виде чёрной тучи. Поднявшийся ветер норовил сорвать с головы не только капюшон, но и шапку вместе с волосами. Но, несмотря ни на что, в этот раз мы всё-таки оказались на высоте (и, надо сказать, на довольно приличной: 1177 м), где состоялось великое посвящение Вовочкой-штурманом женской половины экспедиции в «героические девушки». Этот обряд открыл последний этап путешествия — «Домой!»

Вот так. «Возвращаются все...» — поёт в своей песне Владимир Высоцкий. Возвращаться-то возвращаются, но что же остаётся? За что любить экстрим в XXI веке, когда, казалось бы, созданы все условия, чтобы избежать в жизни неудобств? А то и остаётся, что ничего не остаётся. Ничего от прежней злобы, обиды, усталости. И когда бедный, затюканный кондуктор проталкивается ко мне со зверским выражением лица: а вдруг не отдам за проезд свои последние семь рублей, я, радостно улыбаясь, протягиваю деньги и, выслушав кучу упреков («Где столько мелочи набрала?»), спокойно говорю «спасибо».

